

ТОНЯ ИВАНОВСКАЯ

ОТ ЛЮБВИ
ДО НЕНАВИСТИ

И ОБРАТНО

16+

Тоня Ивановская

От любви до ненависти и обратно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53853210

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-94331-5

Аннотация

Что делать, если лучший друг стал врагом? А если девушка, которую любишь больше жизни, виновна в смерти родителей? На эти вопросы придется ответить молодому оборотню, мечтающему вернуть славу своему роду. И избалованной герцогине, которая в одночасье потеряла все: семью, титул, власть, дом, магию и даже последнее платье. Верн долго шел к трону, Грета всеми силами пыталась скрыться от Короны. В итоге они обречены друг на друга, а страна на самую несовместимую королевскую чету.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	50
Глава 5	66
Глава 6	87
Глава 7	105
Глава 8	115
Глава 9	135
Глава 10	152
Глава 11	174
Глава 12	189
Глава 13	207
Глава 14	234
Глава 15	253
Глава 16	280
Глава 17	308
Глава 18	333
Эпилог	353

Тоня Ивановская

От любви до ненависти и обратно

Глава 1

«Верни, что осталось от цветов,
потому что теперь они пахнут не только розами, но и то-
бой».

Филострат (XLVI, 8-9)

Флидабург утопал в лепестках и закатном солнце. Столица праздновала День благодарения за урожай. Крыши домов золотились венцами из осенних листьев, а стены – гирляндами из раскрашенных шишек, которые весь месяц мастерила городская ребятня. На балкончиках каждого дома покачивались георгины, под окнами, в небольших цветниках, пестрели флоксы. Особыми сочными пятнами на улицах были лавки с пирамидами тыкв – самых разных форм и размеров – навесы которых, как и все перила города, украшали яркие ленты. Над всей этой праздничной кутерьмой – что сплетала друг с другом все сословия – раскинулись бравые флаги оборотней на башне заброшенной ратуши.

Старое, еще деревянное, здание много лет как было заколочено, но в редкие пиршества оно украшалось потрепанными временем полотнами. Символика старых семей развевалась над городом, сплачивая в целом разрозненное братство оборотней. Давно уж семей тех в живых не было. Три сотни лет, как не правили, но народ помнил и флаги над ратушей вывешивал. Правящему сословию хоть это не нравилось, терпели. Все-таки несколько раз в год можно и закрыть глаза на торжество старой культуры. Потому, возможно, оборотни к магам относились не как к узурпаторам, а те в свою очередь никого за культ Зверя не трогали и веру свою не насаждали. Мирно было в королевстве. Спокойно.

Вот и теперь праздновали горожане, созвав на главную площадь музыкантов, сказочников и заезжих жонглеров с факирами. Как раз за этими факирами из особняка из белого мрамора, наблюдала маленькая Грета, которую не пустили на представление.

Верховная жрица Вилма ногой топнула: “Чтобы моя дочь на нечестивом празднике веселилась? Не бывать этому!” И сколько бы девочка ни уговаривала, грозная колдунья не поддавалась. А ведь Грете так хотелось на праздник. Прежде она факиров не видела, а из комнаты сцена за кронами деревьев пряталась – толком не разглядеть.

Вдруг она услышала щелчок, словно камешек о витраж стукнулся. Обернулась, а там мальчишка за оконцем во двор. Друг ее. Частенько к ней через окно заживал. А что с него

взять? Кот, он и есть кот.

Поспешила Грета к гостю, витраж отворила быстренько и спрашивает:

– Верн? Ты что тут забыл?

– Я за тобой, – мальчишка заглянул в комнату и взял ее за руку. – Пойдем, сейчас стемнеет, и начало пропустим.

– Ты что? Мне нельзя.

– Подумаешь... Давай забирайся. Я лестницу взял.

Грета выглянула и действительно увидела веревочную лестницу, что, к ее удивлению, вела не вниз, а на крышу.

– Что ты задумал? Я не полезу.

– Ну, хочешь, на спине отнесу, – обиделся Верн.

– Ты мне лучше скажи, зачем мне туда. Родительский наказ нарушать?

– Там красиво, – улыбнулся он искренне и потянул ее за руку. – Пойдем. Даже если упадешь, я поймаю.

– Тоже мне, – фыркнула Грета, а сама на карниз вылезла.

– Не веришь? Я же оборотень. Быстрее всех на свете.

– Ты котенок, – ухмыльнулась Грета и зацепилась за лестницу. – Не дорос еще герцогинь ловить.

Грета и в самом деле была герцогиней и очень этим гордилась. По праву рождения мало кто мог так зваться. Да и единственная она сейчас во всем королевстве. Последняя в роду великих магов. Ни братьями, ни сестрами боги не одарили, потому так вышло, что титул только она наследовать может. А Верн? Из купцов зажиточных. К слову сказать, обо-

оборотни торговлей очень ловко занимались, как предки заповедовали.

Флидабург много веков назад на пересечении торговых путей выстроили, отлично дела их пошли. Город-коммуна процветал и славился. В те дни в ратуше все вопросы решались, главные семьи наравне проблемы обсуждали. А потом пришли маги. Великая сила, с которой мирное по большей части купечество не справилось. Хотя предки Греты особой кровожадностью тоже не славилась, потому – после непродолжительной войны – как-то все урегулировалось. Маги объединили земли, сделали Флидабург столицей, осторожно правили, позволяя оборотням жить практически так же, как и прежде. Налоги только платить и с вельможами не бодаться. Вот и старые песни горланить разрешали, хотя жрицы в храме каждый пир молились с таким усердием, будто это не песни о сборе урожая, жизни ремесленника и тому подобное, а призыв Зверя.

Грета вылезла на крутую крышу и чуть было не скатилась вниз. Поймал ее Верн, который, несмотря на свой – вполне обычный для одиннадцатилетнего мальчишки – размер, силой обладал немереной. Звериная кровь всегда даровала непревзойденную мощь и скорость, а что уж говорить про облик зверя. Даже в таком возрасте, когда Верн был всего лишь котенком, ничто не помешало бы ему в облике зверя переломить хребет лошади. На что способны взрослые оборотни, Грета старалась не думать. Кстати, котенком он

был на самом деле. Только большим и со слегка необычными пропорциями. А еще Верн был трехцветным. И как Грета гордилась тем, что она родилась герцогиней, так молодой оборотень хвалился своей пятнистой шкурой. А все дело в том, что по верованию оборотней, “трехцветные” – обладатели великой судьбы. Ничто не могло убедить Верна, что он просто сын купца. Он жаждал свою “великую судьбу” и ждал, когда его выберет Зверь. Порой он пускался так удивительно фантазировать, что Грета то заливалась хохотом, то смотрела во все глаза, искренне веря его глупым ожиданиям.

Верн перекинул девочку через плечо и прыгнул на небольшую башенку, с которой открывался вид почти на весь город. Грета, кстати, совсем не возмущалась таким его поведением. Они дружили, сколько она себя помнила, а потому привыкла, что встречаясь с препятствиями, он перетаскивает ее, словно куклу. Поставил и широко улыбнулся. Верн вообще широко улыбался. Уже в малом возрасте среди других мальчишек он выделялся широким подбородком с ямочкой и ямочками на щеках; это делало его таким очаровательным, что Грета порой глаз не могла отвести и думала: если существует где-то взаправдашний принц из старых сказок, то он наверняка походит на Верна.

– Смотри, что у меня тут есть, – сказал оборотень и достал спрятанную ранее огромную корзину с фруктами.

– Ой, котик! – Грета всегда называла его “котик”, когда он делал ей сюрпризы. – Там же настоящий арбуз! Где ты его

раздобыл?

– Эй, уже забыла, кто я?

Грета покачала головой, а он отрезал ей кусочек и стал методично выковыривать ножом косточки.

– Помню, что герцогини не плюются.

– Прекрати эту глупость, – засмеялась Грета и отобрала сахарный ломтик.

Она подвела ладонь к арбузу, и семечки, словно живые, выползли, поднялись в воздух, а затем упали за край башенки.

– Ты так раньше не умела.

– Я же расту, – довольно улыбнулась Грета.

– А что еще из нового можешь?

Грета подошла к краю башенки и посмотрела на площадь. Ночь сгущалась над Флидабургом, гуляние усилилось, сменив поздравительные возгласы и восхваляющие землю песни на необузданные танцы. На сцене началось представление, но ей опять было почти ничего не видно: густой туман осел на столицу, размывая все краски пиршества. Грета взмахнула руками и стала молиться. Никогда еще не пробовала силу на такой материи, но почему бы не похвастаться перед не отводящим от нее взгляда мальчишкой? Мареву поддалось и сгнуло с города, а Верн глядел с неимоверным обожанием.

– Какая ты сильная, Грета, – он прыгнул на парапет и обратился.

Сидел теперь перед ней длинноногий котенок, лохматый

и удивительно пятнистый. Грета забралась к нему, чтобы спрятаться от разгулявшегося по ее вине ветра. Он всегда ее укрывал, об этом они еще пару лет назад договорились: наоборотно ведь нет никакого дела до непогоды, а девятилетняя девочка вполне могла простудиться.

На площади бушевали факиры. Это было так красиво в наступившей темноте, и Грета даже порадовалась, что ее не пустили на праздник. Сидит теперь, с самого лучшего места за всем наблюдает.

Она грызла фрукты и восторгалась представлением, а Верн все больше погружался в свои мысли.

– Грета, – вдруг сказал он, – когда мы вырастем, я хочу на тебе жениться.

От такого заявления она чуть с парапета не свалилась, хорошо, Верн вернулся в человека мгновенно и к себе притянул.

– Ну, ты даешь, – рассмеялась Грета и слезла с опасного места. – Вот так пошутил.

– Я не шутил, – строго сказал Верн.

– Дуралей, значит, – она отряхнула платье. – Я никогда не выйду за тебя замуж. Ты мне не ровня.

– Так, значит, – разозлился Верн.

– Ну чего ты? Ну не ворчи, – попыталась обнять его Грета. – Я ведь герцогиня. А у тебя ни земли, ни титула. Отец никогда не одобрит такой брак. Я ведь одна у него. Преемница великой династии, – она села на холодный мрамор, и Верн

тут же свернулся у ее ног, чтобы его сокровище не мерзло. – Если бы для меня нашелся подходящий жених, отец уже давно выдал меня замуж. Только вот единственная соответствующая мне партия – наследный принц. А ты знаешь, что у короля нет наследника. Может, когда-нибудь родится. Если так, буду нянчить своего мужа в колыбели, кормить с ложечки и учить держаться в седле.

Грета улыбнулась из-за нелепости представляемой ей картины, а Верн все больше злился. Это хорошо, что сейчас он был котом, не хотелось, чтобы она видела все его эмоции.

– Я вообще-то тоже принц, хоть и без титула. Да и династия моя подревней вашей будет, – буркнул Верн, и это было правдой.

Может, оттого герцог и терпел рядом со своей дочерью малолетнего сына торговца. Даже тепло к нему относился, позволял называть “дядюшка Хэйвуд”, учил военному делу и прочим вещам, доступным лишь знати. К отцу Верна герцог тоже хорошо относился. Они не были друзьями, но с самым богатым оборотнем столицы могли часами беседовать. Из-за таких вот бесед Верн еще четырехлетним мальчишкой познакомился с крошечным светловолосым ангелочком, который и ходил-то с трудом, путаясь в кружевах и оберегах религиозной матери. Но как только розовощекая герцогиня посмотрела на Верна своими бирюзовыми глазками, принц оборотней привязался к ней всем сердцем.

А почему он принц? Правящие семьи еще три сотни лет

назад были уничтожены, но все же под корень вырезать их не стали. Самых бедных и безобидных в живых оставили. Конечно же, периодически мятежи вспыхивали, маги их успешно гасили, заодно вычищая столицу от последних ростков бывших правителей. Вот и пропали они все. Затерялись во времени. Одна семья Верна осталась. Как и Грета, ребенком он был единственным, а потому чистый принц, хоть производить вслух такое строго-настроено запрещалось.

– А титула и земли у тебя все равно нет.

– Если бы не идиотский запрет на покупку земель не вельможами, моя семья уже скупила бы половину королевства, – оскалился Верн. – Но я знаю, как заполучу титул.

Грета посмотрела на него удивленно.

– И как же?

– Я стану рыцарем, – гордо заявил кот, а девочка рассмеялась. – Эй, не надо так. Уже летом пойду в оруженосцы, потом в рыцари, послужу королю, получу славу и титул. Все просто. Осталось только дожидаться, чтобы меня выбрал мой зверь.

– Как думаешь, кто тебя выберет? – спросила серьезно Грета.

Верн раздраженно махнул хвостом. Оборотни не сразу получали свое обличие. Можно было лишь предугадать, в кого человек будет превращаться в течение жизни. Например, Верн был котенком. Скорее всего, его выберет священный дух кота. Но какого? Об этом он узнает только на обряде по-

священия. Больше всего Верн боялся, что станет рысью. Нет, он любил рысей. Просто все оборотни-коты в столице были рысями. Исключение – старик Фредрик, которого отчего-то выбрал дух Пумы. Верн же верил, что он особенный, что его ждет слава, что знамя его будет нагонять на врагов ужас, а трубадуры будут слагать баллады о подвигах. Но кто Верна выберет, от него не зависело.

– Я боюсь за тебя, – сказала Грета. – Оруженосцем быть гораздо опасней, чем рыцарем. Их же постоянно из лука расстреливают, чтобы своему лорду помочь не могли.

– Ага. Я уже думал об этом.

– И что придумал?

– Напишу на спине: “Кто возьмет меня в плен, получит сотню серебряных флид”. А кто будет убивать курицу, что несет золотые яйца?

Грета рассмеялась и стала трепать его пышную почти что гриву.

– Пойдем по домам, Верн. Ко мне скоро нянюшка зайдет, да и тебе прилетит, если родители узнают, что со мной был.

– Не узнают. Нет их дома сегодня. Сказали, что вернутся утром.

По какой-то неведомой причине оборотни семьи Стейнмунн не терпели их дружбы. Не то чтобы запрещали, нет. Просто ограничивали. И случилось это совсем недавно. Еще полгода назад Грета и Верн могли гулять по столице весь день, а иногда девочку даже брали за город, посмотреть,

как ведет дела купечество. Потом резко запретили детям общаться более чем раз в неделю и, желательно, при взрослых. Сейчас Грета размышляла, а не сказал ли он родителям о своих дерзких планах на ее руку? Хотя, зная Верна, была уверена, что нет. Никогда не трепался о своих намерениях, он бы и Грете не сказал, если бы не хотел заручиться ее согласием.

“Это что же получается? Я ему отказала? Еще и посмеялась, – вдруг осознала Грета. – А хотела бы я за него замуж?”

Она посмотрела на Верна внимательно. Впервые, пожалуй, выглядывая в нем не просто друга.

– Верн, ты можешь стать человеком? – попросила Грета, и оборотень послушался.

Сел рядом и, сняв шерстяную накидку, надел на девочку, все еще переживая, что та без его опеки замерзнет. А Грета смотрела на своего обожателя и думала, что из него, без шуток, получился бы благородный рыцарь. Сложен хорошо, про силу и говорить нечего. Образован, разбирается в роскоши, ни в чем придворным не уступает. Вот и волосы его пшеничные блестят в лунном свете, как в сказках описывают. Глаза зеленые, правда, в книжках синие чаще упоминаются.

“Ах, как бы Верну пошли доспехи! И герб бы он себе придумал стоящий. Не кота. Банально это. Выбрал бы светлое что-то, такое же доброе и статное, как он сам”.

– О чем ты там думаешь?

– Из тебя получится прекрасный рыцарь, – улыбнулась

Грета, и Верн был так счастлив, что не удержался и обнял ее со всей силы. – Эй, ты что? Пусти.

– Извини, – он хват ослабил, но не отпустил. – Я буду посвящать тебе каждый подвиг и каждый выигранный турнир тоже. Ты ведь будешь моей дамой сердца? Это можно и без земель, и без титула.

– Буду.

– Тогда я выберу для герба триллиумы, – мечтательно улыбнулся Верн, а Грета испугалась.

Изображать на гербе цветы ее фамилии было слишком. Даже для невинного поклонения рыцаря. Ее отцу это точно не понравится. А мать вообще может посчитать за оскорбление.

Всем известно, что верховная жрица крайне противоречиво относилась к оборотням. Как и к простым людям, она не имела на них зла и в целом готова была оказывать помощь, лечить, учить и, насколько позволяли правила, наставлять на путь истинный. Вот с путем как раз и были сложности.

Если люди без магии легко обратились в многобожие, оборотни держались за свой культ крепко. А королевская семья, к изумлению жриц, на переход в веру не настаивала. Так и остался в столице нечестивый народ со своими древними культурами. Все предшественницы Вилмы считали – это погубит страну. Не сейчас, так в будущем. И теперь магия уходила. С каждым годом ее становилось все меньше. Не могла Вилма не думать, что все из-за грязной культуры оборотней.

Молила богов о прощении, что не обратили к ним звериных отпрысков. Но боги молчали, только магов с каждым годом рождалось все меньше, а те, что были, теряли силу. Потому еще дом Триллиумов так дорожил своей дочерью. Единственная и одарена богами. Таких магов даже среди графов уже не было. Только ее отец герцог, несколько маркизов да старый барон могли по силе с Гретой сравниться. По крайней мере, на это все надеялись. Сейчас она слишком мала, чтобы с точностью говорить о способностях. Хоть и многое может, но магия до пятнадцати лет переменчива.

– А когда я получу титул? – шепотом спросил Верн. – Ты... – но его перебили.

– Нянюшка! – вскочила Грета, поймала небольшого мотылька. Он растворился в ее ладонях, и девочка поспешила к лестнице.

– погоди, ты же упадешь, – поймал ее Верн и перенес на безопасное место. – Куда так спешишь?

– Нянюшка говорит, мама к моей спальне направляется.

– Давай отнесу.

Он подхватил ее, в два прыжка спустился с крыши на карниз ее окошка и поставил Грету на ноги.

– Спасибо, – она забралась внутрь комнаты и хотела попрощаться, как вдруг на сторожевой башне забил колокол. – Что это?

Грета побежала к окну, которое выходило на главную площадь, Верн последовал за ней. На празднике началось смя-

тение, горожане также были не в курсе, что случилось, а королевские стражники, которые начали разъезжаться по городу небольшими отрядами, стали наводить панику. Затем кто-то из военных крикнул, чтобы все успокоились, потому что мирные жители в безопасности. Это мало помогло.

– Проклятье! – ругнулся Верн. – Я из-за шума ничего не слышу.

– Не проблема. Подержи меня, – Грета забралась на самый краешек. – Забыл уже, что я по губам читаю.

Умение это у нее появилось, потому что старая нянюшка была глухонемой. Недостаток отец Греты считал скорее достоинством, тем более что нянюшка была неплохой колдуньей, вот и читать, передавать весточки через морок Грете научила. А уметь понимать людей, их не слыша, герцогом воспринималось как превосходный навык.

Итак, вылезла Грета из окна и стала всматриваться в переговоры солдат. Те, как назло, крутились, и она то тут, то там по слову выдирала, наконец, сообразила.

– Мятежников ищут. Говорят, все ворота в город перекрывать надо, чтоб не сбежал никто.

Верн дернул ее в комнату и, крикнув: “Мне пора!” – умчался.

Грета долго еще рассматривала перемещение людей и солдат по площади, но особо о них не думала. Все мысли ее вились вокруг Верна и его фантазии. А ведь хорошо бы с ним было. Они с котиком понимают друг друга.

“Решено! – улыбнулась Грета. – Не удастся ему стать рыцарем, возьму себе в фавориты. Я ведь герцогиня. Отец мне в этом не откажет. Интересно, почему ко мне так и не зашла мама?”

Глава 2

Несколько дней прошло, а Верн так и не появился. Он не обещал, но никогда прежде так надолго не оставлял ее.

“Где же котик пропадает? – думала Грета, маясь с вышивкой. – И отец все время где-то разъезжает”.

Она скучала. Мать Греты была холодной женщиной, особо дочерью не занималась, всю себя отдав религии. Потому Грета большую часть времени проводила с отцом, он, в общем-то, этому только радовался. Гордился маленькой колдуньей и никуда отпускать не хотел. Были ведь на самом деле для нее женихи достойные, только далеко. А отдавать свою драгоценность герцог не собирался.

В итоге Грета, в отличие от типичных дочерей Флидабурга, готовила себя не к судьбе хозяйки дома, а к управлению родовыми владениями. Естественно, при таком раскладе вставал вопрос о продолжении династии. Подпускать мужчину более слабого к ресурсам семьи — дело немислимое, потому жрицы с год назад посеяли в голову Грете идею мужчины-фаворита. Вельможи на такое не годились, а вот достойного оборотня выбрать — дело благое: титул и землю не отберет, а звериная кровь магию укрепит.

В комнату вошла нянюшка – почему-то заплаканная – показала жестами, что отец зовет. Грета поблагодарила и отправилась в нижнюю залу. К ее удивлению, герцог не стал

с ней беседовать, хмуро бросил, что они едут во дворец, и вышел из особняка.

“А зачем мне во дворец? – удивилась Грета. – Не праздник ведь. И без предупреждения”.

Дворец, к слову, находился неподалеку от родового гнезда Триллиумов – за площадью. От центра столицы королевская обитель отделялась широким мостом через городскую реку Флиду, а само здание было построено древними оборотнями. Может, из-за этого оно выглядело так мрачно и стремилось не к небу, как вся архитектура магов, а куда-то ветвисто вширь. Хотя башни у дворца были. Две небольших и одна огромная. Ее называли “темницей благородных душ” – самые страшные легенды и истории были связаны с этим, торчащим костяной лапой, строением. Говорили, там обитают призраки убитых королей и умертвия их вассалов. Грета в эти байки не верила, Верн тоже. Часто дразнил ее, что запрет в этой башне, если Грета будет плохо себя вести. Вот в это она, кстати, верила. Бедовому оборотню хватило бы ума утащить девчонку ради забавы и приключения. Тем более, он совсем не боялся охраны и обшаривал выступы дворца, словно это его имение. Отцу Греты такое поведение совсем не нравилось. Много раз он просил Верна не потешаться над дворцовой стражей, но мальчишку приятно развлекала их невнимательность.

Когда они приехали во дворец, Грета почувствовала неладное. Во-первых, отец всю дорогу молчал, это уже на-

водило на мысли, что она чем-то провинилась. Во-вторых, повели их не в приемный зал, а куда-то вбок, в крыло, где Грета никогда не бывала. Иногда только по губам проходящих мимо вельмож читала, что там какие-то тайные комнаты имеются и что-то очень секретное решается. А при чем здесь она? Она ребенок, разве есть ей дело до дел государственных?

– С возвращением, лорд Триллиум, – поздоровался какой-то кучерявый мужчина.

По всему виду вельможа, но Грета его не знала. И мужчину отчего-то не представили. На нее вообще никто не обращал внимания. Впервые почувствовала себя привидением.

Они вошли в просторную залу, и отец тут же низко поклонился. Грета последовала его примеру, хотя не понимала, из-за чего герцог стал таким расторопным, а когда услышала голос, позволяющий выпрямиться, осознала всю важность происходящего.

Перед ними сидел король. Так близко Грета его еще не видела, потому в полной мере поняла: не врут сплетни – правитель болен. Сквозь тонкую кожу уже всю проглядывало разрушение магии. Конечно, пудра скрывала, но с близкого расстояния черные прожилки становились очевидными. Да и глаза у него были мутными, такие глаза только теряющие силу имеют. Вот и пальцы подрагивают, хоть книгу сжимает, а все равно было видно, как маг еле удерживает контроль над телом.

“Значит, правда, – думала Грета. – Что же с нами будет, если он разум потеряет?”

Король не был стар, на пару лет младше ее отца. Они провели детство вместе, хотя никогда близки не были. Герцог хорошо понимал, кто рядом с ним растет. В отличие от Верна. А король не позволял себе иметь привязанности. Он вообще был излишне подозрителен, хотя, вполне возможно, без такого навыка на троне делать нечего.

Однако Грета не знала, каким правитель был в юности. Добр ли, справедлив? Про те годы ничего примечательного не говорили, а вот последний десяток лет горожан волновал пуще лесных разбойников. Сплетничали: король теряет магию. Провинился перед богами, потому нет у него детей, а тело с каждым годом все слабее. В последнее время поговаривали, что тревожно правителю. Всюду врагов видит, с призраками общается. В “темнице благородных душ” сидит неделями.

– Как ты выросла, Грета, – обратился король к девочке, и та склонила голову. – Ну-ну, довольно. Мы поговорить тебя пригласили.

Она осмотрела залу и вдруг увидела в дальнем углу скопление. К ее удивлению, там был Верн с родителями, пара маркизов, еще старый граф, неизвестные ей люди, а вдоль стен — солдаты.

“Что они здесь делают? – она посмотрела на Верна непонимающе. Поразили припухшие красные глаза. – Он что,

плакал?”

– Расскажи мне, милая, как прошел праздник урожая? Понравилось выступление?

– Да, ваше величество. Праздники в нашей стране самые лучшие.

– Значит, видела, – улыбнулся король. – А жрица Вилма говорила, не пустила тебя на представление.

– Я послушалась, – опустила глаза Грета, сообразив, что ее подловили. – Из окна наблюдала, хоть не разрешено было.

– Из окна или с крыши? – строго спросил король.

“Боги, помилуйте. Узнали. Увидели. Что же будет? Нельзя врать королю. Это же король”.

– С крыши, Ваше Величество, – тихо ответила Грета.

– И как же такая малышка залезла на крышу? – король вновь ласково улыбнулся. – Не бойся, Грета. Я не гневаюсь на то, что ты хотела посмотреть праздник. Мне просто интересно, как так вышло. Уж поверь, тебя за это не накажут.

– Мне помог Верн, – еще тише ответила Грета.

– Какой добрый мальчик. Вы ведь хорошо дружите?

– Да, ваше величество.

– Но, насколько мне известно, семья Стейнмунн против вашего общения. Они сделали исключение в честь праздника?

Грета неопределенно покачала головой.

– Вы оба такие храбрые. Не побоялись послушаться родителей. И все это из-за красивого представления. Ах, детство! –

король помолчал немного. – Скажи, Грета, разве ты совсем не беспокоилась за своего друга? Не боялась, что его накажут, если он придет слишком поздно?

Внезапно Грета услышала еле сдерживаемый рык и посмотрела на Верна.

“Что же с ним происходит? Почему так зло смотрит на меня?”

– Ответь, Грета, – вернул ее внимание на себя король. – Верн торопился домой, опасаясь, что его накажут?

“Нельзя врать королю!”

– Нет, Ваше Величество. Он сказал, что его родителей нет дома.

– Интересно, где же они были.

– Я не знаю. Только то, что до утра уехали.

– Спасибо, Грета, – холодно ответил король и перевел взгляд на семью Стейнмунн.

– Уходи, – резко сказал отец Грете, заводя девочку за спину. – Сейчас же уходи отсюда.

– Что происходит, папа?

Герцог не успел объяснить, мать Верна обернулась рысью и, схватив сына за шиворот, в окно бросила. Крикнула: “Беги!” – и ее оглушило магией.

– Прочь! – крикнул на Грету отец и толкнул в сторону двери.

Она бежала к выходу, слыша, как бьются оборотни и маги. Слезы текли по щекам. Что же она сделала? Разве может сло-

во ребенка привести к такому разрушению? Грету выхватили из зала. Тот самый мужчина, что не познакомился с ней, когда приехали.

– Эй, спокойней. Не бойтесь. Ваш отец справится. А я пока вас домой отвезу.

– Что я натворила? – всхлипывала девочка.

Он поставил Грету на пол и присел, чтобы быть с ней на одном уровне.

– Не думайте об этом. Как верная подданная, вы все сделали правильно. И запомните, никогда не вините себя за то, что произойдет дальше.

– Кто вы?

– Граф Алдрэвандэ, – он повел ее через коридор к выходу из дворца. – Но лучше называйте меня дядя Фелан. Я служу вашему отцу. Раз он пока занят, то отвезу вас к маме. Вам ведь хочется к маме?

Грета кивнула. Хотя к маме ей совсем не хотелось, ей нужно было поговорить с Верном. Она высматривала его на выступах дворца, но кота нигде не было.

“Чем же оборотни провинились перед правителем?”

Все было очень плохо. Верна так и не нашли, а вот его родителей приговорили к смертной казни за измену. Глашатаи кричали об этом уже неделю, и из окна дома Триллиумов

было видно, как на площади строится эшафот, традиционный для казни знатного оборотня.

Давно уже не истребляли старые династии, потому горожане относились к происходящему по-разному. Одним было все равно. Заигрались в предводителей, да и пес с ними. Давно уже маги на престоле, пора бы и смириться. Другие видели в этом предзнаменование бед и лишений. Всего было арестовано около двухсот оборотней. Часть должны были казнить после семьи Стейнмунн, часть сослать на рудники. Выждав безопасное время – чтобы не навести на себя подозрения – некоторые семьи начали спешно покидать столицу, оставив на разорение свои дома и лавки. Тем временем Грета сидела у окна и плакала.

Она не знала, что делать. Где Верн? Как он теперь будет? Можно ли хоть чем-то помочь ему? Отец все так же пропал в дворце. О произошедшем с ней не разговаривал, как и мать, а потому единственный, с кем она общалась в последние дни – дядя Фелан. Хотя тот тоже подробностей не рассказывал. Уклончиво разъяснил, что родители Верна организовали собрание. Там говорились опасные вещи, и потому все были признаны заговорщиками. Естественно, Стейнмунны — главные изменники. Хотя поймать их сразу не удалось и все показывало, что на собрании они не были. На празднике тоже никто не видел. А вот что творится в доме оборотней, никому не ведомо. Король не хотел голословно обвинять влиятельную семью в организации заговора, пото-

му показания девочки пришлось как нельзя кстати.

Внезапно в голову Греты пришла безумная мысль, и она побежала к матери. Главный храм находился напротив их дома, достаточно было лишь пересечь площадь. Грета думала быстро справиться, но, добежав до эшафота, остановилась как вкопанная.

Для строения срубили священную ольху из пригорода. Такие деревья охранялись помощнее дворца королевского, благословение в них духа леса было – неприкосновенность для каждого оборотня. Поняла, что священные деревья перед ней, потому что сверкали они еле видимо на прожилках. Простой человек, может, и не рассмотрел бы. Но маленькая колдунья заметила. Такое она на разломе одной из веток видела, когда ее в молебную рощу знакомить с предками Верна водили. Ух, прилетело тогда неумехе-целителю, что дереву навредил. Грета до сих пор в ужасе, что оборотни так грубо могут к служителю культа обращаться. Хотя отличались они в этом от магов. Для магов жрицы – святость. Для оборотней – только проводники.

“Надо же, срубили столько деревьев”, – думала Грета, рассматривая искрящиеся доски, испещренные неведомыми ей знаками.

– Что высматриваешь, девочка, – окликнул ее высокий плотник из оборотней.

– Это ведь ольха святая.

– Да, – горько сказал мужчина.

– А что за символы?

– Молитвы, чтобы спас Зверь род гибнущий. А тут, – он указал на столбы расписанные, – вся история семьи Стейнмунн. С трудом влезла, думали, еще рубить придется. Ох, горе нам. Не пощадит Зверь. Накажет за кровь пролитую.

– Спасет, – ответила Грета и помчалась к храму. – Верю, что спасет.

Когда вбежала в святилище, Вилма усердно молилась. Она вообще все время молилась, но тут еще и на коленях стояла, окружив себя ритуальными лампадами. Необычно это, тем более что сестер нигде не было. Одна сидела жрица и что-то там нашептывала на языке, для Греты неведомом.

– Мама, – позвала девочка осторожно.

Поднялась медленно и обернулась. Холодным взглядом окинула, но спрашивать не стала. Грета даже растерялась. Получается, ей разговор начать придется. А как? Ведь дело такое сложное.

– Значит, просить за них удумала, – спокойно сказала Вилма, а Грета упала на колени.

– Прости, матушка. Ты же можешь. В этом году еще никого прощением не одаривала. Спаси их. Нельзя...

– Молчи, – рявкнула колдунья. – Сказано было: держись подальше от зверья нечестивого. Не таскалась бы с мальчишкой этим, ничего бы и не было.

Грета смотрела на нее растерянно. При чем здесь она?

– Спасешь их? – тихо спросила. – От всего города прошу.

Никто не хочет казни Стейнмуннов. Измени смерть на ссылку.

– Если я оборотней помилую, на эшафоте том отрубят отцу твоему голову.

– Папе? За что?

– За что, – фыркнула Вилма. – Такой же, как ты, дурак, болтается с кем не стоило бы. Кто дороже тебе? От лица богов только одного могу простить. Кого выберешь? Отца Верна или собственного?

Грета смотрела во все глаза и только то открывала, то закрывала рот. Наконец матери это надоело, и она продолжила:

– Вот и славно. А теперь возвращайся домой и готовься к казни.

– Что?

– Ты пойдешь с отцом. Королю надо выказать свою преданность. Ты верна королю?

– Конечно, матушка, – пробормотала Грета.

– Тогда иди домой и готовься.

С тяжелым сердцем вышла Грета из храма. И до вечера голова ее была пуста, ноги тяжелы, а руки бессильны. Никогда она не бывала на казни, не хотел отец, чтобы дочка видела такие жестокости. А тут... Как пережить такое, не знала. Как вообще такое можно пережить? Все время думала о Верне, надеялась, что далеко уже от столицы. Может, у родственников каких дальних или еще где. Молилась за него. Чтобы помогли, чтобы не попал ее котик лапы преследователей.

В дверь постучали, и вошел отец. Выглядел он ужасно. Скорее всего, не спал, может, и не ел. Как будто даже посерел.

– Прости, что прошу тебя пройти через это, – он протянул руку. – Можешь закрыть глаза на самом страшном.

Площадь уже заполнилась горожанами. Они шумели, кто — ожидая представление, кто — оплакивая благородных оборотней. Грете было уже все равно, она просто хотела, чтобы все поскорее закончилось. Вернуться в свою комнату, проплакать всю ночь и попытаться забыть Верна и все, что здесь случилось. По ее вине.

Она отворачивалась, не смотрела, как ведут родителей котика, как читает над ними молитвы ее мать, слышала лишь, что король смиловался и призвал второго палача. Не хотел выбирать, кто умрет первым – госпожа Стейнмунн или господин.

– Теперь смотри, – герцог сжал руку Греты. – Немного потерпи и можешь отвернуться.

Король и вправду за ними наблюдал. От его взгляда веяло холодом. Грета теперь боялась короля, как боятся дети чудовищ из страшных сказок. Как она будет ему служить? А как выйдет замуж за его сына?

“Надеюсь, такой никогда не родится”, – подумала Грета и бросила взгляд на храм, лишь бы не видеть, как отлетят от оборотней головы.

Вдруг на крыше она увидела Верна. Очень близко. Как его

не заметили, одним богам известно. Он не отводил взгляда от родителей, и Грета поспешила отвернуться. Не хватало еще, чтобы из-за нее Верна заметили. В этот самый миг взметнулись топоры, и все было кончено. Часть толпы заплакала, а король поспешил удалиться. Отец Греты передал ее дяде Фелану, который по-простому болтал с горожанами, ожидая, когда народ разойдется. Как было противно, что люди стояли и мило беседовали. Герцог поспешил за королем, а Грета почувствовала ко всему отвращение.

“Должно быть, теперь он только и будет, что пытаться выслужиться”, – подумала Грета и осторожно покосилась на крышу.

Верн смотрел на нее бешеными глазами, и от этого взгляда хотелось укрыться. А потом он лишь губами четко произнес: “Я вас всех ненавижу. Я вас всех уничтожу”. Обернулся котом, скрылся за шпилем храма, а Грета заплакала.

– Ну что вы, леди, – забеспокоился дядя Фелан. – Все уже закончилось. Пойдемте домой. Дома хорошо.

Он повел ее к родному особняку, а она все плакала и плакала. И только возле дверей поняла удивительное.

– Кот.

– Что? – не понял Фелан.

– Он теперь черный кот.

Глава 3

Гонения на оборотней продолжались уже двенадцать лет.

После той самой казни в столице стало беспокойно. Часть купцов уехала, особенно, когда король передал в казну все имущество семьи Стейнмунн. Никому это не понравилось. Раньше в деньги оборотней никто не лез. И если не было у покойника наследника, то все распределялось между членами общины. Но никак не уходило к магам. А когда золото ссыльных пошло на королевские нужды, несмотря на имеющихся родственников, большинство оборотней возмутилось.

Последовали мятежи и постепенный упадок купечества. Не то чтобы никого не осталось. Это не так. Но даже чужеземцы к ведению дел в столице относились с подозрением. Торговля чахла. Выхода из этого ни у кого не было. Король все больше делал ошибок, окружил себя подпевалами и пирировал в остатках былой роскоши.

Ах да! Магия его оставила. Под страхом смертной казни об этом говорить запрещалось. Но не скрыть все же полностью. Нет ничего страшнее для мага, чем потерять силу. Беспомощность и пустота терзает все более и более болезненное тело. Возможно, потому король и запер себя во дворце с вельможами, не вникая особо в дела государственные. Наследника у него все так же не было. А последняя жена умерла

пару лет назад от зимней лихорадки. Будущее еще недавно процветающей страны было обезличено.

Сейчас и сам Флидабург был обезличен. Уже которую неделю оплетали холодом метели. Город стал тускл и безлюден. Тускло было и во дворце, несмотря на богатые гобелены и золото. Казалось, серая угрюмость проникла в каждую комнату старого здания, в каждую щель заползла беспомощность Его Величества.

Грета стояла за одной из колонн в холодном тронном зале и мечтала поскорее убраться с нелепого представления. Король праздновал приближение зимнего солнцестояния. Хотя, заранее пировать было дурным тоном. Но королю было все равно. Он просто заливал в себя пиво и без конца ел, попутно рассказывая про былые подвиги. И Грета сильно сомневалась, что хоть один из них был в действительности. Но все слушали и жарко поддакивали.

Герцогиня терпеть не могла королевские попойки, считая свое присутствие на таких неприличных увеселениях оскорбительным. Все-таки она дочь верховной жрицы. А распутство и чревоугодие верой осуждалось. Король, слава богу, ее все еще не приметил, а потому был шанс избежать его гнусных шуточек.

Все дело в том, что молодая герцогиня так и не вышла замуж. Управляла делами отца и ничего менять не думала. Она совершенно свыклась с тем, что проживет свою жизнь в одиночестве, чем бесила короля и его приближенных. А еще

характер у Греты в мать пошел. Холодная и горделивая. Если бы не этот пугающий норв, король, может, сам на ней женился. Отказать бы все равно не посмела. Но больной мужчина боялся пускать на трон колдунью, с которой в жизни не справится.

К слову, силы у Греты оказалось даже больше, чем у герцога. Отец этому радовался, вассалы короля шарахались. Может, еще поэтому к ней никто с замужеством не приставал и тем, что руководит огромными территориями, рудниками и поставками, не возмущался. Шуточки вот только король во хмелю придумывал. Но что с него взять? Полудохлая кукла, крепко вцепившаяся в ускользающую власть.

Она подождала еще немного и, когда услышала приглашение мужчинам пройти на стрельбище, осторожно удалилась. Звали мужчин, значит, ей следовать не обязательно. Грета поспешила вернуться домой, чтобы узнать, что там у отца случилось, раз он отправил ее на это дурацкое представление вместо себя. И ведь знает, что терпеть не может ходить во дворец. Хмурое здание с темным прошлым и безрадостным будущим.

Когда вошла в особняк, услышала, как родители ругаются. Такого не случилось уже много лет. Пожалуй, со дня казни оборотней Стейнмунн.

В тот день Вилма настаивала послать на поиски Верна дядю Фелана. Говорила, что граф точно найдет нечестивого и вернет в королевский суд. Отец отчего-то противился. Гре-

та тогда думала, ему жалко мальчика. Но спустя годы размышляя над этим, пришла к выводу: отец не хотел, чтобы Верна поймали, по другой причине. Было нечто, чего ей не рассказывали. Что-то темное в прошлом оборотней. Боялись потревожить это маги. Потому схватить Верна ее отец не торопился.

Никогда герцог с ней об этом не разговаривал. Когда Грета подросла и сама начала спрашивать – уходил от ответа. Порой и ругнуться мог. Потому она решила не беречь эту рану и больше о Верне не вспоминала.

Теперь они снова ругались. Мать говорила, что отец не должен ехать. Что предвещает горе эта дорога и видение нехорошее богами послано. Реки крови по зеленым лугам запада.

“Куда же отец собрался? – спросила себя Грета и остановилась возле дверей, где они скандалили. – На запад? Что там на западе?”

– Заходи, Грета, – крикнул отец. – Герцогини не подслушивают.

Она вошла осторожно и поразила лицо матери. Обычно собранная и по всем правилам вылощенная, сейчас жрица была измотана. Косы растрепаны, лицо белое с кругами под глазами темными. Переживала мать, предчувствие ее мучило. Даже силой удержать мужа пыталась, потому что герцог нервно сбрасывал паутину магическую.

– Куда ты, папа? – встревоженно спросила Грета.

– На войну, – ответила за него Вилма. – Новый князь запада на границе буйствует.

– Новый князь? – удивилась Грета и стала припоминать донесения.

К западу от них не было никакого более-менее крупного королевства. Разрозненные княжества людей, каждое со своей культурой и традициями. Плутали по лесам и болотам, жили охотой да скудным земледелием. В общем, ничего примечательного.

Однако лет пять назад стали доходить слухи, что молодой вожак у них появился. Не у всех, нет. Но потихоньку разные семьи под себя подмял и мелкие княжества объединил. Удивительно это. Еще говорили, что так ловко он всем в новообразованной стране управляется, что оборотни к ним подтянулись. Начали торговать там по условиям выгодным. Народ-то лесной мирный, особо ничем не избалованный. Дороги князь охранял как следует. Прогнал разбойников на юг, хотя, как это сделал, до конца не ясно. Разбойничали ведь оборотни. А людям с ними не справиться. Однако у князя получилось. Так и начала развиваться торговля, оттяпывая кусок пирога у Флидабурга. Князь вроде как оборотней от налогов избавил. В общем, хитрый там хмырь заправлял. Грете даже интересно было бы на него посмотреть. Только далеко. Больше месяца верхом.хлопотно. Делец на отсталой окраине такого внимания не заслуживал.

– Подлец, – оскалилась Вилма. – На границе бунт устроил.

Три храма сжег, будь он проклят!

– Что? – не поверила своим ушам Грета. – Зачем? Он же...

Этот князь совсем смерти не боится?

– Все, Вилма, прекрати. Я поеду, и точка. – Герцог перевел взгляд на дочку. – Пойдем. Тебе поручения дам. Важные.

Герцог вышел из залы, а Грета последовала за ним.

– Хэйвуд! – бросилась догонять Вилма. – Не смей!

Он захлопнул перед ней двери и опрокинул засов.

– Пойдем, Грета. У нас мало времени.

Грета посмотрела на запертую в зале мать и поняла, что все это неправильно. Как-то странно ведут себя ее родители. Бунт у черта на куличках. Какой пустяк. Послать пару отрядов, пусть лесных дураков погоняют.

“Но отец едет сам. Почему? И мать обезумела, будто и вправду на смерть мужа отправляет”.

Они вошли в кабинет герцога, и тот достал неизвестные Грете бумаги.

– Что это?

– Почему не спрашиваешь, отчего именно я еду?

– Жду, когда сам расскажешь.

– Тогда читай, – он пододвинул ей стул и протянул бумаги.

Впервые Грета получила доступ к счетам дворца. При других обстоятельствах она бы растянулась в самодовольной улыбке: узнать секреты расходов Его Величества, что может быть любопытнее. Но сейчас сидела, листала и совсем не понимала, при чем тут западный князь и сожженные храмы.

– Не понимаю, – сказала Грета. – Король живет не по карману. И что дальше?

– А то, что город обезоружен, – вспыхнул герцог. – Мы уже давно не тратимся на армию, а то, что осталось, вконец растащили нерадивые служивые. Я один. И не могу уследить за целой страной. А король наставил везде своих пьяниц! – он шумно выдохнул. – Дела таковы, что в боевой готовности только наши войска и еще люди главных магов. И это только благодаря тому, что сами обеспечивали своих солдат.

– Ладно, я поняла, – Грета отложила документы. – И что с того? Ты серьезно боишься, что деревенщина каким-то чудом доползет до столицы?

Герцог зло на нее посмотрел.

– Все так плохо?

– У него наемники с юга. Знаешь, чем славятся?

Грета кивнула.

– А еще часть наших оборотней. Значит, в распоряжении точная и подробная карта города. Со всеми его тайными тропами. Если до Флидабурга доберется его армия, город обречен.

– По-моему, ты драматизируешь.

– Увы, нет, – сухо ответил герцог. – Но я нашел решение.

Грета посмотрела на отца внимательно.

– Мы дадим бой в одном ущелье. Задушим это отродье магией.

– Сколько магов ты хочешь взять? – занервничала Грета.

– Шестерых сильных. Семеро, если считать со мной.

– Сильных магов всего десять осталось.

– Знаю, но для построения ловушки мне нужны семеро.

– Я так понимаю, что трое оставшихся — это я, старый барон и...

– Маркиз Улмус.

– То есть ты оставляешь столицу без армии, управления и магии?

– У столицы будут ты и маркиз, – вздохнул герцог. – А я вернусь уже через два месяца.

– Два месяца держать город без защиты и денег, помогая больному королю не разрушить его окончательно. Отлично, папа. Умеешь подносить подарки к зимнему солнцестоянию. Надеюсь, хоть на церемонии будешь.

– Нет. Сама справишься.

“Проклятье, опять с королем дни проводить”.

– Хоть дядю Фелана не забирай. А то я иссохну от скуки и раздражения.

– Он покинет столицу, – холодно ответил герцог. – Но не со мной. У него другое задание.

Когда герцог добрался до запада, он понял, что его предали.

Вместо шести здоровых и сильных магов с небольшой, но

хорошо обученной и вооруженной армией, прибыло лишь трое. Одним из них был старый барон, который, герцог надеялся, поможет Грете с управлением в будущем. Но барон приехал. После того как ему донесли о плачевном состоянии войска герцога, не смог старый воин отсиживаться в своем замке.

По правде сказать, больше всего герцога тревожило не отсутствие большой армии. Его беспокоило, что магии не хватит для ловушки, которая им хитроумно придумана. Четверых для успешного нападения не хватит. Не сожжёт войско магия. Их слишком мало, а оборотни — сильные противники. К несчастью, и среди наемников с островов практически все оборотни.

“Как они посмели не приехать? Зачем предали короля ради чужеземца? И откуда у князя столько денег, чтобы подкупить старые династии?”

– Мой лорд, – прервал размышления герцога его оруженосец. – Послание с запада. Князь встречу просит.

– Когда?

– На закате. Вроде как мира хочет.

– Не хочет он мира, – герцог еще раз окинул взглядом ущелье. – Проклятье! Мне бы хоть парочку, хотя бы средних. Чтоб удержали, чтобы не дали вырваться...

– Так что ответить? – отвлек его снова оруженосец.

– Пусть выбирает место. Послушаем, что этот князь предложит.

Встречу организовали в небольшом походном шатре на территории запада. Герцог не боялся молодого правителя еще более молодого государства. Было интересно, верны ли его догадки. Встречаться с ним незнакомцу ведь ни к чему. О мире говорить? Пытаться подкупить? Слава о герцоге ходила далеко за пределами королевства. Потому стареющий маг подозревал, что за личиной князя скрывается совсем не лесной вожак, внезапно заручившийся поддержкой. К тому же, неспроста оборотни помогают армии с окраины.

Его домыслы подтвердились, когда сидящий напротив рыцарь снял шлем, изрисованный символами Зверя. Молодое лицо старой крови со знакомой герцогу мужественностью.

“Стейнмунн. Чистый Стейнмунн”, – подумал маг и поздоровался.

– Рад видеть, дядюшка Хэйвуд, – сказал Верн и налил вина в кубки. – Действительно рад видеть. Не лукавлю.

– Хотел бы я сказать то же самое, – признался герцог и принял напиток.

– Жалеете, что не убили?

– Жалею, что по такому поводу.

– Что поделать? – Верн хлебнул вина и долго смотрел на герцога. – Вы постарели.

– Забот много.

– Я пришел предложить вам сдаться.

Герцог вскинул брови.

– Не принимайте как оскорбление. Я ведь знаю, что у вас

солдат не хватает. Переходите на мою сторону.

– Да-а, – протянул герцог. – Позабыл ты меня, раз такое требуешь.

– Очень хорошо помню. И помню, что вы гораздо разумней любого из магов королевства. Я пришел забрать свое по праву. Вам ли не знать, что это правда. Я подарю королевству западные земли. Разве не заслужил я почести? Не заслужил вашей верности?

– Я присягнул королю. И он пока не умер.

– Это пока.

– В этом-то и дело, – озабоченно сказал герцог. – Ты делаешь все ту же ошибку. Как отец. Слишком торопишься, – он посмотрел в глаза оборотню и строго спросил: – Зачем ты сжег те храмы? Хочешь отобрать власть — подождал бы смерти правителя. Недолго ему ведь осталось. Дал бы купцам заработать, а вельможам пообещал западные земли, они бы сами тебя на трон посадили. Все устали, армия обессиленна, магия не защищает. Страна тонет в бедности. А ты? Устроил резню на границе? Сестер богов сжег в их обителях?

– Я никого не жег!

– А болтают обратное.

Верн молча пил вино.

– Откуда у тебя столько золота?

– Друзья помогают.

– И что это за друзья такие? Оборотни?

– Нет.

– Что ты пообещал им? Землю? Власть? Душу?

– Ничего.

– Действительно друзья, – усмехнулся герцог.

– Не сдадитесь?

– Никогда не передам власть мятежнику.

Верн поставил кубок и направился к выходу. Однако оставился.

– Быть может, дадите мне совет? Как будущему правителю.

– В будущем будь хладнокровнее. Маги оборотней сильнее, потому что используют вашу вспыльчивость.

Верн ухмыльнулся и откинул полотно шатра.

– А еще... – остановил его герцог. – Держи врагов на виду.

Верн развернулся к магу и злобно улыбнулся.

– Это потому вы позволяли мне болтаться в вашем доме?

– Я предвидел разные варианты.

– А этот предвидели?

Герцог не ответил.

– Я хотел вас убить все эти годы, – признался Верн. – Даже мечтал.

– Знаю.

– Вы так пламенно выступали на суде. Я ведь искренне верил, что мой отец для вас друг. Но после суда...

– Хм, так и знал, что ты прячешься где-то во дворце. Твой отец – мятежник. Я не защищаю мятежников.

– Храмы я сжег пустые. И получил от этого удовольствие.

Был зол. На всех вас. Жаждал крови магов. Вашей — в особенности. И Вилмы, которая могла бы изменить приговор, но не стала. Правда, когда вернулся на свою землю и увидел всю эту... разруху. Вы оказались не так важны. Не собираюсь ждать, когда горстка магов соизволит позвать меня на мой собственный трон. Он мой. По праву рождения. Это самое главное. Не месть вам или кому бы то ни было. Я король оборотней. И я принесу славу своей династии и своему народу.

– А говоришь, я пламенно выступаю. Куда мне до такой страсти. Какой зверь?

– Лигр. Черный лигр.

Герцог улыбнулся. Его воспитанник вышел из шатра, а старый маг подумал: “Значит, правдиво предсказание оборотней”.

Верн шагал по смятой сухой траве, переступая через своих и чужих солдат, и думал: с чего все покатилося к чертям? Раньше необузданность оборотней с островов его вдохновляла – не противоречила неутолимой ярости, по крайней мере – но сейчас он ощущал, что потерял над ними контроль. А может, и над собой. Верн шел по поляне, высушенной заморозками и омертвелой после сражения. Прошел мимо тлеющих знамен дома Триллиум, а увидел подросших мальчишек, которые бегали когда-то по улицам Флидабурга, помо-

гали отцам на рынке, таскались с малышкой, мечтали о военной службе.

– Вот и домечтались, – мрачно сказал Верн.

– Ты чего хмуришься? – прервал его мысли Оберон.

Высокий, ничем не возмутимый рыцарь. Верн никогда не понимал, как ему удается так безразлично относиться ко всему в мире.

Они познакомились много лет назад, когда Верн прятался в лесах запада. Оберон с братьями накормили, приютили, успокоили. А когда был готов, осыпали золотом. Ничего не попросив взамен. Просто исполняя волю Зверя. В чем заключалась его воля, Верн не спрашивал, где-то в глубине души понимая, что им самим до конца не известно.

– Заплати южанам и гони их в шею, – грубо сказал Верн.

– Спятил?

– Не хочу, чтобы они мне столицу в крови утопили.

– Это война. На ней умирают. Да что с тобой?

– Скажи мне, Оберон, когда мы войдем во Флидабург, у нас с тобой есть хоть крошечный шанс сдержать наемников, чтобы они мне половину города не перерезали? А что с женщинами сделают? Это ведь мой город. Мои люди.

Оберон встал напротив Верна и пожал плечами.

– Ты, получается, хочешь все вот так закончить? Распустить армию и вернуться в княжество?

– Конечно, нет, – нахмурился Верн.

– Тогда в чем дело? Твои люди не обучены, их мало. Что

ты сможешь без южан? Подойдешь к городским воротам, постучишь, и тебя на радостях впустят?

– Надо сделать так, чтобы пропустили.

– Угу. Дерзай!

Он прошелся немного и засмеялся.

– Нет, ну даешь! Только слава пошла про Черного князя запада, а он...

– Что за слава?

– Да как положено. Говорят про то, что свирепый. Про храмы эти идиотские мелют. Осквернитель веры! Во как. А после сегодняшнего, думаю, судачить будут без умолку.

– Выходит, на том столицу завоевывать и поедем.

Оберон посмотрел на него с недоверием, и тотчас их прервал один из оруженосцев.

– Там лорд Триллиум. Вы просили доложить, если найдем его.

– Где? Жив? – спросил Верн.

– Пока жив. Несут к вашему шатру, как просили.

Верн бросился к своему лагерю. Он приказал не убивать магов – слишком большая потеря для королевства, – но Хэйвуд спустился с вершины, как только стало ясно, что магия оборотней не сдержит. Больше герцога не видели. Верн знал, что маг не сбежит – только парочка поддалась такому соблазну – потому и бросил людей на поиски.

– Дядя Хэйвуд, – позвал Верн герцога, когда подошел к его вспоротому телу.

– Принц оборотней, – тихо откликнулся тот. – Ты победил. Отличная была битва, хоть и быстрая, – он криво улыбнулся, посмотрев на ранение. – Хорошо, что я маг. Могу избежать предсмертных мучений.

– Не торопитесь умирать. Вы мне еще пригодитесь.

– Э нет, мальчик... Это был большой камень. Забавно, ведь его бросил один из ваших подростков. Даже не в меня, а я не успел. Мы воспеваем гибель на поле боя, но на войне всегда умирают глупо, – он закашлялся. – Ответь мне...

– Слушаю.

– Как? Нравится? Получаешь удовольствие?

– Нет.

– Это хорошо. Понимаешь, что будет дальше?

Верн сел рядом и кивнул.

– Все то же самое, только с простыми крестьянами, – сказал герцог.

Верн молчал. Наблюдал, как ворожит над герцогом лекарь, но уже понимал, что все это совершенно бессмысленно. Маг умер очень быстро, а оборотень посидел немного и, вернувшись в шатер, стал выбирать оружие.

– Верн, все закончилось. Зачем тебе эта алебарда? – спросил Оберон, который до того рассматривал карту королевства и наслаждался вином.

– Надо, – ответил Верн и вышел из шатра.

Оберону стало любопытно, что задумал его вспыльчивый подопечный. Он отложил кубок и вышел наружу.

Верн стоял рядом с телом герцога и читал похоронную молитву магов. Западник понятия не имел, откуда оборотню известны такие тексты.

– Что ты делаешь? – спросил Оберон.

– Становлюсь чудовищем.

И Верн отсек голову герцогу.

– Ух! Не боишься? – спросил Оберон.

– Чего?

– Что вернется к тебе призраком и будет мстить за осквернение.

– Нет. Хэйвуд жизнь положил на то, чтобы в стране войны не было. А я одну из них закончу. Прямо здесь и сейчас. И если для этого пришлось осквернить тело, его вряд ли это расстроит.

– Как скажешь.

Верн развернулся к другу и передал голову.

– Отпусти наемников и распусти слухи. На моей стороне почти все провинции. Запугай сомневающихся. Я убил самого сильного мага, думаю, никто излишне противиться не будет. Останется просто дойти до столицы.

– И ее взять, – уточнил Оберон.

– Если успеем до того, как все поймут, что у меня нет большой армии, это будет несложно. У Флидабурга нет солдат. Кто бы там ни был, как-нибудь договоримся.

Оберон не был уверен в этом решении, хотя спорить не стал. Его миссия — помочь Верну получить корону, но спо-

соб выбирает принц. Хочет рискнуть – его дело.

Именно поэтому Оберон молча уложил голову в ящик и направился к своим людям. Надо передать послание. И надо сделать это так, чтобы ни у кого не осталось сомнений в беспощадности молодого оборотня.

В это время далеко-далеко отсюда измотанная кошмарами жрица утратила связь с супругом. Вилма смотрела на брачный браслет без пламени и плакала, когда вдруг ее озаорило предвидение.

– Теперь ты понимаешь, почему нас покидает магия? – спросило ее привидение, перешагнувшее порог святилища.

Вилма посмотрела на невысокую девушку, которую совсем не смущали обереги от призраков, и заметила брачный браслет в виде коршуна.

– Так ты и есть Трина? – поразилась верховная жрица.

– Сильным магам пора уходить. Мы и так слишком долго живем на земле оборотней.

– А как же Грета?

– Тебе нужно отдать ей свою силу. Но ведь и это тоже видела, – улыбнулась Трина. – Пора, Вилма. Маги должны покинуть это место.

Призрак развеялся, а жрица в последний раз помолилась за жителей города. Затем она взяла ритуальные чернила, нарисовала на теле нужные символы и, забравшись на башню главного храма, спрыгнула.

Глава 4

Грета стояла на вершине смотровой башни и наблюдала, как по белому снегу приближается отряд западников.

– Какого черта! Почему так быстро?

– Не знаю, Ваша Светлость, – робко ответил начальник стражи. – Должно быть, оборотни передвигаются быстрее, чем мы думали.

– Глупости. У нас тоже есть оборотни. И если донесения верны, они не могли добраться до Флидабурга так быстро. Если только...

Грета задумалась.

“Неужели у него не столько людей, сколько докладывали? Обманул, дрянь. Пустил слухи, чтобы ужаса навести заранее?”

– Что это? – она вглядывалась в черные знамена князя запада. – Там что... Триллиумы?

Грета подошла ближе к краю башни и стала рассматривать символы на подъехавших к воротам всадниках.

– Почему триллиумы? – она гневно посмотрела на притихшего начальника. – Почему триллиумы в огне?

– Не знаю, Ваша Светлость, – еле выговорил военный и поспешил покинуть герцогиню.

Надо сказать, боялись ее теперь больше захватчиков. После смерти матери, а потом вести о гибели герцога, и без то-

го строгая Грета совсем обезумела. К тому же жажда мести явно усилила ее магию. Так, по крайней мере, думали люди и сама Грета. Колдунья она стала лютая, все улицы города ловушками засеяла. Страшный морок навела, крыши гадами заполнила. Бесновалась герцогиня, желала испепелить князя, который виноват в смерти родителей.

– Брен! Триллиумы — это цветы запада? — окликнула Грета одного из советников. – Их растет там много? Почему триллиумы?

– Не знаю, моя леди. Говорят, это любимые цветы князя.

– Прелестно, — ухмыльнулась герцогиня. – Что ж он сжигает их на своем знамени?

Брен пожал плечами, и, бросив взгляд на отряд, ожидающий у ворот города, спросил:

– Говорить с ними будете?

– Зачем?

– Король приказал, вроде как.

– К черту короля! Этот олух сбежал, вот пусть и катится.

– Это ведь измена, — потупил глаза Брен, — говорить такое.

– Говорить буду то, что думаю.

– Хорошо, — выдохнул советник. – Но прошу, спуститесь к переговорщикам. Мы не в том положении...

– И тебя к черту! — прикрикнула Грета и пошла прочь из башни.

Конечно, Брен поспешил ее догонять и уговаривать. Герцогиня, честно, совсем не понимала, зачем ему это нужно.

Ведь ясно, что не с миром пришли, а сдавать столицу она не намерена. Несмотря на то, что правителя по факту уже несколько дней не было. За поступок такой ее никто бы не осудил, да и поддержка у князя была в регионах страны. Некоторые даже откровенно радовались, что придет на трон настоящий воин. Сильный. С победами. С новыми землями. Грету от таких разговоров выворачивало, оттого после нескольких перепалок с вельможами – а колдунья она сейчас могущественная – при ней Черного князя не хвалили и на мировую с ним пойти не предлагали.

Разбежались все. Кто мог, заручился “ненападением” у западников и отправился в свою провинцию; кто не мог – по большей части жители – спешил к нестоличным родственникам. Пуще князя боялись люди колдовских умертвий, что подняла герцогиня с кладбища. Разгуливали они теперь по улицам. Смирные, но как чума ужасные. Боялись люди, что послушают создательницу и нападут на живых, сколько бы она их на солдат чужих ни натравливала.

Кто остался, того герцогиня в подземелье отправить рассчитывала. Солдаты ходы разобрали и факелами все заставили. Наводнила она туннели змеями, а места для людей морокom спрятала. Жутко было в городе. Пустынно и холодно.

– Отправьте кого-нибудь еще, – отмахнулась от очередной просьбы Грета. – Я лучше пойду в храм молиться.

– Никак нельзя, – подбежал к ним взмыленный начальник стражи. – Просят герцогиню, – он наклонился и тихо про-

должил. – Говорят, сам князь с ней поговорить желает.

Грета остановилась: “А не придушить ли его плетью по такому поводу?”

– Пойдете? – умоляюще смотрел на герцогиню Брен.

– А пойду, – коварно улыбнулась Грета и направилась к городским воротам.

Когда Грета поднялась на одну из небольших приворотных башен, ей сразу бросился в глаза высокий рыцарь на вороном коне. Он стоял поодаль и ничем не отличался от прочих в отряде, но было в нем что-то притягивающее внимание. Доспехи неприметные. Чуть крупнее среднего – был в отряде и гигантский оборотень, – а глаза так и смотрели на мужчину в сторонке.

“И шлем не снял. А не князь ли это скрывается?”

– Леди Триллиум, – поклонился высокий брюнет. – Меня зовут Оберон. Я родом с Междуречья запада. Вы, скорее всего, не слышали. Ну да неважно. У Черного князя к вам предложение.

– И какое же? – равнодушно спросила Грета, а сама все на рыцаря поглядывала.

– Он просит вашей руки.

Грета потеряла дар речи. Смотрела на Оберона яростным взглядом, а стражники на башне стали нервно перетаптываться.

– Так что передать, леди Триллиум?

– Моей руки хочет? – ухмыльнулась герцогиня.

Она притянула лук магией и выстрелила в скрытого рыцаря. Тот перехватил ее, но стрела обернулась гадюкой и, просочившись мороком, впиалась в шею.

– Вот же, гадина! – зашипел Верн, избавляясь от твари.

Сняв шлем, он посмотрел на колдунью и миролюбиво улыбнулся.

– Сдавай город, Грета! И пойдем в молебную рощу.

– Явился? Обещал убить всех и сдержал слово.

Никогда прежде она себя так не чувствовала. Изумление, ненависть, сожаление. Все смешалось в крови и ударило в голову.

– На кой черт тебе свадьба?

– Королем стать без кровопролития. Никого ведь там нет. Только ты осталась. Что ты можешь? Одна. Сдавай город, объединим семьи, все будет по правилам.

– Получишь мою руку, когда отрубишь ее на площади. Чтобы я, последняя из Триллиумов, пустила на трон животное?!

Сползла с лица улыбка у оборотня. Полыхнули гневом глаза зеленые.

– Животное, значит, – процедил сквозь зубы Верн. – Будь по-твоему.

Он надел шлем и помчался в сторону своего лагеря. Гнев переполнял Верна. Уж было успокоился, решил, что прошла его дикая ненависть – желание сравнять с землей особняк Триллиумов. Встретил ведь герцога, ничего к нему не почув-

ствовал. А тут девчонка. Увидел ее фигурку тонкую – как ветром не унесло, неизвестно – так и захотелось устроить пепелище на месте храма главного. Еле вытерпел взгляд ее безжалостный.

“Как была высокомерной, так и осталась. Еще и выстрелить посмела, гадина!”

– Животное... – повторил Верн, ощущая весь яд ее заносчивости. – Отрублю стерве голову.

– Что прикажешь? – поравнялся с ним Оберон.

– Поймать эту тварь живой и притащить в мой дворец.

Как и предупреждал Оберон, им катастрофически не хватало людей. Верн сам тысячу раз пожалел, что так некстати поддался жалости и распустил наемников. Не готов он был воевать с коварной магией столицы: с хитроумными иллюзиями, ведущими его оборотней в ловушки; с ядовитыми тварями, поджидающими в подземельях; зубастыми трупами, нападающими на всех, кто родом не из города. Как ни жаждал Верн взять Флидабург без потерь, все внутри жаждало крови его воинов. Шептала магия голосом Триллиумов, разносила среди домов, обволакивая его армию гибелью.

– Чертова ведьма! – проклинал герцогиню оборотень, рубая очередное умертвие.

– Соглашусь. Но осталось недолго, – крикнул ему Оберон. – Герцогиня в храме. Я отправил туда людей, прервать молитвы и чтобы не успела натворить глупостей.

– Ты о чем?

– Мало ли как мать...

Верн не стал дослушивать. Обернулся лигром и рванул в сторону храма, не отдавая себе отчета в глупости поступка. Ввалился в святилище и замер. Грета стояла на коленях и молилась.

Как хороша она была. Чарующая колдунья с терпким голосом. Ничего, кроме приказов, не отдавала им. Властная, строптивая. Блики от лампадок играли на тугих косах, оплетенных золотом. Траурное платье подчеркивало грацию. Такой осанки не видел он у захолустных девушек, не видел кожи выбеленной у вольных оборотней. Ничто не вызывало в нем столько раздражения, сколько вызывала спесивая владычица города. Тело хрупкое и влекущее, а внутри идеала коварная ведьма гнездится, чьим шепотом прямо сейчас гибнет его армия. Оторвать бы твари голову, да только единственное, чего хочется – под ногами стелиться у гадины.

– Будь ты проклята, – прошептал Верн в человеческом образе.

Грета обернулась, встретив взгляд его пламенный. Ухмыльнулась и продолжила мольбы о милосердии к мирным жителям, о гибели всем захватчикам. Верн смотрел и думал, что дал промаху. Отвернулся от ненавистницы и ушел, лишь бы не видеть ее улыбку ядовитую.

Грету арестовали, к ее удивлению, вежливо. Принесли шубу из особняка Триллиумов. Руки не вязали и грубости не высказывали. Может, потому, что Оберон заведовал этим действием? Брюнет ей, несмотря ни на что, нравился. Особенно глаза медовые колдунье приглянулись. Была в Обероне добрая бочка обаяния, при других обстоятельствах могли бы и подружиться. Шла, поглядывала на западника и размышляла:

“Человек или оборотень?”

Привычной магии Грета в нем не чувствовала, но ощущала какую-то туманную силу. К тому же вряд ли Верн приблизил бы к себе обычного человека. Не в том дело, что он презирал людей, просто не смогли бы они на равных общаться. В первую же попойку переломал бы оборотень человеку косточки. Не со зла, из-за мужской дружественности. А брюнет все еще цел и невредим. Вот и в битве с башни за ним наблюдала. Слишком быстрый, слишком ловкий.

“Не человек. Но и не оборотень”.

– Вы ничего спросить не желаете? – поинтересовался западник.

– Уже решил, как казнить меня будет? Сожжет или через повешенье? – ухмыльнулась Грета. – Или честь окажет? Отрубит голову, в уважение роду благородному.

Оберон очаровательно улыбнулся.

“Какой же чудной он. Совсем не чувствую дурные эмоции?”

В это время они вышли из храма и оказались на площади.

– Много вы потеряли воинов, – позлорадствовала герцогиня.

– Ваша Светлость сильная колдунья.

Еще до нападения горожане спустились в убежище, и Грета по полной развернулась на улицах Флидабурга. Не помогли людям Верна ни знание улиц, ни отсутствие сопротивляющейся армии. Солдаты у Греты были, только мало. Потому она отправила всех на защиту подземелья с жителями и немного стрелков на башнях поставила. В общем, воевать пришлось захватчикам с ее магическими выкрутасами и поднятой нежитью. Сил герцогиня потратила много. Зато действительно. Еще бы неделю ей времени — и пропали бы западники в ведьмовском лабиринте ужаса.

– Князь просил привести вас во дворец.

– Просил? – съехидничала Грета.

– Если быть точным, велел вас туда притащить. Мне стоит выполнить его пожелание?

Грета не ответила. Ей было все равно. Она молча радовалась тому, что победители не проявляли жестокости к мирным жителям. И так же молча тревожилась, не сожжет ли Верн храм ее матери. Не могла она этого допустить, а потому больше не за себя переживала, а солдат возле храма рас-

смастривала, читая по губам, не обсуждают ли они его уничтожение. Солдатам пока было все равно на святилище. Это в целом радовало.

– Садитесь, – Оберон подвел ее к лошади. – Не хочу вас тащить. Но и сбежать не думайте. Некуда вам. Короля уже выследили, так что...

– Плевала я на короля! – огрызнулась Грета.

Оберон посмотрел на нее с удивлением.

– И зачем тогда вы все это устроили?

– Никогда не прощу ему смерть родителей.

– Как у вас с Верном много общего, – задумался западник и поехал вперед.

Когда добрались до дворца, в глаза бросились знамена с триллиумами.

“Вот же. Чтоб его! Точно сожжет. Буду к нему по ночам являться и душить. С моей силой, призраком я буду злобным и могущественным”.

– Ждите здесь, – прервал ее размышления Оберон и зашел в тронный зал.

“Дорвался до трона. Принц оборотней. Еще посмотрим, сколько ты на нем продержишься”.

– Герцогиня Триллиум, – объявил ее Оберон, и Грета вошла в зал.

Верн сидел на троне в окружении своих людей. Людей ли? Грета прикинула, что некоторые из них определенно люди. Куда без оборотней? Большая часть они. А вот двое были

такие же, как Оберон. Странно, она не слышала, чтобы на западе жили какие-то магические существа. Но сейчас стояли перед ней. И явно не слабые.

– На колени, Грета! – приказал Верн.

Сказал грубо, а сам до дрожи впечатлился ее обликом. Как же хороша она была в мехе заячьем. Белизной оттенял он румянец легкомысленно. И такая непроглядная Грета была, непостижимая. Словно бархат ночи, метелицей отуманенный.

Грета тоже Верна рассматривала. Вымахал ее “котик” в бравого рыцаря. Воистину, верно в детстве предугадывала. В благородном окружении не затеряется, так и хочется роже такой величественной подвиги приписывать.

“Хорош черт, – рассердилась герцогиня. – Слаженно с тронем смотрится. Будет трудно его оттуда вытащить”.

Смерила презрительным взглядом, отчего Верн тотчас пришел в ярость. Как мог, скрывал, но она-то уж видела. Молчала. Все равно сожжет, хоть последние минуты полюбуется на взбешенного оборотня.

– Леди, вам стоит... – пытался спасти ситуацию Оберон.

– Никогда еще не преклоняла колени перед торговцами.

– Э, – растерялся Оберон, явственно чувствуя, как Верн готов разорвать ее на части. – Ваша Светлость, не мне вам рассказывать, что наш король...

– Уже король? С десятков шагов назад князем был, – подцепила западника Грета и перевела взгляд на Верна. – Дума-

ешь, забрался на красивый стул — королем сделался? Тешь себя иллюзиями.

– За гордыню свою и поплатишься, – мягко ответил оборотень, всеми силами пытаясь не показывать, насколько сложно гнев сдерживать.

– Жду с нетерпением! – с вызовом сказала Грета. – На закате костер запалишь?

Вдруг Верн засмеялся.

– Нет, я тебя не убью. Не дожدهшься.

Это для Греты действительно стало неожиданностью. Что он делать собрался, неизвестно. Но какая разница? Она размышляла: раз жива останется, то еще пожалеет о своей глупости оборотень.

– Знаю, что ты присягнуть королю не успела. Мне клятву верности дашь?

– Издеваешься?

– Это чтобы записали, что ты отказалась, – мотнул он головой в сторону писаря.

Только сейчас Грета заметила, что действительно беседу-то их документируют.

“Что за дьявольскую игру он затеял?”

Только об этом подумала, как в зал вошел человек с небольшой плоской коробочкой. Передал ее Верну, а оборотень довольно улыбнулся и открыл.

– У меня для тебя, Грета, подарок. Сюрприз. Помню, любишь сюрпризы.

Он достал из коробки медное кольцо со знаками Зверя. Грета моргнуть не успела – не то что оттолкнуть Верна магией – как тот защелкнул украшение на ее шее.

Кожу обожгло хищным пламенем, Грета сразу поняла, что медь зачарована. Попыталась вырваться, только сила не слушалась. Будто крылья вырвали бабочке, трепыхалась в руках оборотня, совершенно беспомощная. А Верн не отпускал ее, сжимал пальцы на белоснежной шеи и в глаза смотрел безжалостно. От глаз его пронизывающих мороз прошел по коже, а оборотень возвышался над добычей долгожданной и почему-то медлил, сам не осознавал окончательно.

Лишь схватил ее, мысли все развеялись. Чувствовал, как колотится в герцогине сердце ненавистное, ощущал запах ее колдовской и попытки вырваться неумелые. Как же хотелось вгрызться в ее голову.

– Это пожиратель магии, – хрипло оборвал их единение Оберон. – Древний амулет против колдовства. Мы...

– Она уже поняла, – отшвырнул Грету Верн и вернулся на трон.

Оберон помалкивал, как и все в зале. Герцогиня приходила в себя, пытаясь понять новые ощущения. А Верн прикрыл глаза и нахмурился.

– Сама виновата, – наконец тихо произнес оборотень. – Из-за упрямства твоего на улицах трупы валяются. Открыла бы ворота, сейчас на местах тех болтались бы перепившие на свадьбе счастливики.

– Мерзавец, – шептала герцогиня, пытаюсь стащить с себя украшение, которое ошейником стянуло горло. – Будь ты проклят, грязное животное!

– Опять животное, – сжал зубы Верн. – Я оборотень! И я твой король, нравится тебе это или нет.

– В таком королевстве я жить точно не намерена.

– О, нет, ты будешь. И я лишаю тебя титула.

Грета замерла, прожигая его взглядом.

– И земель. Все у тебя забираю, Триллиум. Все. Будешь жить долго, без привилегий и без магии. Посмотрим еще, долго ли гордыня у тебя, девка, продержится.

– Еще что отнимешь? – холодно спросила Грета.

Внутри у нее как будто все окаменело, а Верн пожал плечами.

– Я пойду? – спросила она с вызовом.

– Иди. Хотя нет, – Верн окатил ее триумфальным взглядом. – Не слишком ли роскошно платье для горожанки без имени?

– Что?

– И украшения благородные.

“Чтоб ты сдох, урод!”

Грета скинула с себя серьги, кольца и пояс драгоценный. Швырнула ему под ноги шубу. Начала расшнуровывать платье. Столько злости было в ней, что даже помощь не понадобилась. Чувствовала, как краснеет. Только не от стыда, от ярости. Не смотрела на других, только Верна душила своей

ненавистью. Перешагнула через бархат черный и в оборотня с рыком бросила. Тот поймал, вроде как даже смутился. Грета стояла в тронном зале в тонкой рубашке чуть выше щиколоток и думала:

“Попросит снять, глаза ему выцарапаю”.

Не просил. Только сидел на своем троне и пялился. Торжествовал, должно быть, оборотень. Но по виду не сказать, о чем думает.

– Все? – вздернула она гордо голову.

– Нет! – прикрикнул на нее Верн. – Тесьму золотую забыла.

Стала расплетать волосы. Пальцы дрожали, получалось очень медленно. Прокляла его уже всеми бранными словами, которые за свою жизнь услышала. Выживет и отомстит, только это Грету успокаивало.

Бросила тесемки в застывшего оборотня. Скользнула взглядом по Оберону, который был белее снега на улице.

– Вы можете идти, ле... Грета, – тихо сказал брүнет.

– Поторопись, – ожил Верн. – До темноты еще найти приют нужно. А то мои солдаты о пылкости столичных ведьм наслышаны.

Грета бросила на него ядовитый взгляд и гордо зашагала к выходу. А когда хлопнула дверь, один из советников повернулся к своему оруженосцу и тихо сказал:

– Отправь людей, пусть перехватят прекрасную деву и отвезут в особняк, что я занял.

В тот же миг Верн сжал его горло.

– Если один из вас... Или один из ваших людей тронет ее хоть пальцем, в тот же час оторву ему голову!

– Но вы же... – прохрипел советник.

– Пусти его, Верн, – вступился Оберон. – Мы не обязаны предугадывать твое настроение. Особенно... такое.

Тот послушался и попытался успокоиться. Плохо вышло.

“Вспылил опять. Куда она пойдет без платья? Ведь холодно...”

– Мне отправить за ней? Передать шубу? – угадал его мысли Оберон.

– Нет, – рявкнул Верн. – Сдохнет, так ей и надо, гадине.

Глава 5

Грета вышла из дворца, и ее охватил дикий холод. Никогда прежде она так остро его не чувствовала. Как теперь будет жить без магии? Ведь и дышится даже по-другому. Такая слабая.

“Не отомщу, – чуть не плакала Грета. – Не смогу. Тут и замерзну в лучшем случае. В худшем стану солдатским развлечением”.

– Грета, – окликнул ее Оберон, который вдруг оказался поблизости. – Простите... Грета, возьмите шубу.

Набросил на плечи, не дожидаясь разрешения, провел рукав над ней, и Грета согрелась, будто на морозе не бывала.

– Нехорошо будет, если в метели пропадете.

Он посмотрел на нее с сочувствием.

– Как же вы со всем справитесь? Ведь не найдете себе покровителей.

– У меня есть я. Этого достаточно.

Наклонил голову на бок и так добродушно улыбнулся, что Грета смутилась.

– Вы короля своего совсем не боитесь?

– Я ничего не делаю против воли его величества.

– Это как понимать?

Не ответил брюнет, растворился в снежном порыве.

– Быстрый, – вздохнула бывшая герцогиня. – Какой же

магией ты пользуешься?

Она вошла на мост, ведущий на площадь, и стала разду-
мывать.

“Идти мне теперь некуда. Денег нет. Связи утеряны. При-
думать бы, где переночевать... Ай, черт с ним! Вернусь в
особняк, попрошу совета у нянюшки”.

Хотела наколдовать послание и расплакалась. Как она те-
перь будет? Брела по заснеженной улице и уже ревела в го-
лос. Плевать на людей. На всех плевать. Доберется до дома,
а там успокоится.

Когда она подошла к особняку Триллиумов, заметила сол-
дат у входа.

“Черт, поставил уже своих... – Грета со злобой обошла
здание и увидела, что один из входов для прислуги не охра-
няется. – Вот и отлично”.

Пошла и постучала.

Ей открыл младший поваренок и закрыл рот руками, что-
бы не выдать бывшую владелицу.

– Правильно. Нянюшку зови. И скажи, есть кто в доме?

– Нету, Ваша Светлость, – засуетился мальчишка. – Ни-
кто дом не занял. Очень странно это. В особняки в центре
города оборотни заселились. А наш заколотить приказано.
Вот и ушли все.

Поваренок спешно поставил перед ней хлеб и мясо и по-
бежал за нянюшкой, а Грета стала трапезничать. Даже не ду-
мала, что так проголодалась.

“Что ж... Выжила. Что дальше делать? Не ясно. Здесь, что ли, поселиться призраком? Хотя проверит. Уходить надо. Еще бы знать, кто приютить теперь рискнет. Побоятся ведь короля. Эх, с кем бы союз заключить, чтобы и Верна извести, и в дураках не остаться...”

Спустилась на кухню нянюшка. Лица на ней не было. Грета кое-как успокоила – коротко рассказала о случившемся. Старушка плакала, а вот Грета как-то приободрилась. Не все так ужасно. Она жива, цела и полна решимости. Магию надо вернуть. Как вернет, так уроду этому не поздоровится.

Грета ощупала гадкое кольцо, так ловко изменившееся под ее шею. И застежка пропала, хотя ясно слышала, как щелкнул Верн, когда нацепил эту пакость.

“Это оно?” – показала нянюшка.

Она придвинулась поближе и стала рассматривать. А потом зарыдала и в перерывах между вытиранием слез показывала:

“Теперь ясно, куда мальчик после казни отправился”.

– Это куда это?

“В Заветный лес оборотней. А не знаете вы, ваша светлость, – махнула она рукой. – Никогда культом Зверя не интересовалась. Никто из магов не увлекался им. Я бы тоже не знала, только муж у меня был оборотнем”.

Нянюшка вышла из кухни, и долго ее не было. Грета пока сидела и думала, где бы ей про этот лес узнать, раз оттуда украшение.

“Уходить вам надо из города”, – вернулась нянюшка.

Протянула ей городское платье и овечью шубу. А затем наколдовала вороненка и в окно выпустила.

“Шуба, что наденешь, зачарована. От глаз чужих укроет. На дорогу до границы хватит”.

“До границы?”

“Да. Я послание деверю отправила. С ним поедете. Никто не полезет с обыском к старому оборотню”.

Грета посмотрела недоверчиво.

“Не обидит. Герцог покойный никому их них зла не делал. Подсоблял даже. Так что дочери помочь — дело праведное. Он-то и про лес расскажет, но когда спрашивать будете, то аккуратнее”.

– Ладно. Что на границе я забыла? И в какую сторону отправить меня хочешь?

“На юг, Ваша Светлость. Нет там магов, потому никто не подумает. Вы ведь сейчас друзей искать должны будете. А на юге вы их не найдете”.

– Звучит превосходно, – позлорадствовала Грета.

“Там старый дом у семьи нашей есть. Зброшен. Но пожить можно. Дед Фроди с хозяйством поможет. Он давно уж хотел столицу покинуть. На родную землю вернуться. Вот и повод есть”.

“Как это — на родную землю? – растерялась Грета. – Мы что же, едем на земли южных оборотней?”

“А куда еще? – всплеснула руками нянюшка. – Говорю

же, там вас искать не будут. Да, не бойтесь, леди. Вы южнее поедете, на побережье. А в тех местах уж нет никого. Старый лорд как умер, так землю прокляли. Никто не сунется”.

– Почему прокляли?

“А воевали они там кланами. Крови много пролито. Зверь осерчал на них, потому место гиблым признано. Но вы же не оборотень? Что вам сделается?”

– Верно, – кивнула Грета, хотя сама в это не поверила.

Страшно ей теперь было без магии.

“А могу от этого ошейника избавиться?”

“Не знаю. Но не думаю. Снять только тот, кто надел, в силах. А вот привыкнуть к нему попробовать можно. Мне сказку бабка рассказывала, как одну колдунью в цепи зачарованные заковали и в горы упрятали. Так она спустя годы из гор вернулась. Покарала зверей, хотя цепи на руках раскачивались. А может, и просто фантазия. А вы не грустите, ваша светлость, вы лучше покушайте. Фроди на рассвете придет. Отдохнуть нужно. В телеге вы ездить не привыкшая”.

“Хорошо, только дело у меня к тебе есть, нянюшка. Помогите мне тайник открыть детский. Я теперь без магии не справлюсь, – попросила Грета. – Там забрать мне кое-что нужно”.

“Что же вы из детских игрушек сделаете?”

“Сюрприз для его величества”.



Дед Фроди оказался выше Греты на две головы. Старый, да. Но права нянюшка, к такому оборотню точно в телегу никто не сунется. А уж как легко он ломал молодые осины, чтобы костер на привале разжечь, Грета так и не привыкла за всю дорогу. Страшные эти оборотни. Без магии с ними жутко даже рядом находиться. Даже с улыбающимися.

Чуть позже Грета узнала, что зверь деда – медведь. Потому и огромный такой, потому и характер мягкий. До поры до времени, по крайней мере. Если на войне, то добродушность с него сходила на раз. Жестокие картины из прошлого он ей рассказывал. И про ссору старых кланов на юге поведал с каким-то необычным восхищением. Вроде и жалко, а вроде и силища такая, что в жизни не встретишь.

Поссорились семьи по какому-то пустяку. То ли свадьба какая сорвалась, то ли еще что. Еще до прихода магов дело было. Но обида, хоть и небольшая, разрослась в веках густо. Так что никто не мог оборотней южного побережья усмирить. Бились семьи друг с другом, не жалея ни женщин, ни детей, ни людей, которые и ни при чем были. Не зря отец Греты говорил: чем южнее поселение оборотней, тем опаснее. Маги из-за их гневливости и беспощадности на юг и не двинулись. Были бы помягче, может, давно острова в буйном море к стране добавили.

Хотя, помимо крови дикой, завоевание островов останав-
ливалось именно побережье. Провинция большая и числилась
за королевством, однако с особенностями. Верно сказала ня-
нюшка – гиблое место. Грета никогда о побережье, как о зем-
ле магов, не думала. Потому не сразу поняла, куда ее спро-
вадили. А когда поняла, осознала, насколько сложно ей там
будет обжиться. Что там обжиться. Выжить бы.

Когда маги пришли и объединили земли, южные области
оставили за собой особые привилегии. Налоги они платили,
общие законы королевства соблюдали, да только магов к се-
бе на землю так и не пустили. Свои лорды на юге правили.
Оборотни. Некоторые, правда, в жены колдуний взяли, что-
бы хоть как-то народы связать. Хотя как связать. Жена в до-
ме оборотня – душа подневольная. А после благословения
Зверем маги родиться не могли уже. Только оборотни. Ни-
кудышное объединение. Однако, больно суровы южные жи-
тели. Никто с ними воевать не хотел. Ну, еще причина – мор-
ские демоны, с которыми только живя в мире, можно спра-
виться.

Грета сидела в телеге и все обдумывала, как ей на юге бу-
дет? Далеко они уже забрались от столицы. Магов нет, людей
нет. Своя культура, о которой она имеет очень поверхност-
ные представления. Трудно на ноги встать при таком раскла-
де. С другой стороны, на земле оборотней узнать про ошей-
ник зачарованный будет проще.

– Послушай, дедушка, а что за лес такой Заветный у вас

в культуре имеется?

Фроди посмотрел на нее с подозрением.

– А зачем тебе? Лес как лес. Священный. У вас, магов, тоже такое есть. Не лес только, а святилище.

– Да, есть святилище. Далеко на севере. В скалах замороженных. Боги там живут, с вершины мира за всеми наблюдают. А что же? В лесу том ваш Зверь сидит?

– Нет, – засмеялся Фроди. – Там духи. У них помощи просить можно, только прийти в лес – это к смерти.

– Что-то я не понимаю.

– А что тут непонятного? Нечего к ним шастать. Духи, они всех нас видят, если надо... помогут. А то ходят всякие со своими глупостями.

– Хм. Получается, что если придешь в лес по пустяку, то смерть ждет. А если смилуются духи, то помогут. Теперь понятно.

– Ничего тебе, колдовская душа, не понятно. Нет того леса в нашем мире. Чтобы попасть в него и к духу обратиться, умереть нужно. После смерти, уж тебе-то известно, только умертвием вернуться можно.

“Верн точно не мертвые, – подумала Грета. – Значит, или пожалели его, или духов не встретил. А кого тогда?”

Она вновь подумала о странной магии Оберона.

– Слушай, а неужели во всем лесу только духи и живут? И никаких призраков...

– Призраков... – эхом откликнулся Фроди задумчиво. –

Верно подметила, призраков в том лесу на всех хватит.

– А... – хотела было еще кое-что спросить Грета.

– Хватит, – резко оборвал ее Фроди. – Нечего о таких вещах по дороге трепаться. Еще беду накличешь.

Грета замолчала, а сама все думала и думала.

“Что же за сущность может в таком месте скрываться. Оберон вроде не злобный. Даже наоборот, уютный он. Теплый. Вот и руками провел, я согрелась. Огненная магия. И быстрый. Точно, старый барон огнем хорошо владел, всегда такие фокусы ей показывал. Раз, и прицепился к ветру, не догнать, не сбить никакой магией”.

– Дедушка, – осторожно позвала Фроди. – Знаю, что надела. Но ответ последний раз, и отцеплюсь от тебя со своими расспросами.

– Что узнать хочешь? – вздохнул старый оборотень.

– А есть ли у вас в вере существа какие огненные? Вроде как маги, только... Почему вы так смотрите?

Фроди и вправду смотрел на нее странно. Будто предателя увидел. Грета от его вида поежилась и поняла: что-то верное сейчас подметила. Только у деда такое лучше не спрашивать.

– Молчала бы ты лучше, ведьма, – грубо ответил Фроди. – Еще что ляпнешь, с телеги выброшу.

Грета поняла серьезность его настроения и больше о культе Зверя ничего не выпытывала. Хотя сама про себя тихо радовалась. Не простак друг Верна. Только у оборотней про таких существ лучше не спрашивать.

Вновь начала размышлять о месте своей ссылки.

На островах в море живут тоже оборотни. Да только такие, что ужас наводят на все края и все народности. Культ Зверя у них в своем худшем обличи. Культ войны и насилия. Никакой торговли. Только грабеж и завоевание. Большинство молодежи с островов становятся наемниками. Сильные и беспощадные, они приходятся по душе многим армиям. А порой и зажиточным лордам, которые творят руками хищников неприглядные свои деяния. Как Верн, к слову. Заплати морскому демону, сотворит любое беззаконие. Это потому что один для них закон писан – кто сильный, тот жить право имеет.

– А почему так получается: чем южнее оборотни, тем кровожаднее? – спросила Грета на следующем привале. – Что это? На вас так солнце действует?

– Хэ! Солнце, – Фроди расшевелил угли в костре и повернул заячье мясо, что почти зажарилось и разгоняло аппетит Греты похлеще любого дворцового угощения. – В Зверя лютого они верят, а мы в доброго.

– У вас разные Звери, получается?

– Один он. Только кто как умеет, тот так и верует.

– Не понимаю я вас, – пожала плечами Грета. – У нас все просто. Есть боги. Их много. Всех надо уважать, всех слушаться. Но друг другу они не перечат. Потому и маги все одинаковые. У кого больше силы, у кого меньше. Все отличие. А у вас что? Зверь один. Вы все разные и по-разному

верите.

– Верно ты, колдунья, подметила. Зверь свободу нам дает. Право жить, как хочется. Вы вот служите. А мы дети его. Чувешь разницу?

Фроди подошел к своей телеге и налил немного медовухи, купленной на постоялом дворе. Вообще он останавливаться на них не любил и Грету сразу предупредил о ночевках подикому. Но за медовухой исправно заезжал. Любят медведи мед, не могут без сладости его долго.

– Островитяне в старый культ верят. Тот, который еще до Флидабурга был. От которого сбежали семьи наших предков. Ух. Навоевались они тогда. Зверь отпустил и место новое для нас нашел. Обещание взял, что драться за корону не будут, а правителя выбирать вместе станут. По способностям.

– И так появились великие семьи оборотней, что построили город и стали мирными торговцами, – подытожила Грета. – А те, что в море, почему Зверя не послушали? Сколько оборотней ни видела, никто его воле не перечил.

– А почему мне знать? Говорят, хотели вернуться. Туда, откуда пришли.

– А откуда пришли оборотни? – спросила Грета, сама уже догадываясь, что дед ответит.

– С Междуречья запада.

– И что мешает вернуться? Зачем жать на островах, если...

– Давай спать, – перебил ее Фроди. – Встретишь наемни-

ка, вот у него и спрашивай. Я этих чертей лет двадцать не видел и желания такого не имею.

– Ладно, – ответила Грета, а сама подумала, что Оберон, когда назвался, сказал, что он с Междуречья запада.

“А раз так, надо обязательно разузнать про место это. И отчего туда морские демоны хотят вернуться, но не возвращаются”.

Поутру Фроди оповестил, что почти приехали. А точнее: – К ночи доберемся, – сказал он, собираясь в дорогу. – Красоту несусветную встретить готовься.

Недоверчиво Грета на деда посмотрела. Заброшенная провинция. Что там может быть удивительного?

Пока ехали, вспоминала, что растениями и животными побережье очень богато. Горы подходят близко к морю, защищая от холодных ветров и прочей непогоды. А влажный ветер, южное солнце и удивительно плодородная земля делают этот край мечтой любого лорда. Делали, вернее сказать.

Сейчас по всему краю разгуливает непомерное число злобных призраков, пакостят, вселяются в живых и просто жуть наводят на прибывших. Оборотни считают, что каждый, кто на побережье встретит призрака, принесет в дом свой беду и болезни. Не ходят они сюда. Оттого заросли давно поля и виноградники. Роскошная область приняла вид

мрачной пустоши.

Ближе к закату действительно границу гиблой земли переехали. Угрюмый столб с предупреждающими надписями покосился, но дело свое делал. Уведомлял путников, что дальше ходить опасно. Особенно по ночам. Особенно оборотням.

Людам на самом деле призраки ничего сделать не могли. Проклятье края только детей зверей касалось. Но заселяться сюда никто не спешил. Во-первых, неприятно. Во-вторых, понимали все, что как только обзаведутся хозяйством, грабители с моря подтянутся. А справиться с демонами людям не под силу.

Маги же сюда не селились из-за неофициального договора с южными оборотнями. Те магов на своей земле не терпели. Даже налоги собирали местные. А тут вдруг отдать им целую провинцию – дело невысказанное. Зарастет, сгорит, сгинет, но всегда будет землей оборотней.

Телега все катилась и катилась, а Грета по сторонам поглядывала. Привидения высматривала. Не было ни одного.

“Может, сплетничают, что кишит тут все ими? – думала. – Как бы там ни было, хорошо здесь. Верно Фроди говорит, красота несусветная!”

Вдалеке на утесе высился старый замок. Деревню неподалеку, как и все прочие, забросили. А дом родни Фроди был не дом, а старая мельница. Старик ее починить надеялся и заняться, чем семья его испокон веков занималась. Грету, к

слову, это радовало. Мельница прокормить сможет. Смущали только два обстоятельства: как дела вести с оборотнями и кто покупать муку с проклятой земли осмелится?

И если первое она решила на медведя повесить, то со вторым проблема. Оборотни в место это не ходят. Значит, надо людей привлекать как-то. К работе хотя бы. А торговать где-то в другом месте. А каком? Далеко если ехать, то мука золотой окажется.

“Что же делать? По всему получается, ничего толкового с мельницей этой не получится”.

Когда подъезжали, Грету поразила сохранность строений. И пустынность тоже поразила. Нет, она понимала, что жители ушли отсюда не из-за бедности, но чтобы так аккуратно, не думала. Все дома каменные. В поселениях магов такого нигде не видела. Дед Фроди пояснил, что это из-за нападений наемников. Каменные стены крепче и сжечь такие деревни не так просто. А орудовать с камнем любому оборотню под силу. Потому материал в ходу.

Призраков все так же не было. Грету это немного беспокоило.

“Выжидают, что ли? А чего?”

Остановились возле мельницы. Фроди сразу же начал хозяйничать. Грета ходила возле телеги и осматривалась.

Поля кругом, только заросшие. Инструмент на месте. Закатай рукава и работай. Хоть бывшая, но колдунья, Грета чувствовала, как дышит земля тоской, как готова одаривать

хозяев. Лишь бы только жили, лишь бы не бросили. Устал юг от одиночества.

– Поразительное место, – тихо сказала Грета.

– Что ж в нем поразительного? – Фроди посмотрел на нее настороженно. – Ты чего же так улыбаешься? Не печалит тебя, что из дома родного выгнали и теперь на пустыре этом чахнуть будешь?

– Такого ожидали? – спросила игриво Грета, хотя и сама не понимала, с чего такое радостное настроение.

– По правде сказать, да. Всю дорогу хмурилась, про оборотней выспрашивала. Думал, ты пакость какую задумываешь. А сейчас вон какая! Как луна светишься.

Грета пожала плечами. Пакость действительно задумывала. И хмурилась. Все правильно он говорил. И про перемену в душе верно отметил. Легко ей стало. Будто домой вернулась.

– Не знаю, дедушка. Красиво здесь.

– Красиво, – подтвердил Фроди и продолжил заниматься мельницей.

Грета тем временем по полям расхаживала и дивилась, как такую пышущую жизнью местность проклятой землей назвали. Один вид на горы чего стоит. А замок? Сонеты можно стопками посвящать такому зрелищному строению.

Замок на утесе дивил все тем же странным стилем оборотней. Угрюмый, из темно-серого камня, блестящий в лунном свете обсидиановыми балюстрадами. Клонился он так,

словно старый грач со скалы за морем наблюдает. Настороженный и мирской жизнью измученный.

– Воин, а не замок, – улыбнулась Грета и развернулась к Фроди. – Значит, совсем одни тут будем.

– Одни.

– А вы почему не боитесь? Мне, нянюшка сказала, не нужно, потому что я не оборотень.

– А я старый уже бояться, – он утащил последние вещи в мельницу. – Заходи, хозяйка. Надо дом в порядок приводить.

Приводить в порядок было особо нечего. Вещей, а следственно и хлама, почти не было. Все в аккуратности оставлено. Осталось прибрать, да сидеть раздумывать, как работу на старой мельнице организовать.

Спустя неделю они совершенно адаптировались. Грета легко привыкла к скрипучим завываниям со стороны утеса. Фроди говорил, что то призраки проклятых оборотней, которые пролили кровь сородичей. Пришел Зверь к старому лорду и потребовал прекратить с соседом ссориться. А тот не послушал. Больно гордый был. Вот каждый убитый солдат в призрака и превратился. Бродят теперь здесь. Воют.

Близко, однако, они не подходили, может, оттого, что дед их не боялся. Может, потому, что Грета колдунья, хоть и бывшая.

“Ну и пусть воют, главное, чтобы меня и мою мельницу не трогали, – думала Грета. – Освоюсь как-нибудь и посмотрю, что там за призраки”.

Она вышла из невысокого домика, в котором жила раньше семья мельника, а теперь Грету там разместил дедушка. Спрашивала, почему сам не живет в нем. Фроди отвечал, что по земле соскучился. Хватило ему одинокой кровати в городе. А теперь в родных местах хочет спать под луной и чувствовать себя истинным оборотнем. Вот она и брела к деду, поговорить надо было. Вечер, а знойно. Грета до сих пор не привыкла к южному климату. Пахнет так сладко, хоть из воздуха нектар делай. Даже камни пряностями напитаны.

– Понимаешь, дедушка, – начала осторожно Грета, когда заметила седого медведя под дубом могучим. – Не получится у нас мукой зарабатывать.

С самого приезда она считала-высчитывала. И все приходило к тому, что достаточного зерна им вдвоем не вырастить, ездить за зерном разорятся, а муку продать — еще добратся на рынок нужно. Слишком далеко они от людей и от оборотней. А последние еще и дела с прокаженными иметь побоятся. Кто будет хлеб печь из муки проклятой?

– Да, милая, – вздохнул Фроди. – О таком я и не подумал. Что делать, деревенский я мужик. Этим вашим расчетам не обучен. Считаю-то до двадцати только, – он посмотрел с грустью на торчащую в отдалении старую мельницу. – И что ж делать с таким наследием? Пропадем.

– Не пропадем, дедушка. Я еще подумаю. Тут зимы нет совсем, земля хорошая. Надо что-то другое делать. Что-то дорогое, чтобы дорогу оправдывало.

Она села рядом и стала пейзаж рассматривать. А дед Фроди ее разглядывал.

– Всю неделю за тобой наблюдаю. Переменилась ты. Спишь крепко, хотя души неупокоенные под окнами рыскают. Всю дорогу металась во сне, беспокоилась. Столько осины извел, чтобы духов дурных отогнать. А тут, на те. Спит, как довольная кошка. Румянец появился. Аппетит вон какой хороший.

– И что значит это по-вашему?

– Земля тебя приняла, Грета. Не знаю, как и зачем, но рад тебе здесь Зверь. Даже духи нас не тревожат. Около шастают, но вселиться в меня ни разу не пытались. Будто оберегом каким мы закрыты. А знаешь что, милая... – воодушевленно начал медведь.

– Что?

– Будь здесь как дома!

– Да я вроде...

– Нет, не так. По-настоящему. Знаю, в мыслях все о мести думаешь, брось это. Начни здесь все заново. Мало кому из лордов удастся так переменить путь свой, с рождения уготовленный. Держись за хвост Зверя, раз подхватил тебя и в новое место привел. Судьба, может, тут ждет. Молодая ты. Обживешься, парня встретишь, любовь там, семья. Ни к чему множить ненависть. Ты глянь, к чему приводит она. Благословенная земля, а всеми брошена.

– Что же вы, предлагаете забыть, что Верн отца моего

убил? Просто так взять и забыть?

– Убил-то убил. А ты ответь вначале. Герцог бы с Верном что сделал? Неужто отпустил бы?

Посмотрела на медведя строго.

– Такое вот дело. Нож в спину оборотень магу не засаживал. На поле битвы они встретились. Сама бы ты разве Верна пожалела? Если бы выиграла?

– Нет.

– Ага. А он тебя пожалел.

Грета нахмурилась.

– А ты не злись. Лорды злятся, люди гибнут. Вам, магам, такое тяжело понять. Вы в своем домике пошептали – и нет врагов. А мы, оборотни, руками их рвем, лапами, зубами порой. Знаешь, что такое — вкус внутренностей на языке чувствовать? Ага. Вы ветром трупный запах смахнули, а мы вонь эту, пока сама не пройдет, чуем. И на себе в том числе. Потому и не любим по дурасти драться. Верн вот повоевал. Может, потому его побольше вашего короля и любят. Знают, что попробовал он, что такое за землю свою стоять. Если повезет нам, неплохим правителем станет. Как думаешь?

– Не знаю, – злобно ответила Грета. – Какое мне дело до этого?

– Самое прямое, если все еще считаешь себя герцогиней. Твоим людям под чьей властью лучше спину гнуть? Разумного короля или больного пьяницы?

Поняла Грета, к чему клонит старый оборотень. И как

противно ей было, что прав он. Верн — не самое плохое, что могло с королевством случиться.

– Давайте решу так, – выдохнула Грета. – Будет он хорошим королем, буду сидеть здесь и жить своей жизнью. А станет угнетать кого, то не пощажу. Доберусь до столицы и соблю с него золотую корону.

– Хм. Говоришь, как дочь знакомого мне герцога, – улыбнулся Фроди.

Ей было и приятно, и тоскливо. Скучала она по отцу. Не хватало совета его и просто теплоты душевной. Сидела, наблюдая красоту ночи, и все раздумывала: как бы ей жизнь эту новую начать и что со всем этим богатством заброшенным делать.

– Там что? – Грета указала на удивительно-розовеющий туман под склоном, на котором они сидели.

– Розы.

– Это кто ж столько засеял?

– Никто не сеял. Сами выросли. Не трогали просто, а земля, как ты говоришь, здесь хорошая. Семья лорда гордилась полями этими. Красиво, но как полезешь вглубь, обдерут, хуже хищников. Старому лорду вообще нравилось такое сравнение. У него и на гербе розы были, обвивающие кота злобного.

– Это почему же кота?

– Так воевал он с котами. Ну, точнее, предок его, что с соседним лордом повздорил. А тот котом был. Да и всегда

там котов хватало. Так и повелось, – Фроди посмотрел на нее внимательно. – А что улыбаешься? Чего-то надумала?

– Надумала, дедушка, – еще шире растянулась в улыбке Грета. – Ух, что надумала! Скажи, а ты мед ловко собираешь?

– Спрашиваешь... Я ж медведь.

– И много тут его водится?

– На нас с тобой хватит.

– Не для нас, дедушка, – покачала головой Грета. – Вино из роз делать будем.

Глава 6

Король Верн III праздновал два года своего правления.

По такому случаю гулял весь город. На площади местные построили снежный городок, поставили лавки с угощением и всем миром славили короля оборотней.

Хоть изначально к Верну относились с подозрением – все-таки захватчик – очень быстро население прониклась к нему симпатией. Никого не обижал, безопасность основных дорог наладил, с соседними странами не ссорился. Вот и западные княжества доход приносили, а вместе с тем новых ремесленников, грибы и лесные ягоды. В общем, хороший правитель, на фоне короля магов, попался. Оборотни вообще считали его благословением.

Сам Верн тоже был всем доволен. Возрождал старую культуру и традиции. Вновь развевались флаги старых семей. Вновь открыл ратушу. Проблемы по мелочи были, но как-то в хорошем настроении и решить все проще получалось. Наслаждался король своими победами и делился радостью с приближенными. Естественно, такого правителя тоже любили порадовать. Вот и сейчас во дворце пир устроили.

Представители всех родов собрались. Со всей страны ехали. Должно быть, три века таким кругом не собирались. Пировали два дня, как черти. Знакомились, дела обсуждали, друг друга в гости зазывали. Ну, и конечно подарки дарили.

Куда ж без подарков? Сидел Верн на троне, а подвыпившие гости к нему подходили. По одному про дары со своих земель рассказывали.

Стрый лис с севера соболиную шубу поднес. Рубинами, золотом украшена. Роскошь невероятная, как раз для молодого правителя. Доволен был Верн, глаза загорелись, уже представил, как разгуливать в ней будет по городу.

– Хороша шуба. С такой ничто не сравнится, – беззаботно набросил подарок на плечи король оборотней.

– Так уж не сравнится? – хитро щурясь, спросил жилистый южанин, коршун по сущности. – Мы-то с сыновьями получше дар приготовили. Усладим сейчас Ваше Величество.

– Что же это такое? – заинтересовался Верн, улыбнувшись по-доброму.

Южанин подозвал своего слугу, и тот быстро налил в кубок богатый вино из сундука с подарками.

– Истинное южное солнце, – ответил коршун. – Расскажу вам легенду, Ваше Величество. Не откажите?

– О, легенды я люблю. Послушаю с радостью, – Верн взял поднесенный ему кубок и стал работу ювелира рассматривать.

– Давным-давно в наших краях оборотни поспорили. Задолго до вашего рождения. Да и до моего задолго. Бились две семьи ожесточенно. Пока не проклял их Зверь, умертвил семьи своим повелением, поднял с земли призраков, выгна-

ли неуспокоенные с полей плодородных все население.

– Знаю, знаю я эту историю.

– Вот и чудно. Значит, знаете, что простаивали земли, ни один оборотень не мог на них больше дня находиться.

Верн кивнул и вина выпил.

– Пока не пришла дева чистая. Красотой и покладистым характером Зверя умилоствовала. Никому нельзя на земли гиблые. Только молодая девушка с волосами белыми по полям тем ходит. Встает на заре. Собирает лепестки южной розы. С медом их пьянящим смешивает. Добавляет слезы свои девственные и оставляет на время. Вино, которое вы пьете, с земель проклятых. Сам Зверь сотворить из цветов позволил. А потому дает оно силу великую, безмятежную радость и упоение.

– Хороша сказка, – довольно улыбнулся Верн. – И вино прекрасно. А что ж за дева такая? Какого духа преемница? Волосы белые, значит, заяц. Или, может, лебедь? Из какого рода она? Кто родители?

– Никто не знает, Ваше Величество. Не подходит близко. Поставками медведь старый заведует.

– Подай-ка бутылку.

Слуга достал закупоренную из сундука и передал правителю.

– “Кровь кота”, – прочитал Верн. – Интересно.

– Герб старого лорда был...

– Я помню, – перебил Верн. – Хоть имя девы той извест-

но? Или такую мелочь тоже скрывает? Любопытно мне. Может, позвать ко двору? Что думаете?

– Великая честь, – низко поклонился южанин. – Но я, к сожалению, не знаю, – он заозирался на своих сыновей. – Кто-нибудь знает?

– Не думаю, что это так важно, – вдруг вмешался Оберон. – Давайте лучше пойдем в зал пировать. Госпожа Магри постаралась. Такое жаркое... Я даже отсюда чувствую...

– Перестань, Оберон, – засмеялся Верн. – Что за спешка? – он повернулся к южанам. – Так как зовут прекрасную деву-оборотня?

– Мне друг рассказывал, – тихо сказал один из южан, совсем подросток. – Он раз слышал, как медведь кричал ей. Про остатки на мельнице спрашивал.

– И каково имя?

– Грета, Ваше Величество.

Переменился в лице Верн. Гости враз замолчали, поняли: что-то недоброе это имя вызвало. А король сидел с кубком и думал:

“Грета? Или совпадение?”

– А пойдемте пировать, – спас ситуацию Оберон.

Находчивые по большей части гости были благодарны ему за предложение. И как-то потихоньку все перешли в зал с угощениями, лишь бы не попасть под горячую руку явно раздраженного правителя.

– Это она? – грозно спросил Верн у друга, как только они

остались одни. – Ты знал?

– Она, – вздохнул Оберон.

Кубок полетел в стену.

– Сам запретил о ней говорить.

– Уже жалею, что поддался жалости и отправил шубу.

– А в чем, собственно, проблема? Не думал же, что Грета прачкой будет? Интриги не плетет. Занята делом. Вино и вправду отличное.

– Кровь кота... Вот же гадина.

Грета осмотрела нагруженную вином телегу и довольно улыбнулась. В самом начале этого предприятия и подумать не могла, что так бойко дела пойдут. Конечно, большую роль сыграла легенда про девушку-оборотня. Идея, кстати, деда Фроди.

“Все-таки в крови у этих оборотней товар представлять в лучшем свете, – подумала Грета. – Мне бы в голову не пришла такая глупость. Дева скромная. Ха!”

Но, надо признать, образ таинственной хозяйюшки в гиблом месте сыграл свою роль. Она ведь до последнего думала, что оттолкнет это покупателей. Кто у ведьмы вино брать будет? А кто, кроме ведьмы, в таком месте поселится? Но оборотни мыслили какими-то своими чудными категориями, потому о девушке в полях роз ничего плохого не думали.

Дед Фроди над образом ее, к слову, постарался. Как только первый заработок пошел, платья ей купил шелковые. Ленты нежные, чтобы на ветру красиво развевались. От кос Грете отказаться пришлось.оборотни юга так не ходят. Да и в полях волосы распущенные хорошо издалека смотрятся. А она, как только любопытный какой купец заезжал, очень грациозно расхаживала. Вроде как на виду, но чтобы запах людской не унюхали. Пришлось ветер научиться чувствовать. На это больше всего времени Грете понадобилось.

– Ну, все, – залез Фроди в телегу. – Поеду. Вернусь дня через три.

– Хорошо, дедушка.

Осталась одна и пошла колдовскими делами своими заниматься. Деду не рассказывала. Не то чтобы боялась, что выгонит. Нет. Чтобы не беспокоился. Привязался он к ней. Как к внучке, которой никогда не было. Сын у него на охоте пропал по глупости, никого не оставил. А больше детей у Фроди не имелось. Так и грустил в одиночестве. Может, поэтому на проклятое побережье не побоялся вернуться. Хотел смерть здесь встретить. На земле предков. Даже и не думал, что вместо завершения жизни, начнет ее заново. И дело обрел по душе, и компанию.

Грета собрала вещи для обряда и пошла к старому замку. Угрюмое по первости здание теперь ей казалось совершенно домашним. Темное, да. Но не страшнее королевского дворца. Тут даже жуткой башни не было. Красиво внутри. Никто

вещи семьи не трогал, драгоценности не брал. Заходи и живи в свое удовольствие. Но Грета ходила сюда по другому поводу.

Как только приехала на побережье, колдовать училась заново. Пожиратель магии предметом оказался не таким уж особенным. Не поглощал он эту магию, просто удерживал. Как только колдуешь, силу обращал против хозяина. Больно было. Грета в первые разы так плакала, что неделями отходила и всерьез думала больше колдовать не пробовать. Однако время шло, а желание вернуть силу жгло пуще пыток ошейника. Да и сложно в новом месте обжиться без магии. На целую провинцию они одни – сложно и небезопасно.

Спустя год Грета уже неплохо справлялась. Полтора прошло – совершенно освоилась. Силы в ней прежней не было. Но небольшое колдовство поддавалось, вызывало только жжение. Краснела кожа, приходилось залечивать, но сдвиг в мастерстве Грету радовал.

“Еще пару-тройку лет — и освою все, что ты, урод, отнял”, – думала колдунья, рассматривая шею в зеркале.

Вполне возможно, вам интересно, почему теперь Грета тренировалась именно в замке. Сейчас расскажу.

Когда ей исполнилось пятнадцать и вся семья осознала, что силы у Греты даже больше, чем они могли рассчитывать, отец не на шутку забеспокоился. Переживал, что больной король надумает использовать дочь как дарителя магии. Действие это опасное и сложное – например, нужно искреннее

согласие мага на передачу силы от него к одариваемому – но король находился уже в такой безысходности, что (чем черт не шутит) мог бы и рискнуть. На юную герцогиню, к слову, прекрасно подействовал бы шантаж, а уж в этом король был мастер. Именно поэтому в тот год герцог решил подстраховать дочь и обучил Грету древней и запрещенной в их просвещенной культуре практике – насильно забирать силу у магических существ. И самое забавное, а теперь так мило пригодившееся, что тренировались они на призраках.

Как только Грета освоила начальную магию, пошла исследовать округу мельницы, встретила она неупокоенных душ немерено. Радовал тот факт, что призраки были оборотней, и ошейник медный тоже создали оборотни – остатки магии с пожирателем отлично друг с другом сладили. Каждый раз, вбирая в себя силу призрака, Грета чувствовала, как ошейник слабеет. Не может он удерживать оборотней, не для того его создали. Мало только в них магии. В привидениях, так вообще крупницы. Но как только Грета нашла эту лазейку, начала с азартом охотиться на духов своей провинции. Ну а больше всего их в старом замке пряталось. Потому и бродила она по нему каждый раз, как уезжал Фроди с мельницы.

Самым лакомым призраком для Греты был дух последнего лорда. Старик оказался коршуном, каждое полнолуние слетал с замка в море, и чувствовала колдунья, что в нем-то силы немерено осталось. Выследить пыталась, заманить пробовала, не поддавался лорд. Ускользал, петлял по кори-

дорам так, что Грета догнать не успевала, а потому вычислить его передвижения не могла. Отец ведь с детства твердил, что предсказуемы призраки. Новые пути не выдумывают, по привычным петляют, запомнишь ходы, ритуальные ловушки поставишь. А лорд быстрый слишком и замок огромен.

– Проклятуший обычай оборотней строить непонятные домища. На кой черт они всегда из коридоров путаницу делают?

Грета зажгла факел. Затем взяла карту замка, что чертила уже пару месяцев, и двинулась дальше обследовать древнее строение. Шла осторожно, опасалась ловушек от захватчиков. Вскоре дошла до места, на котором свои записи остановила, и стала размышлять, в какую сторону двинуться. Пути у нее было два. За тяжелыми дверями она обнаружила темные проходы, заросшие паутиной. Подумалось: “Уж не гигантских ли пауков тут бывшие хозяева прятали?” Однако следов кормления жутких тварей нигде не было.

– Хорошо, – выдохнула Грета. – Сейчас у меня есть немного магии. Если столкнусь с чудовищем, отобьюсь как-нибудь. Да и огонь у меня имеется.

Она еще раз заглянула за одну и за другую. Проиграла детскую считалочку и вошла.

К удивлению Греты, коридор ни к каким дверям не вел и вдруг начал сужаться. Стало жарко и душно. Она решила вернуться. Не стоило рисковать, пока не вернула силу в пол-

ной мере, но как только мысль эта посетила, Грета увидела, как мелькнуло свечение.

“Призрак! И чей же?”

Она погасила факел, опасаясь спугнуть добычу, и медленно пошла за плутающим по проходу телом. Проход, к слову, был все так же узок, и Грета едва протискивалась вперед, надеясь, что где-нибудь там есть поворот, и коридор вернется к своим обычным размерам. Но поворота все не было, а паутина уже надоела и оплела все платье и волосы.

– Фу! – разозлилась Грета и сняла с лица свалившуюся на голову паутину. – Ладно, пусть идет. Надо выбираться из этой узкой печи.

Она потянулась к факелу, чтобы зажечь его, как вдруг услышала легкий шорох по шелковому подолу. Посмотрела под ноги, а там рука привидения. Прямо из пола вынырнула и пальцами по ткани перебирает.

– Это еще что? – одернула подол Грета. – Вы так себя вести не должны.

Сделала шаг назад, а рука призрака никуда не собиралась. Грета зажгла факел: огонь всегда их пугал. Не тут-то было.

– И что с тобой делать? – спросила она у руки, которая все также тянулась к ее платью. – Вылезай. Посмотрим, сколько в тебе магии.

Как только получил разрешение, призрак провалился обратно и больше к шелковому платью не приставал.

– Трус, – съехидничала Грета.

Тут же по ее спине прокатилось холодное дуновение. Такое неестественное, что сразу стало понятно – дыхание мертвого. Она обернулась резко и выбросила руку вперед, защищаясь от призрака факелом. Замерла, увидев не убоявшегося лорда. Он смотрел отуманенными глазами, рот перекосялся злобой, а паучьи пальцы тянулись к ее шее.

– Подчинись, – приказала Грета, метнув в призрака сеть.

Лорд стряхнул заклинание, но нападать не собирался.

– Прочь из моего дома, ведьма!

– Не шуми, старик, – ухмыльнулась Грета. – Нет у тебя тела, потому ничего мне не сделаешь. Только оборотней проклинать силы имеешь. Эта магия мне больше пригодится.

– Глупая девка, – ответил лорд и рассеялся. – Встретимся этажом ниже. Посмотрим, на что сгодишься.

Грета хищно прищурилась и посмотрела на карту.

– И как, интересно, добраться до этажа ниже? Я вроде как на первом сейчас.

Ее вновь потянули за платье. Опять любопытная рука снизу.

– Что? Ты, небось, оттуда. Проведешь если, смилуюсь.

Рука неопределенно взмахнула.

– Покажись. Говорить можешь?

Из пола тотчас выпрыгнул паренек лет двадцати. Высокий и кудрявый. Не от болезни умер, от удушения. На шее полоса высвечивалась.

– Здесь умер?

– Повесили, – ответил призрак восторженным голосом. – Давно живых не видел. А ткань такая прекрасная, – он опять потянулся к подолу, потому Грете пришлось махнуть перед ним факелом.

– Слушай, а ты не безумец часом?

– Нет, – хитро улыбнулся парень. – Я портной.

– И зачем повесили тебя?

– С женой лорда в саду целовался, – как ни в чем не бывало ответил призрак.

– Ясно, – сказала Грета и посмотрела на пол. – Что там внизу?

– А ты меня отсюда заберешь?

– С чего вдруг?

– Помогу тогда. Ты колдунья, можешь душу мою от места смерти отвязать.

– Я лучше силу твою заберу.

– О, нет, леди. Прошу, смилуйтесь, – запаниковал парень и шлепнулся на колени. – Пригожусь вам. Служить буду. С лордом подскажу что, помочь не могу, уж больно сильный... Не уничтожьте, возьмите с собой одинокое привидение.

Грета вздохнула и отчего-то пожалела парня. Наверное, потому что давно с молодыми не общалась. Все с дедушкой и дедушкой. Никакой молодецкой смелости. Соскучилась.

– Ладно. Веди на встречу с лордом. После подумаю, стоит ли тебя от места этого отвязывать.

– Слушай, а звать тебя как? – спросила Грета, когда призрак портного привел ее к тайному ходу в подземелье замка.

– Эйлейв.

– И что за зверь, Эйлейв?

– Заяц.

Грета посмотрела на парня с интересом. Во Флидабурге она зайцев не встречала. Не выдерживали они общества столичных оборотней, которые по большей части были хищниками. А зайцы, они милые. Талантливые. Любвеобильные. Теперь понятно, почему рискнул с леди в саду целоваться.

– Жизнь отдал ради любви. Не сожалеешь?

Паренек улыбнулся заразительно.

– Самую малость. Но мы, оборотни, такие. Любим до потери разума. Эх, не представляешь ты, колдунья, что такое любовь оборотня.

– Что же это такое? – в коридор темный зашла Грета.

– Это словно... Не наступай на... – крикнул Эйлейв, но она уже ногу на ступеньку поставила.

Лестница под ней разверзлась, и колдунья провалилась во тьму.

Упала на что-то мягкое и вязкое. Хотя скорее тухлое. Именно дух гниения наполнил ее легкие. Как назло, факел выронила. Попробовала нащупать пол каменный. Ничего.

Теперь Грета ясно ощущала, что ползет по массе какой-то перепревшей.

“Так, надо срочно отсюда выбираться, – сердце бешено колотилось. – Нехорошее место. Еще немного...”

– Ведьма! – крикнул сверху лорд в сущности коршуна.

Грета тут же покатилась, как по слякоти. Ударилась о колонну и, вдруг оказавшись на полу, вскочила на ноги. Света не было, но ясно чувствовалось, как груды не пойми чего тоже поднимается. И ужаснулась, поняв, что у груды той ноги есть. Тысячи.

“Боги, это же мертвья, – ужаснулась Грета. – Чьи?”

– Эй, – появился рядом Эйлейв, осветив собой ее страшную догадку. – Что делать будешь? Провалилась к проклятым. Навсегда тут останешься.

– Погоди, погоди, – озиравась по сторонам Грета, понимая, что мертвья ее уже заметили. – Что они хотят? Откуда? Кто создал?

– Зверь создал, – спокойно ответил призрак. – Ты что, совсем легенд не знаешь? Армия лорда здесь. Призраки – это убитые. А тут выжившие. После последней битвы Зверь их покарал. Велел собраться под замком и принять яд. Вся армия превратилась вот в... это.

К Грете потянулись первые мертвые, желая вырвать из нее хоть капельку жизни.

– Стойте! – крикнула она, лихорадочно проигрывая варианты отхода. – Преклонитесь, воины вольного юга!

“Бесполезно, – чуть ли не выла Грета. – И все совершенно бесполезно!”

– Вот тебе и конец, – вздохнул Эйлейв. – А так хотелось вырваться. У меня планы были. Платья тебе сшить. Отправить на пир к вельможе какому-нибудь...

– Заткнись, – крикнула Грета, отталкивая особо притких магией. – Хотя стой! Вельможа... Воины юга! Жаждете ли вы крови кошачьей?!

Умертвия замерли, чем привили Грету в восторг. У нее получилось!

– Мерзкие предатели! Вот кто эти коты! Достойны ли они ходить по земле юга?!

Со всех сторон зазвучало нечленораздельное недовольство.

– Прости, – прошептал ей на ухо Эйлейв. – Я не очень понимаю, что ты делаешь.

– Выживаю, – отмахнулась Грета. – Лучше скажи, где выход отсюда. Я долго не протяну.

Эйлейв мотнул головой в сторону лорда, и Грета заметила, что к нему ведет лесенка, а прямо за призраком дверца, подсвеченная восходящим солнцем.

– Пролетите ли вы, воины юга, кровь кота, чтобы не оскверняли потомки его поля пряных роз и берег бурного моря?!

Вскинули руки к небу умертвия.

– Тогда, – Грета достала из потайного кармана то, что утащила из родного особняка – мешочек кошачьей шерсти, –

словом Триллиумов возвращаю вам жизнь солдатскую! Чтобы восстали вы на защиту от кота захватчика. Стерли с лица земли его армию. Отомстили за род ваш загубленный!

Грета выбросила шерсть в толпу воспаленных мстостью умертвий и упала на колени, взмолившись. Не надеялась, просто нужно было выжить, просто выжить. Ничего больше. Сила поддалась. Ошейник жег дьявольски, но не мешал. Развеялась ветром над умертвиями шерсть Верна, вкладывая в тело каждого ненависть и желание уничтожить. Солдаты замерли, принимая новый смысл своего существования.

“Пора!” – рванула Грета к выходу.

Бежала, стараясь не думать о боли, об огне, что пожирал ее шею. Главное – добежать. Спрятаться от дикой армии. Черт с ним, с лордом. Пусть себе властвует в замке. С нее хватит. Главное — добежать.

Она вывалилась на широкий балкон, покосившийся настолько, что Грета покатилась. Единственное, что спасло – перила, за которые она зацепиться успела.

“Вдох-выдох. Еще бы знать, как отсюда вылезти. Проклятый лорд! Заманил, а теперь вишу тут над морем”.

Сейчас ей хотелось плакать. Обдурили, напугали, чуть не убили, еще шерсть – ее сокровище – пришлось выкинуть. Именно этот драгоценный мешочек Грета выудила из своего детского тайника.

Давным-давно, когда Верн ее пригласил на свое первое воплощение в молебной роще, глупый мальчишка поделился

с ней шерстью. Как опрометчиво: добровольно дарить часть себя колдунье. Но Верн был мальчишкой, и они дружили. Дурак. Скорее всего, забыл уже о своем проступке. А вот Грета помнила. И уже за сотню вариантов, как ее использовать, придумала. Осталось только силу вернуть полную. Тогда бы оборотень не отвертелся. А теперь? Теперь шерсть утеряна. Никакого проклятья, никакой порчи, даже слезку за королем не устроить.

– Ну как, красавица, – появился в тени Эйлейв, – довольна проделанным фокусом?

– Довольна, – огрызнулась Грета. – Скажи, как спуститься. Ведь исчезнешь сейчас. А я до заката здесь тебя ждать не намерена.

– Ну, это просто, – улыбнулся призрак. – Руки отпусти, и в воду скатишься.

– Я вообще-то жить хочу.

– Как пожелаете, – засмеялся он и стал рассеиваться.

– Эй!

– Да не бойся ты. Все хорошо будет, – он махнул на прощание и исчез.

– Хорошо, – процедила сквозь зубы Грета. Она посмотрела на бурную воду. – Ты же помер. Что тебе волны, о камни разбивающиеся?

Вдохнула полную грудь и пальцы разжала. Мгновение — и упала в воду. Дальше как-то все само собой пошло. А может, магия ее из волн выудила. В общем, поняла Грета, что

гребет к берегу и что даже воды не нахлебалась. Выскочила на песок, отдышалась. Увидела платье свое, грязью, кровью и водорослями перепачканное.

– Да уж, хороша, – хмыкнула Грета и провела по шее раскаленной. – Что там такое, что не прошло до сих пор?

Она подняла воды немного, как в зеркало посмотреться, и обмерла в ужасе. Вся шея ее бугрилась ожогами, а под ошейником полоса багряно-черная. Не убрать такой шрам никакими чарами. Грета рассматривала себя и надрывно плакала. Отдала красоту девичью пожирателю магии.

Глава 7

– Ты просил докладывать новости, связанные с Триллиум, – сказал Оберон, когда вошел на веранду к Верну. – Все еще хочешь знать о ее действиях?

Король любил обедать в этом тихом месте. Каждый раз, когда во дворце его не ждали чьи-нибудь послы, Верн просил подать обед на веранду. Сейчас он наслаждался приятной влажностью после прошедшего дождя, но как только Оберон упомянул вредную девчонку, нахмурился.

– Что она сотворила?

– Ничего не творила. Просто купила поместье.

– Поместье?

– Ты сам отменил запрет на покупку земли. Вот и воспользовалась.

– Хорошо на бормотухе своей зарабатывает. Поместье... Значит, теперь не просто торговка, а молодая землевладелица.

– Нет. Она в нем не живет. В подарок купила.

Верн внимательно посмотрел на друга. Боялся узнать, кому Грета подарки делает. Отчего-то первая мысль была, что любовнику. Высокомерная тварь, могла бы такое учудить. Завести себе тупицу и к дому привязать. Чтоб ей пусто было. Открутил бы тогда голову и не мучился.

– И?

– Что? – издевался Оберон.

– Кто поместье получил?

– Поместье передала Ратуше, – Оберон выдержал паузу. –

Кстати, теперь она член торговой гильдии.

Гневно смотрел оборотень, отчего Оберон подумал, что надо бы новости поаккуратней преподнести.

– Не горячись, – спокойно продолжил. – По закону нет рамок для вступительного взноса. Хочешь — монету плати, хочешь — поместьем одаривай.

– И кого именно из Ратуши она поместьем одарила? – уже представляя расправу, спросил Верн.

– Никого. Просто передала. Любой из членов может приехать. Отдохнуть на юге. Или семью свою оправить морским воздухом подышать, фрукты редкие попробовать.

– Какая благородная, – раздраженно сказал Верн и начал расхаживать по веранде. – Это все?

Оберон молчал и глупо улыбался, чем бесил еще больше.

– Это все? – повторил Верн.

– Ну... Как член гильдии она получила право арендовать землю у его величества.

– Какую землю эта зараза хапнула? – устало сел в кресло Верн. – Откуда у нее вообще деньги? Это же земля. Ей столько на вине не заработать.

– Ну почему же, – устроился в соседнем кресле Оберон. – Ты забыл, что на юге земли пустуют. Прокляты. Вот их и выкупила. На десять лет. Цена грошовая. Грета теперь одна

из самых крупных помещиц.

– Ну и черт с ней, – махнул рукой Верн. – Туда ей дорога! Пусть гниет среди призраков. Подходящая компания, – Верн заметил, как друг его еле сдерживает хохот, и нахмурился. – Что?

– Так нет призраков. Не выдержали соседства с твоей красавицей. Народ туда потихоньку съезжается. Поднимают край. Прославляют хозяйку юга! Если так пойдет, через пару лет...

– Эта тварь потребует место в Ратуше! – не выдержал Верн и заметался по веранде. – Нашла лазейку! Змея! У нее нет магии. Куда она дела призраков?!

– Вот этого не узнать нам никогда. Если только у Греты спросить, – с грустью ответил Оберон. – Да и будь у нее магия, не помогла бы. Это же призраки. Никому не подвластные. К земле они привязаны. Не заколдовать. Договориться можно. Много бы я отдал, чтобы узнать, как она с душами побережья поладила.

На веранду вошел слуга с подносом, уставленным мясными закусками. Верн перестал метаться, но к еде не притронулся, а вот Оберон — напротив. Его веселость бесила.

– Я принял решение, – холодно сказал Верн.

– Не торопись.

– Задушить надо гадину.

Оберон посмотрел на него недоуменно.

– Убийцу отправить?

– Начинание задушить! Пока не распоясалась. Уже, небось, представляет, как по столице будет расхаживать. Как считаться мне придется с ее мнением.

– Не торопись, – еще раз предупредил Оберон.

– Обнули договор об аренде. И отбери поля с розами.

Оберон вернул мясо в тарелку и, вытерев руки, на кресло откинулся.

– Верн, ты хоть представляешь, что ты этим спровоцируешь? У тебя нет причины, чтобы так поступать. Купцы взбудоражатся. Сегодня король у одной отобрал, завтра к ним сунется. Таких слухов хочешь? Ты на троне не закрепился еще...

– Не перечь мне! – оборвал его Верн. – Посудачат и забудут. Какое им дело до девчонки с дальней провинции? Из гильдии тоже ее выкинуть надо. Сам придумай за что. О, за колдовство! Ведьма она. Вот потому и с земли выгнали. Что до слухов... Распусти свои. Доплати кому надо. Смешай ее с грязью, чтобы никому защитить не вздумалось.

Оберон тяжело вздохнул. Аппетит у него пропал полностью.

– Завтра же гони на юг. Сам всем заведуй. Убедись, что средств и заступников у нее не осталось. Довези до какого-нибудь дальнего города, и пусть нос оттуда не высовывает.

– И на что жить будет?

– Пусть прачкой идет! Проследи, чтобы подчинилась королю. На моей земле она госпожой не будет.

Грета проверяла готовность вина, когда в окно ее чистенького, только что отстроеного склада постучал соловей. Сразу поняла, что наколдованный. Только ей видимый. Никто на странное поведение птицы не обратил внимания, девушки продолжали розы ощипывать и в меду лепестки топить.

“И откуда ж ты? – подумала Грета и вышла на улицу. – Нет ведь у меня друзей среди магов”.

Соловей дождался, кивнул, здороваясь, перелетел в пристройку.

“С посланием зовешь”, – улыбнулась Грета.

Она проверила, что не следит никто за ней, и пошла за птицей. Та сидела на черенке старой мотыги и колдунью рассматривала.

– Говори!

Вспорхнула и в письмо обернулась, рассыпавшись блеском. Открыла Грета послание: “Берегись. Соглашайся на город. Тебя человек мой встретит”.

– Что за чушь?! – возмутилась Грета, мгновенно узнавая почерк дяди Фелана. – Объявился через столько лет, я уже думала — помер где-то. Мог бы и сказать, чего беречься мне надо.

– Госпожа! – крикнули с улицы. – Гость к вам, госпожа. Именем короля вызывает.

Грета растянулась в самодовольной улыбке.

– Ах, ты шельма, Фелан! Ну, пойдем, глянем, что там Верн для меня придумал.

Она вышла из пристройки и встретилась взглядом с разодетым советником с таинственной магией. Уже и позабыла, что он такой привлекательный. Небось, одной улыбкой города брал. Особенно, если большая часть там женского населения. И ведь приехал к ней, как на праздник. Издали слепит от богатого одеяния.

– Добрый день, лорд. Господин? Простите, не ведаю вашего звания.

– Можно просто Оберон, – он спешился и отдал своим людям бытовые указания.

– Чувствую, не стоит мне радоваться вашему приезду, – ухмыльнулась Грета.

– Отчего же? Я к вам вино попробовать. Сказы о нем ходят невероятные.

– Невероятнее, чем ваше появление?

– Хорошо, Грета, – ответил Оберон. – Не буду вам врать. Пришел выгонять вас. Перевести в ближайший город и устроить там работать.

– Работать? – нервно засмеялась Грета.

– Приказ короля.

– И на какой же закон король опирается? А говорят: не тиран. Свободу дал купечеству. Не будет больше в стране несправедливости.

– Я не могу толковать решения его величества.

– Зато я могу. Отпустил. Дал время. А потом притопил, чтобы больше было.

Оберон подошел ближе, и Грета вспомнила, какой чудной цвет глаз у него. Такие светлые, почти прозрачные от лучей солнечных. Заново поняла всю необычность западника.

– Устали с дороги? Может, перед тем как выгнать, со мной отобедаете?

Оберон так прелестно смутился, и Грета вновь пожалела, что не встретила его раньше.

“Ну почему? Почему этот человек не появился во Флидаб-берге, когда был жив ее отец? Когда не было в жизни столько сложностей? Скука была. Одиночество было. А пропасти не было. И полюбить бы могла благородного рыцаря. А что теперь?”

– Буду рад составить вам компанию, – поклонился Оберон, а Грета дала указание служанке.

Стол накрыли в огороде возле мельницы. Садовые ягоды огораживали их плетеные кресла, а небольшой льняной навес скрывал от палящего солнца. Оберон сидел и рассматривал пасеку, которую обустроили Грета с медведем, как только приехали.

Подали салат, немного моллюсков, что привезли рыбаки местные. Хлеба свежего и соусов на любой вкус: от медового до жгучего. Грета обедала. Сама про себя думала, что делать теперь, раз дотянулся Верн своими лапищами. Как посмел

без причины отобрать все, что сама построила? Оберон же к угощениям едва прикасался, даже перчатки из ягнячьей кожи не снял. Все в основном рассматривал и сорванную по пути розу в пальцах крутил.

Оторвавшись ненадолго от своих размышлений, Грета заметила, как пчелы, коих было в саду великое множество, все ближе и ближе к нему подбираются. А самые бойкие садятся осторожно на волосы и сидят. Не много, но необычно это. Не враждебные, скорее ласковые. А с чего такое поведение?

– Быть может, десерт подать? – спросила Грета.

Оберон улыбнулся и слегка кивнул. Несколько пчелок вспорхнули и обратно пристроились. Грета попросила подать травяной отвар и немного розового варенья.

– Вином не буду вас поить, – улыбнулась она, – наверняка пробовали. А вот варенье у нас чудесное.

– Благодарю.

Оберон попробовал немного. Опять не снял перчатки, отчего Грета коварно приподняла бровь и ветром опрокинула его чашку. Отвар, переполнив пиалу с вареньем, вылился сладкой массой на пальцы Оберона, а тот не шелохнулся.

“Черт! Ведь горячо. Должно быть горячо!” – растерялась Грета.

– Позвольте вас выручить, – она взяла салфетку и обошла стол, чтобы помочь гостю. – Снимите перчатки. У вас, должно быть, ожог. Надо обработать.

– Не стоит беспокоиться. Это просто вода.

– В любом случае, нужно почистить...

– Нет! Не нужно. Вы не могли бы сесть на свое место?

– Хорошо, – Грета вернулась в кресло и крепко задумалась.

Оберон тщательно стер с рук варенье. Был не то чтобы недоволен, как-то напряжен. Не от боли. Что-то иное вызвало в нем эта ситуация.

– Простите, Грета. Я довольно грубо вам ответил. Простое... Обо мне не нужно заботиться. И лучше не подходить. Если понадобится, я сам к вам приближусь.

– Как тогда с шубой? – спросила Грета.

А сама вспомнила, что и тогда он был в перчатках. Хотя в верхнюю одежду не облачен. И когда арестовывал — тоже.

“Может, у него руки изуродованы? Как у меня шея. Я же ее платком на всякий случай прикрываю”.

Шея, к слову, от ожогов оправилась. Остался только след безобразный, прямо под кольцом. Если и снимет ошейник, на всю жизнь уже он на теле отпечатался.

– А что дальше? – спросила Грета. – Кто здесь будет хозяйствовать? Тоже всех выгоните?

– Нет. Поставим управляющего.

– И кого? А как быть с дедом Фроди? Мельница его ведь. И с вином дело он затевал. Из-за того, что со мной связался, накажете?

– За оборотня просите? – с любопытством посмотрел на нее Оберон.

– Ну и что, что оборотень. Мне оборотни не враги. И никогда ими не были. А то, что с королем не свезло, так со всеми случается. Наш маг тоже тот еще уродец был.

– Короля оскорблять нельзя, Грета. Или вы меня провоцируете?

– Даже не думала, – засмеялась она.

– Я поставлю управляющим деда Фроди. Раз вы просите.

– Спасибо.

Она махнула одной из служанок, и та поспешила убрать со стола. Оберон смотрел на Грету внимательно, и взгляд этот ласковый все больше смущал. Однако, по всей видимости, не одну ее сбивало с толку неестественное молчание, потому что Оберон вдруг встал. Бросил, что ждет через час с вещами, и пошел к своим людям.

Глава 8

Добравшись до небольшого городка оборотней, Оберон снял Грете комнату у приятной на вид старушки. Поставил перед фактом, что оставляет колдунье немного монет, чтобы не померла с голоду, пока получит первую оплату. Устроил ее помощницей в какой-то часовой лавке. Грете были совсем не интересны указания западника, но он настойчиво рассказывал, как и где она теперь проведет ближайшие годы. Предупредил, что указом короля запретил ей помогать, потому никто ей денег не передаст и обратно не пустит. Одна она теперь. Опять одна.

Грета вздохнула, а Оберон все никак не уходил. Комнатка была совсем маленькой, с низким потолком, и, если Грету высота вполне устраивала, западнику пришлось пригнуться, отчего он нелепо упирался в потолок, но не уходил.

– Может, вы присядете, – не выдержала его искривления Грета и махнула рукой в сторону кровати.

Из мебели вообще была только кровать. Тумбочки не имелось, а небольшая лампадка – единственное освещение – крепилась прямо к стене. Шкаф, хозяйка сказала, находится где-то в общем коридоре, потому что большой, один на всех и не нечего тут стесняться. Грета опять вздохнула.

– Нет, благодарю. Вы очень любезны. Особенно, если учесть насколько много я вам приношу неприятностей, – от-

ветил наконец Оберон.

– Так это не вы, – ответила Грета. – Мой отец служил королю. Я прекрасно понимаю, что такое служить королю. Каким бы он ни был.

– Ваш отец был благородным магом. Жаль, что так вышло.

По ее лицу Оберон понял, что зря это сказал. И вообще ему пора уже уходить, только уходить совсем не хотелось. Но что предпринять и чем ей помочь, он не знал. Глупость несусветная — привозить Грету сюда, делать вид, что она послушается и будет сидеть сложа руки в провинции, работать, как обычная девушка.

– Я переживаю за вас, – признался Оберон, а Грета смерила его гордым взглядом. – Вы не должны рисковать и покидать этот город. В этом регионе он самый безопасный. Тут хорошее управление и отличные солдаты. Вы можете не беспокоиться за то, что вас обворуют или что похуже. За воротами плохие места. Разбойники и наемники. Знаете, что оборотни с островов не те, с кем стоит встречаться юной девушке. Если вы думаете, Грета, что быть под присмотром моих шпионов – унижительно, то заверяю вас: это для вашего же блага.

– Значит, все-таки шпионы будут.

– Всегда были. И всегда будут.

– Это указ Верна?

– Это моя предусмотрительность.

– Что же вы за человек? – задумчиво сказала Грета, не

ожидая ответа.

– Я не человек, – вдруг честно ответил Оберон.

Грета посмотрела на него удивленно: никак не ожидала, что разговор вот так складываться начнет.

– И кто же?

В этот момент он вроде сам пожалел, что проговорился. Отвел глаза, задумался о чем-то, а потом поклонился и вышел из комнаты.

– Да уж, – нахмурилась Грета. – Не человек, а плут. Ничего. Выведу еще тебя на чистую воду.

Она села на кровать и уставилась в окно напротив. Темнело. Пора бы лечь поспать, а с утра подумать, куда дальше двинуться. Пейзаж, несмотря ни на что, радовал. Ее привезли в милый городишко, где всем управляют оборотни. Ни одного человека пока не видела. Типичная южная провинция. Фруктовые деревья, птицы выводят трели наперебой. Деревянные домишки в два этажа, украшенные невероятно красивой резьбой, которая, конечно же, вобрала в себя ритуальные элементы духов.

На одних домах красовались волки, на других лисы, кое-где видела зайцев, и еще немного воронов. Медведей не видела. Хотя еще не была толком в городе, может, где и притаилось семейство. Однако Грета с уверенностью могла сказать, что больше всего здесь волков. Это не слишком радовало. Волков не подкупить, не обмануть, не победить. Стайные они. И наверняка больше всех гордятся, что король новый –

оборотень. Уходить отсюда надо.

Еще городок смутил обилием символики с петухами. И ведь не оборотни петухи здесь, именно просто петухи. Почему? Грета вспомнила, что, когда въезжали в городские ворота, один из стражников хвастал перед другим новенькой флягой, которую украшал петух.

– Почему он ей так восторгался? И ведь все крутились вокруг, будто это драгоценность. Что за помешательство на петухах? Не помню такого культа.

– О, ты здесь спряталась? – Эйлейв вылез из уличной стенки и широко улыбнулся.

– Я? – Грета хлопала глазами, рассматривая призрака, с которым, как она думала, больше никогда не встретится. – Ты что тут делаешь? Вроде путешествовать собирался. Передумал?

– С чего? Я и путешествую. Знала бы ты, как тяжело приходится нам, призракам, путешествовать. Все телеги оберегами обвешаны. А ногами, пусть и бестелесными, да полетами далеко не упутешествуешь, – он развалился на кровати. – К тому же мне тут понравилось. А ты как в городе оказалась?

– Из дома выперли, – нахмурилась Грета.

– А такое с вами, магами, разве случается? Ты вроде сильная. Кто тебя выгнал?

– Король, чтоб он вином моим захлебнулся.

– А-а, – протянул Эйлейв.

– Ты как меня нашел? – стало интересно Грете.

– По платью, – ответил призрак и, сообразив, что Грета его не поняла, объяснил. – Утащили у тебя платье, леди. Ну, то есть... Не утащили. Взяли померить. В этом доме ведь шкаф один на всех, а там девчонки внизу вообще никогда в шелк не рядились. А тут ты. Ну, вот и взяли, пока ты спишь, посмотреть. Я-то сразу узнал, чей нарядец-то. Вот и пролетел по комнатам.

– Ясно, – вздохнула Грета.

– А что ты про петухов там лепетала? Что не так с петухами?

– Много их тут, – пожала плечами Грета. – Не пойму, с чего все помешаны на петухах.

Эйлейв рассмеялся.

– Во даешь! Ты совсем не знаешь, в каком прославленном месте находишься?

– Э. Простите, пожалуйста, историю обычаев юга я как-то не учила.

– Ладно, ладно, – перестал смеяться призрак. – Я тоже в магах совсем не разбираюсь. С петухами все просто. Мы в столице петушиных боев.

– Что?

– Тут все помешаны на петушиных боях. Самые лучшие породы бойцовых петухов и вообще все в этом разбираются. На площади бои каждый вечер проводят. Там весь город собирается. Где-то через час начало.

– Бе, – скривилась Грета. Никогда не любила подобные

развлечения. – Это поэтому город так хорошо охраняется?

– Ага. Ставки большие. Иногда тут целые состояния проигрывают. Потому охранять порядок – дело первостепенное. Но за стеной уже с сохранностью выигрыша сложнее. Много кто караулит счастливыхчиков.

– Понятно, – Грета зевнула.

– Что делать теперь будешь? Здесь жить?

– Не-а. Мне в столицу надо.

– Смешно. И как такая хлипкая девчонка доберется до столицы?

– Понятия не имею. Помоги лучше платью расстегнуть, – она повернулась спиной к призраку, который ловко справился со шнуровкой. – Ха! Так и знала, что хватает в тебе силы! – победоносно сказала Грета.

Эйлейв вскочил с кровати и упал на колени.

– Только не забирай магию! – умоляюще смотрел он на колдунью. – Пожалуйста. Хочешь, я тебе что-нибудь сделаю?

– Да что ты можешь? – ухмыльнулась Грета. – Ай, черт с тобой! Все равно мне одной скучно. Пригодишься. Ну? Вставай давай. Иди лучше сюда и расскажи, что местные носят. Хочу затеряться в толпе. И, насколько возможно, скрыться от шпионов. Из дома незаметно выйти.

– Это я всегда пожалуйста, – с облегчением выдохнул призрак и вернулся к кровати.



Всю ночь Грете не давало спать гудящее население. И вроде жила она на окраине, а вопли с площади, казалось, сотрясут стены скромного домика.

– Что за день? Что за люди? – ворчала Грета, выползая из-под одеяла.

Она подошла к окну и поразилась, увидев абсолютно спящий, несмотря на почти обед, город. Вчера она решила, что место это вполне обычное, с таким же укладом, как и в тысяче других провинциальных городишек. Но это не так. Вечером, возможно, и походил он на обычный, а вот ночью и теперь настораживал своим странным ритмом и интересами. Скоро полдень – ни души. Все закрыто. Прохожих нет. Тишина такая, будто сейчас глубокая ночь.

– Сумасшедшие, – вздохнула Грета. – Хотя, пока все дрыхнут, есть шанс сбежать незамеченной.

Она спустилась на общую кухню, кое-как позавтракала и пошла к девчонкам, которых вчера так заинтересовало ее платье. Крестьяночки тоже, видать, болели на рынке, потому что разбудить их оказалось той еще задачей. Наконец одну из девушек Грета растолкала и грозно сказала:

– Давай меняться!

Возможно, странное сочетание то ли предложения, то ли приказа, девушку взбудрило и она, протерев глаза, посмотре-

ла новенькую.

– На что?

– Платьями давай меняться. Я тебе шелковое отдам, а ты мне несколько своих. Попроще, – Грета вышла из их каморки и выбрала в общем шкафу подходящие под ее задачу наряды. – Вот эти беру, – сказала она, вернувшись.

– Это не мои, – ответила девушка, выныривая из-под пледа.

– Плевать. С подружками сама разберешься. Я еще пару платьев оставлю.

– Тогда и ленты хочу.

– Вот сразу видно, что оборотень. Едва глаза открыла, а уже торгуешься.

Девушка только пожала плечами и поплотнее закуталась в плед.

– У нас такие не продаются. Ленты хочу. Это за то, что разбудила.

– Черт с тобой, – фыркнула Грета и бросила к своему платью еще пару алых лент. – Больше не дам.

Девушка довольно разулыбалась.

– Спасибо, госпожа. Когда будут искать, что сказать?

– Вот же, – разозлилась Грета. – Ну чего еще хочешь?

– Заколочка у вас красивая. Из вишни, что ли?

– Наглая ты морда, – Грета выхватила из волос шпильку и отдала девушке. – Только чтобы никому про наш обмен не рассказывала. А если заставят, то платье по-другому опиши.

Ясно?

– Конечно, госпожа. Припасов в дорогу собрать?

Грета посмотрела на нее строго.

– Просто так, – улыбнулась девушка. – Мы, оборотни, гостей в путь всегда ладно собираем.

Грета кивнула и уже через полчаса была по-тихому, но по уму собрана и выведена через тайный ход в узкий переулок. Девушка подробно рассказала, как добраться до городских ворот. Причем посоветовала не главные, а те, что местные оборотни использовали. Без стражи особой. А еще лесная тропа там, не дорога.

“Тропа — это хорошо, – думала Грета, бредя по сонному городу. – Мне как раз к лесу надо ближе, ритуал провести”.

Вам ведь наверняка интересно, как пусть не слабая, но девушка собралась преодолевать путь до столицы в одиночестве. А она все продумала. Решила воспользоваться тем же способом, что и на юг добиралась – накидкой зачарованной. Магия ведь у нее теперь была, хоть и не мощная. Одна проблема: зачаровать накидку в городе дело немыслимое, много места надо и не скрыть такое от оборотней. А подносить Верну на блюдечке, что его ошейник слабо действует, Грета не собиралась. Значит, надо было ей в лес выбраться и поколдовать по-быстрому. С зачарованной накидкой ее ни один разбойник не вычислит. Если только маг какой сильный на пути попадется.

С такими размышлениями Грета добралась до края горо-

да и заметила даже выглядывающую между домов городскую стену. Совсем близко, пару десятков шагов — и она на свободе.

– Какая красавица! – раздался позади гнусавый мужской голос.

Грета обернулась и увидела оборотня в двух шагах от себя, как не заметила, не ясно. А в десятке еще одного.

“Чтоб меня! Нельзя быть такой невнимательной. С их скоростью магию применить не успею”.

– Полукровка, что ли? – удивился тот, который подальше. – Ты откуда такая в наших краях?

– Путешествую. С другом.

– Не полукровка, – ответил, который рядом. – Человек она.

– Брось! Я даже отсюда чую: Зверь в ее крови плещется.

“Ой, мужики, давайте вы поболтаете, а я пока пойду”, – подумала Грета и стала аккуратно пятиться.

Самое главное – отойти подальше, чтобы сеть успеть выбросить. Особенно пока оборотни спорили и вроде забыли про ее существование.

– Эй, ты куда это?

“Вот и вспомнили! – пролетело в голове Греты, и она побежала. – Какая я ж дура, как будто от них можно убежать”.

В этот самый момент она врезалась в грудь того, что стоял подальше.

– Ой, глупенькая, – наигранно ласково прошептал он, под-

нимая Грету с мостовой. – Никуда тебе от детей Зверя не деться. Но у красивеньких всегда с умом непорядок. Это ничего. Даже хорошо. Голова нам на что-нибудь другое согдится.

– Пойдем, что ли, позавтракаем, – предложил гнусавый. – Девчонку бери, там...

– Девчонка со мной пойдет, – вдруг ворвался в их трио еще один мужик.

Грета подняла голову и поняла, что эти двое ей уже кажутся вполне неплохой компанией. Чуть даже не воскликнула: “Мальчишки! Возьмите меня на ручки!”

Стоял у стены одного из домов высоченный здоровяк, весь в шрамах, кольцах, наколках каких-то, с длинными кудрями, которые кожаными шнурками подобраны. Огромный, темный от солнца, с тесаком, который явно не для украшения. Жуть какой.

– Девчонку мне передайте и катитесь отсюда, пока целы.

Оборотень с тесаком говорил таким тоном, будто они дети малые. Грета нервно сглотнула, прикидывая свои шансы. Прикинуть толком не успела, ее вытолкнули вперед, и след простыл приставал утренних.

– Не бойсь, – обратился уже к ней мужчина. – Тебе сказано было, что найдут. Какого черта сюда потащилась?

– Что? – с трудом соображала Грета.

– Друг твой. Ну? Весточку не получала, что ли?

– А-а, – сообразила наконец Грета, – Фе...

– Молчи! – прервал ее мужик. – Слушай сюда. Я тебя сопровождаю, как понимаешь, безопасность обеспечу, но услуги мои денег стоят. Так что плати.

– Что?

Он посмотрел на нее сверху вниз, всем видом показывая, как его утомила ее несообразительность.

– У меня нет, – стала оправдываться Грета. – У меня все забрали. Слушай, а что, – запнулась, думая как был Фелана назвать, – друг не оплатил? Я думаю, раз послал, то за платой к нему можно обратиться.

– Дело не в этом.

– А в чем?

– Я наемник.

Тут у Греты ком подкатил к горлу. Вот, значит, какие эти наемники. Действительно страшные.

– Если у тебя нет денег оплатить мою защиту, значит, у тебя есть покровитель. А твои друзья подставляться не собираются. Так что плати сама.

– Превосходно, – скривилась Грета.

И вдруг в ее голову пришла безумная мысль. Унизительная, но зато эффективная.

– А... это... Может, сделаем вид, что я твоя девушка. Ну, или как там у вас это называется.

Он снова смерил ее этим взглядом. На Грету вообще никто так не смотрел. Как на дуреху, простушку, пустое место. Необычное ощущение.

- Какая девушка? Мне мои яйца дороги с герцогиней связываться.
- Что?
- Всем нашим известно, что тебя трогать нельзя. Так бы уже давно... А впрочем, неважно, – он посмотрел на городскую башню с часами. – Слушай, если до завтра денег не будет, я уезжаю, и сиди в этом городе, пока твои не придумают, как отсюда выволить. И не шатайся где ни попадя. Поняла?
- Ага.
- Приду на рассвете к дому, куда тебя заселили, – он стал уходить, и тут Грета вдруг прозрела.
- погоди, – она крикнула ему. – Я знаю, где денег найти, но ты мне нужен. Поможешь? Как бы чуть заранее?
- Чего надо? – спросил оборотень, обернувшись.
- На рынке будь. Играть буду. У вас, говорят, тут целые состояния проигрывают. Мне бы так, чтобы в случае выигрыша уйти без проблем.
- Он посмотрел на нее недоверчиво.
- Ладно. Буду на рынке.
- Отлично, – коварно улыбнулась Грета, наблюдая, как мужик уходит. – А звать тебя как?
- Агвид.

Когда стемнело, Грета вызвала Эйлейва. Еще когда от

замка его отвязывала, отметила своим именем, чтобы призывать по надобности. Не то чтобы хотела слугой сделать, просто общаться с ним было интересно, подумала: а вдруг скучно будет, пригодится. Как оказалось, не зря. Примчался к ней призрак, хмурился, что от призрачных дел его отвлекли. Хотя какие могут быть у призрака дела? Праздное шатание по ночам и заглядывание в чужие спальни.

– Ну? – хмуро спросил Эйлейв.

– Дело есть, – улыбнулась Грета. – Поможешь мне заработать огромный мешок золотых флид?

Эйлейв захохотал.

– Так можешь?

– Услуга за услугу.

– Боги, а кто мне тут про “могу пригодиться” рассказывал? Что тебе еще нужно? – всплеснула руками Грета. – Ты ведь привидение! Освободила уже. Ни в чем не нуждаешься, летай себе и летай.

– Зря вы так, леди. Я, между прочим, не просто так отвязаться от замка хотел. Соврал я тебе. Не просто так в этом городе пропадал. Дело было у меня. Важное. Поважней флид ваших. Только провалилось оно.

– О, – хитро прищурилась Грета. – Я заинтригована.

– И не смотрите так. Исповедоваться не собираюсь.

– А как я тебе помогать буду, если ты рассказывать, что тебе надо, не планируешь?

– Хм, – задумался Эйлейв. – Тогда слушай. Я сюда при-

был, потому что думал, тут жена лорда захоронена...

– Это та, с которой ты целовался? – удивилась Грета, а призрак кивнул.

– Хотел могилу ее найти. Чем черт не шутит, может, и встретились бы.

Эйлейв в этот момент стал таким печальным, что Грета впервые поняла: не просто так он с леди целовался. Видать, любовь у них была. Да такая, что спустя века не рассеялась.

– Не нашел? – спросила Грета.

– Нет, – покачала головой Эйлейв и посмотрел на нее с надеждой. – Если не на родовом кладбище похоронили, то где тогда? Помоги мне, леди. Хоть бы одну весточку, где похоронили мою Трину.

– Договорились, – ответила Грета. – Все сведения о захоронениях в главном архиве королевства имеются. Доберусь до столицы, смогу найти любую могилу. Только мне деньги нужны. А для денег ты.

– Что делать нужно? – вернулся к своей обычной развеселости Эйлейв.

– В петуха вселиться и “королевский бой” выиграть.

– Что?! Спятила?

– Отчего же?

– А как ты себе это представляешь?

– Очень хорошо представляю, – уверенно ответила Грета. – Я сейчас иду на рынок. Покупаю петуха. Потом отдаю его на “королевский бой”, все думают, что он помрет. Я уве-

рена, что куплю самого слабого. Но! Тебя в него подселю и, думаю, тебе хватит мозгов петухов обыграть. Ты как? Продержишься уж как-нибудь, пока они убивать друг друга будут. Потом отдубасишь оставшихся соперников. Мой петух будет единственным на ногах в конце битвы.

– Безумная!

– А то.

– Колдовские причуды артефактами проверяются. Не одна такая умная, – с сомнением сказал Эйлейв.

– Ха! Только артефакты эти на магов заточены.

Призрак смотрел на нее, не понимая радости.

– Как удобно, что во мне теперь магия обратной.

Когда Грета добралась до рынка, она поразилась разгулявшейся боевой стихии. По шуму прошлой ночи понимала, что на площади собирается весь город. И все гости города тоже. Но когда увидела эту, делающую ставки, толпу собственными глазами, на мгновение остановилась и засомневалась в успехе своей задумки. План хорош, но жульнический. А обман в городах обратной на раз вскрывается. Остается только надеяться, что ее расчет на магию поглощенных призраков не подведет. Ошейник ведь на магию призраков не реагировал. С чего бы артефактам начать?

– Выбирайте, госпожа! – горбатый торговец в колпаке показывал Грете очередного петуха. – У нас самые лучшие. Только победители. Кровь горяча! Нрав кровожаден!

– Знаете, я ведь не побеждать пришла. Позабавиться, – делала из себя идиотку Грета. – Денег на хорошего бойца нет, может, за пару монет есть кто?

– За пару монет? – вскинул брови торговец. – Погоди, девочка. Сейчас, сейчас... Принесет сейчас. Сын мой, – он крикнул мальчишке лет тринадцати. – Эй, Бри! Тащи сюда клетку, с хвощем на бирке. Да, да. Не пялься. Видишь, покупательница ждет!

Очень скоро мальчишка вернулся и принес старую клетку, всю ржавую и погнутую.

– Вот, – гордо достал из клетки петуха торговец. – Хороша птица. За пару монет отдавать жалко, конечно...

– Так давайте за четыре, – подмигнула Грета и бросила остатки своих сбережений на прилавок. – Подскажите только, куда на “королевский бой” идти.

– “Королевский бой”? – опешил торговец и вновь посмотрел на петуха.

Тот не был плох. Вполне себе обычный петух. Здоровый, даже крепкий. Грета совсем не разбиралась в боевых петухах, но этот не вызывал у нее жалости. Если бы не знала, что он тут самый дешевый, в жизнь бы не поверила.

– Так что? – переспросила Грета.

– Это туда, – ответил торговец, показав направо, и, наклонившись к прилавку, шепотом продолжил. – Я, знаете, больше вам бои новичков посоветовал бы. Там как-то дольше все происходит. А там... знаете, там петухи так быстро умирают.

– Знаю. Не переживайте, дяденька, – сказала Грета уверенно и забрала клетку с петухом. – Я ведь поразвлекчусь пришла. А “королевский бой”, говорят, самое зрелищное представление. И ничего, если он, – она указала на птицу, – не выдержит. Жестокий мир, жестокие средства.

– Это да, – с грустью ответил торговец.

Грета прихватила свою птичку и направилась в указанном направлении. Найти нужный отдел было несложно. Прошла немного и, свернув, чуть не ослепла от золотых флагов с петушиными фигурами.

“Во дают”, – удивилась пышности Грета.

Подошла, после небольшого спора зарегистрировала бойца своего многострадального. Косились на нее, как на юродивую, но что поделать? Правила позволяют кому угодно свою птицу предъявить. А ставишь птицу, монеты можно не давать. Платишь жизнью питомца.

“Нравы, конечно, – вздохнула Грета и, спрятавшись в темном углу между лавками, призвала Эйлейва. – Давай, забирайся во временное тело!”

Она скомкала призрака и в петуха отправила. Больше всего боялась, что увидит кто-то. Ничего. Вроде пронесло. Вышла из закутка, сдала птицу зрителю боя. И началось.

В круглый ринг выпустили около двух десятков петухов. И словами не передать, какое паршивое зрелище они устроили. Злобное месиво из перьев, крика и крови. Потихоньку стали валиться безжизненные тушки. В этот миг Грета по-

няла, насколько она самонадеянная и насколько Эйлейв героиней. Как мог, он уворачивался от ударов бешеных петухов, так неестественно крутился, казалось, будто все уже видят, что петух-то ненастоящий. Однако нет. Вообще гости получали отвратительное удовольствие от разворачивающейся на их глазах бойни. Грете стало мерзко. Доберется до власти, надо с этими боями что-то делать. Традиция традицией, но это что угодно, только не соревнование.

Живых становилось все меньше, и Грету безумно радовало, что Эйлейв все еще крутится. Хотя подрали его знатно. Она переживала. Что делать, если не получится? Жить в этом мерзком кровожадном городе? Нет, на такое она не согласна. Пусть уж призрак постарается. Ради того, чтобы найти любимую, можно постараться?

Оно закончилось так же безумно, как и началось. Вот птиц было штук пять, бах! И качается один Эйлейв, как будто не соображая, что вообще произошло и где он находится.

“Молодец! Ух, чертяка, знала, что справишься!” – Грету обуюла такая радость и гордость за портняжку, что она чуть было не расцеловала свою ободранную птичку.

И тут случилось то, чего Грета не ожидала. Ее петух еще раз качнулся и упал, трясась в предсмертной агонии.

– Нет, – прошептала Грета.

– Эх, а так был хорош! – крикнул кто-то прямо над ее ухом.

– Жаль, госпожа, но ваша птица погибла, – подошел к ней

смотрящий.

– Не может быть, – не верила глазам Грета.

– Почему же? Он и так держался как мог. На него никто бы никогда не поставил. Герой. Вот уж, верно говорят: не суди соперника по внешности. Когда бурлит звериная кровь, самые слабые из нас способны на подвиги, – он с грустью посмотрел, как петуха передали в руки Греты, завернутого во флаг королевского ринга. – Вы не переживайте. Победа все равно присуждается этой птице. Хоть и посмертно. Прошу пройти в городское казначейство.

– Что? – переспросила Грета, дрожащими руками держа холодное тело.

– Вам нужно в городское казначейство, – уверенней сказал смотрящий, видя ее смятение. – Вы выиграли. Вы знаете, где находится казначейство? У вас есть сопровождающий, чтобы обеспечить вам безопасность? Это большие деньги, госпожа.

– Я сопровождающий, – вдруг возле Греты оказался Агвид. – И я провожу госпожу в казначейство. Отдайте птицу, – сказал он твердо и вырвал петуха из рук Греты. – Нам нужно идти. И стоит поторопиться.

Глава 9

Путешествовать с Агвидом оказалось не так приятно, как с Фроди. Лошадь Грете нашел хорошую и вообще организовал весь поход на отлично. Но такая заноза! Относился к Грете как к недоразумению. Даже по имени не называл. Все: девчонка, мелюзга, эй ты. Невиданная дерзость. Грета пыталась сказать, чтобы обращался по имени. Хотя бы. На что наемник выдал: “Тогда плати в два раза больше”. Вот таким грубияном оказался этот оборотень. К слову, кто его зверь, он Грете тоже не сказал. Агвид ничего ей не говорил. И не спрашивал. А когда Грета только открывала рот, затыкал ее:

– Молчи! Чем меньше про тебя знаю, тем лучше.

Однажды, правда, разошелся и вдруг добавил:

– Не корми шпионов словами глупыми.

“Шпионов? – обомлела Грета. – За нами следят, что ли?”

А как? – она заозиралась по сторонам. – Ведь ни души нет в этом лесу”.

– А ты не вертись. Никого тут нет.

– Так, погоди, – вконец растерялась Грета и подумала, что он просто ее разыгрывает. – Сам же говоришь, что следят за нами.

– Следят.

– И?

– Деревья следят, дуреха. Нет у тебя в лесу укрытия. Ты

здесь как на ладони.

“Проклятье! – Грета еще раз осмотрела лес вокруг. – Хорошо, мозгов хватило не колдовать при наемнике. А то сдали бы меня эти деревья с потрохами. А что это вообще такое? Как деревья следить могут? Маги такому не обучены”.

– Слушай, Агвид, – серьезно сказала Грета. – Ответ на вопрос. Я заплачу.

– Что за вопрос?

– Чья магия на такое способна?

Наемник ухмыльнулся и в глаза ее посмотрел. Кровожадно так. Неприятно.

– За ответ на такой вопрос жизнью расплачиваются. Готова?

– У меня еще есть дела, – гордо ответила Грета.

– Тогда будь умнее и у оборотней что не надо не спрашивай. Ни один из нас трепаться по душам с ведьмой не станет.

– Я не ведьма. Я колдунья. Бывшая, – на всякий случай добавила Грета.

– Какая разница.

Так и ехали они дальше молча, лишь иногда перебрасываясь парой слов. Больше всего в этом угрюмом путешествии Грету мучило, что не успела она с Эйлейвом связаться перед отъездом. Успел в ее сумку забраться или нет, не знала. Все вещи наемника были берегами охраняемы. Вещи Греты он тоже от духов оградил. Только ее кладь осталась. Но не вызывать портняжку. Теперь еще и деревьев надо остерегаться.

“Чтоб тебе пусто было, Оберон! Что ты за черт такой с запада? Следишь, значит. Интересно, а на юге ты тоже за мной наблюдал? Знаешь, что призраков не выгоняла я? Что втянула в себя их магию и теперь частично... магически... оборотень? Все-таки интересно. Если Оберон знает и промолчал, то почему? А если не знает, выходит на проклятой земле не наблюдал за мной? Почему?”

Через три четыре недели поганых ночевков, изматывающих дорог и молчания Грета и Агвид добрались до столицы. Колдунья злорадно улыбалась, когда они проезжали через главные ворота.

“Не думал, что доползу, а вот я здесь. Какую гадость теперь выкинешь?”

Сейчас она была чертовски зла. Устала, вся чесалась, мечтала о ванне и нормальной еде. А еще хорошо было бы расчесаться. Ветер в последнюю неделю довел волосы до состояния гнезда.

“Чтоб я еще раз решилась на такой переход... Да ни в жизнь!”

– Слушай, Агвид, – обратилась она к наемнику. – Куда заселяться будем?

– Не мы, а ты. И мне совершенно плевать.

Он ловко перекинул тюк с вещами Греты на ее лошадь.

– Мое дело было вас до столицы довести. Дело сделано, надеюсь, больше не встретимся.

– Ты прелесть, Агвид. Неужто я была такой противной по-

путчицей? – с иронией спросила Грета.

– Попутчица, может, и не противная, но держаться возле будет только умалишенный. Слишком много на тебе внимания.

– Это почему же?

– Откуда мне знать? Я живуч так не потому, что сплетни слушаю, а потому, что вопросы не задаю. И тебе, дуреха, советую.

Агвид сделал что-то вроде поклона – не ясно только, это насмешка или вправду вежливым хотел показаться – и уехал. Осталась Грета посреди улицы, с лошадьё и в полной растерянности.

– И что дальше?

Она посмотрела на прибывших вместе с ними торговцев. Те собирались в гостиницу – то, что ей сейчас нужно. Направила Грета лошадь за ними осторожно и уже минут через пятнадцать вручила свою кобылу и вещи услужливому парнишке.

Комнату для нее нашли быстро, особенно скорость увеличили выигранные флиды, которые в кошельке позвякивали. Сразу госпожой все называть стали, несмотря на вид потрепанный. Кстати, о виде. Миловидная девчушка лет пятнадцати, когда комнату показывала, сказала, что бани городские вновь открыли. Король традиции оборотней тщательно восстанавливает. Если госпожа хочет, может туда отправиться, а нет, тогда придется ждать, когда до нее очередь дойдет,

чтобы воды наносить. Ждать Грета не могла и не хотела, потому, узнав, что да как в этих банях делается, туда отправилась.

При магах Мраморные бани закрыли. Хотя славился ими Флидабург на весь мир. Многие гости города специально ради них ехали. До того примечательное было заведение. А закрыли потому, что жрицы все-таки пытались воевать с культом Зверя среди оборотней. Бани в культе значение имели самое важное. Главные ритуалы там проводились, лекари в банях целительствовали, праздники по традиции с бань начинались. В общем, куда ни кинь, всюду в старой культуре мраморные купальни задействованы. Потому и закрыли.

“А теперь, значит, Верн вернуть решил достопримечательность, – ухмыльнулась Грета, когда вошла в роскошный белоснежный зал с множеством дубовых дверей. – Не поскупился, я смотрю. Старательно ремонтировали”.

– Доброго дня, госпожа, – поздоровался высокий оборотень в центре зала. – Предпочтительней общая купальня или только женская?

– Женская, – ответила Грета и протянула ему три флиды. – А еще мне нужны все банные принадлежности. Долго путешествовала. Хочу как следует расслабиться.

– Понимаю, – кивнул оборотень и взял монеты. – Тогда рекомендую вам после мыльни пройти поплавать. Вдохнуть курение целительное. После дороги долгой окрыляет.

– Хм. Интересно. И сколько стоит удовольствие?

– Вашей платы достаточно, – он указал на одну из дверей. – Там женские комнаты. Как будете готовы купаться, дойдите до двери с позолотой и дальше направо.

– Людей много купается?

– Сейчас никого нет. Сами люди пока в бани редко ходят. А оборотни в эти дни не плавают.

– Почему?

– В честь королевской крови постятся. Нельзя нам, госпожа, сейчас веселиться. Смирение Зверю показываем. Покорность королю. Скоро ведь День города. Хотя кому как удобней называть. До магов мы День короля праздновали. Сейчас говорят и так, и так.

“Точно! – вспомнила Грета. – За полтора месяца до этого у оборотней пост начинается. А потом будет неделя гуляний”.

– Вас проводить? – спросил оборотень.

– Нет, спасибо. Все очень понятно объяснили, – ответила Грета и направилась в женскую купальню.

Помылась она довольно быстро. Несмотря на то, что женщин и девушек было много, воды тоже хватало. Никто не толпился и друг другу не мешал. А уж сколько всего было для моющихся заготовлено. Глаза разбегались от такого разнообразия мыла и зелий уходовых. Получила Грета удовольствие. Распарила кожу измученную, из волос всю грязь вымыла, маслами тело пропитала. Блаженствовала.

Никто с ней не разговаривал, даже про ошейник ее гадкий

не спрашивали. Видимо, потому, что и женщины, и девушки маленькими компаниями пришли и заняты сами собой были. Не до чужачки.

“Вот и хорошо, – улыбалась Грета, развалившись на прогретой скамье. – Еще несколько минуток погреюсь и купаться пойду”.

Она так и сделала. Поднялась, спросила на выходе у прачки про свою грязную одежду. Договорилась, что свежую ей в раздевальню принесут. Вышла Грета в общий коридор и свернула направо. И вот странно, шла и шла, а двери с позолотой не было. Только обычная дверь. Открыла. Позвала. Никого. Решила Грета, что, наверное, в этом новом коридоре нужную дверь найдет. Идет дальше, нет ее. И работников нет. Тишина. Даже не по себе стало Грете.

“Заблудилась. Вот же угораздило”, – растерянно шагала Грета по коридору.

Вдруг учуяла запах трав. И такой умиротворяющий, что сразу поняла – это и есть курение целебное. Побрела на запах, видит, блеснуло что-то в дальнем углу. Чуть подошла, а там углубление и дверь из золота.

“Ничего себе позолота, – удивилась Грета, рассматривая тонкую работу. – Любят эти оборотни украшательства! – Открыла и вошла. – А вот и бассейн!”

Грета так долго его искала, что тут же забралась в воду. Лампы с травами курились на славу. Заволокло все вокруг паром от воды горячеей и дымом сладким. Гостей и вправду

не было, оттого она вдруг подумала, что пока радость такая, можно и рубаху купальную стянуть. Плавать в рубашке-то не слишком приятно. Но как только с себя мокрую тряпку стащила и на борт бросила, услышала, что из воды что-то поднимается. Страшась, обернулась и ахнула.

С другой стороны бассейна ее сверлили взглядом два горящих зеленых глаза. Не разобрать в тумане, что за водяное чудовище. Осторожно марево смахнула – чтобы увидеть, но колдовство не выдать – и обмерла. В десятке шагов от нее стоял Верн и тарачился глазами кошачьими. Вернула марево как было, молясь, чтобы не заметил, и тут только осознала все безумие ситуации.

– Проклятье, – тихо сказал Верн. – Ты мне уже мерещишься.

– Почему же мерещусь? – нахмурилась Грета, нащупывая рукой сброшенную рубашку. – Я тут вполне себе реальная.

В этот момент сообразила, что это она его сейчас не видит.оборотню, особенно с глазами звериными, курево совсем не мешает. А значит, следует побыстрее одеться и лицо держать хладнокровнее.

– Что ты, черт возьми, делаешь в королевской купальне?

– Купаюсь, – как ни в чем не бывало ответила Грета. – Откуда мне знать, что она королевская? Охраны ведь нигде нет.

– Я сильнейший оборотень. Думаешь, я нуждаюсь в охране?

– С учетом того, что я вернулась в город, стоит обзавестись.

Верн зарычал. От этого звука по всему телу побежали мурашки, но Грета, как могла, делала вид, что натягивать на себя мокрую рубаху — дело пустяковое и ей совсем не стыдно.

– Зачем ты вернулась?

– Чтобы забрать то, что отнято.

– Тогда катись туда, откуда приехала.

– С чего бы? – с вызовом посмотрела Грета. – По какому праву ты все у меня отнимаешь? Второй раз.

– Я король. Хочу — даю, хочу — отнимаю.

– Ха! Посмотрим, что на это скажут твои любимые оборотни.

– С каких пор тебе есть дело до оборотней?

– Мне есть дело до законности.

Грета быстро выбралась из воды и стала выжимать подол и волосы.

– И что дальше?

– Буду жаловаться.

– И кому же ты, малышка, собралась жаловаться? – с издевкой спросил Верн.

– Королю, – таким же тоном ответила Грета.

“А теперь беги, дура, пока он соображает”, – пронеслось в голове, и она бросилась к выходу.

– Увидимся во дворце, Верн! – крикнула Грета и захлопнула двери.

– Ты не можешь избегать ее бесконечно, – устало сказал Оберон, наблюдая, как Верн в очередной раз попал в мишень. – Раньше ты из лука не стрелял. Так часто. С чего интерес?

Верн раздраженно выстрелил еще раз.

– Я король и я могу.

– Да я не против. Стреляй, если нравится.

– Я про... ведьму.

– А. Нет, не можешь. Я тебя предупреждал, что будут последствия. Нельзя делать что-то, не подумав. Ты король. И ты обязан принимать прошения. От любого своего подданного. Грета ждет рассмотрения своего дела уже две недели. С утра до ночи стоит в приемной, ожидая своего имени. Я все время передвигаю ее в очереди, но это выглядит подозрительно. Еще несколько дней — и она соберет толпу сочувствующих. Мой тебе совет, Верн. Не усугубляй.

– Может лучше посоветуешь, как мне переиграть эту гадину!

– Что тут советовать? У тебя лишь два пути. Первый. Принять ее в тронном зале. Выслушать. Вернуть ей землю. Отвести вину с себя на какого-нибудь олуха и поскорей отвлечь сплетников чем-нибудь более интересным, чтобы судачили поменьше. Очень удобно, что сейчас праздники. Быстро за-

будется. Грета уедет в свою провинцию, и какое-то время ты о ней не услышишь.

– Не бывать этому. Не дам ей ни капли власти. Только расслаблюсь, получу кинжал в сердце. Или стрелу в голову.

Оберон вдруг вспомнил, как впиалась в его короля гадюка, Гретой из лука запущенная. Как колдунья стреляла точно, охотясь во время путешествия. И в родовом гнезде Триллиумов стены главного зала луками были увешаны.

“Мой король тоскует. И направляет это в разрушение”.

– Это ведь не из-за власти, – сказал Оберон.

– Что?

– Отобрал у нее землю. Сделал простолюдинкой. Ты знаешь, что Грета никогда в любовницы не пойдет. И замуж за человека без имени тоже. Ты не на бедность ее обрекаешь, а на одиночество. Но разве есть в этом смысл? Когда-нибудь она смирится и выйдет замуж. Пусть даже за простого мельника или торговца пряностями. Но выйдет.

– А второй путь? – спросил Верн раздраженно.

– Второй проще. В темном переулке ей горло перерезать, – апатично сказал Оберон.

Верн молчал.

– Мне послать убийцу?

– Нет.

– Мне пригласить Грету завтра?

– Нет.

– А что делать?

– Отмени все мои встречи. Прощения буду рассматривать после праздников.

– Что изменят эти две недели?

– Воспользуюсь советом лорда Триллиум, – ответил Верн, и Оберон посмотрел на него с интересом. – Буду хладнокровнее.

Западник решил не уточнять, что задумал его король. Вполне устраивало, что Верн наконец-то взялся за ум. Если не будет торопиться, может, что толковое из него и получится.

Он покинул стрельбище и направился в приемную. Сказал всем собравшимся, что встречи с королем отменяются и, пока толпа возмущенно обсуждала столь неприятное событие, догнал Грету у выхода.

– Пойдите. Куда же вы? – попытался перехватить ее Оберон.

– А что? Вы хотите отвести меня на встречу с Его Величеством? Нет? Тогда не распускайте руки! – злилась колдунья.

– Я, – выдохнул Оберон. – Просто мы давно с вами не виделись. Хотел поговорить.

– О чем? – насмешливо спросила Грета.

– Действительно. Не о чем. Прошу простить, что задержал.

Грета сделала пару шагов, а потом обернулась.

– Может, ответите на мой вопрос? Вот и поговорим.

– Не скажу ничего, что может навредить Его Величеству.

– О. В этом я не сомневаюсь, – улыбнулась Грета. – Меня интересует более приземленная вещь. Кто теперь в моем доме? Когда я уезжала, наш особняк заколачивали. А теперь, смотрю, там кто-то хозяйничает. Хочу знать, кто это. Кому Верн мой дом отдал?

– Тогда пойдете, Грета, – взял ее под руку Оберон. – Прогуляемся.

Они вышли из приемной и двинулись в сторону конюшни.

– Не против пообедать со мной в вашем родовом гнезде? – спросил Оберон.

– А хозяин против не будет? Гость из меня не самый добродушный.

– Не против.

– Значит, это вы.

– Я живу во дворце. Но вы правы. Ваш дом под моим управлением.

Когда дошли до конюшни, Оберон уточнил: предпочитает Грета лошадь или повозку. Та молчала, и западник понял, что колдунья еле сдерживается, чтобы не обрушить на него весь свой гнев. Ее можно понять. Грета за дни ожидания устала. А он все время приносит ей дурные вести, мешает, следит, демонстративно не пускает к королю, еще и хозяйничает в доме, который построили ее предки.

“Должно быть, герцогиня меня ненавидит, – думал Оберон, пока их повозка катилась по мосту через Флиду. – Как неприятно”.

Лошади остановились возле особняка, но Грета выходить не собиралась. Была напряжена и смотрела в пол.

– Там мало что изменилось. Не переживайте, – попытался поддержать ее Оберон.

Зря. Посмотрела на него с такой злостью, что решил больше сохранность ее дома не комментировать. Однако Грета все-таки вышла и пошла за Обероном, по пути высматривая герб на стенах здания. Его не было. Во-первых, у Оберона герба вообще не было. Во-вторых, западник здесь не жил. Никто не жил.

– Что это за место? Теперь, – спросила Грета, рассматривая небольшие столы с лавками в столовой. – Чем не устроил наш обеденный стол из красного дерева?

– Неудобен.

– И со стен все сняли. Очень скромно. У вас обет Сдержанности? Хотя нет. В одежде роскошествуете.

– Вещи вашей семьи в подzemелье. Все в целости.

– Ха! Как мило. Не растащили и не сломали, – она провела рукой по грубой скамейке. – Чисто. Так что это за место?

– Школа.

Грета растерялась. Она по-другому посмотрела на столы, и видно было, что вдруг поняла, почему лавки такие низкие.

– Я пригласил вас пообедать, – отвлек ее Оберон. – Не против простой еды? – глянула на него исподлобья. – Просто не смогу угостить таким же чудесным вареньем. И травы во Флидабурге не такие ароматные.

– Уж мне ли не знать, какие здесь растут травы, – сказала Грета.

– И то верно, – вздохнул Оберон и позвал кухарку. – Элли! Накрой нам на двоих с госпожой.

Пышнотелая женщина скрылась, не задавая лишних вопросов. И появилась через несколько минут с ароматным рагу, хлебом и парой кружек эля. Пока ее не было, Грета молчала, молчал и Оберон. Обычно два человека не терпят такое положение. То один, то другой пытается заговорить, избавиться от раздражающей тишины. Но им с Гретой было уютно. Они не нуждались в общении и не тяготились друг другом. Лишь когда кухарка расставила тарелки на столе и, пожелав “приятного аппетита”, юркнула в дверь для прислуги, Грета осмотрела стол и усмехнулась:

– Серьезно? Вы пьете эль?

– А вы?

– Могу и эль попить. Три года среди простого народа делают свое дело.

– Среди оборотней.

– В чем разница?

– Вы стали похожи на оборотня. Не понимаю, почему.

– Я хорошо приспосабливаюсь.

– Если бы это было так, вы бы не грызлись с королем.

Опять посмотрела на него исподлобья и села за стол. Оберон к ней присоединился, хотя с его ростом это было чертовски неудобно, и выпил немного. Затем стал спокойно есть,

стараясь не смотреть на Грету. Опять наступило это уютное молчание. Они обедали, сидя на низкой лавке, попивая простой эль. Почти как приятели. А может, и друзья.

– Почему вы улыбаетесь? – спросила Грета.

Оберон пожал плечами.

– Мне хорошо.

– А мне не очень.

– У вас есть на это причины.

– Вы такой до тошноты понимающий. И как умудрились набраться мудрости за такой короткий срок? Ведь очень молододы.

“Пытается узнать, сколько мне лет”, – подумал Оберон и еще шире улыбнулся, восхищаясь расчетливостью герцогини.

– У меня были хорошие учителя.

– И где же вы обучались?

– На западе. Я думал, вы помните, что я запада.

– А что там на западе?

– Леса.

– Вы жили в лесу?

– Да. Всегда.

– Хм.

Грета допила эль и посмотрела на него пронзительно.

– Вы из Заветного леса оборотней?

“А вот и мне прилетела стрела в голову”, – подумал Оберон.

– Да, – ответил он просто. – Когда-нибудь я расскажу вам об этом. Сейчас не лучшее время. И место тоже неподходящее.

– Посчитаю за обещание. Спасибо за обед.

Она встала из-за стола и поправила волосы, с которых съехала лента.

– Мой слуга доведет вас до дома, – сказал Оберон, а сам отвернулся.

– А если я не скажу ему, где живу?

– Я прекрасно знаю, где вы живете, Грета. И вы знаете, что я знаю.

Она засмеялась. Ему вновь стало неприятно.

– Давайте провожу, – вновь взял ее под руку Оберон, и они вышли из столовой.

Когда посадил Грету в повозку, хотел хоть что-то сказать. Как-то загладить это едкое послевкусие от ее смеха, но не мог найти нужных слов. Потому Оберон просто попрощался и собирался уйти. Но вдруг Грета взяла его за руку и мягко сказала:

– Спасибо. За то, что не отдали дом оборотням. Мама бы мне не простила.

Она улыбнулась ласково, назвала возчику свой адрес и уехала.

Глава 10

– Эй, леди, – услышала сквозь сон и шум дождя Грета.

Она открыла глаза и подпрыгнула на кровати.

– Эйлейв? Ты что тут делаешь? За мной следят.

– Знаю, – сказал призрак и сел на кровать. – Не бойся. Ты окно наконец закрыла, деревья не видят. Да и не смотрит он по ночам.

– Тебе-то почему знать? – буркнула Грета.

И как она раньше не додумалась окно закрыть? Только сегодня из-за шумной грозы это сделала.

– Мы все его чувствуем, – ответил призрак задумчиво. – А он нас нет. Это забавно.

– Кстати, – Грета тоже села и окончательно проснулась. – Давай уже рассказывай, кто он. А то мне все боятся говорить. Тебе терять все равно нечего. И так уже мертвый.

– Не-а.

– Что? – удивилась Грета и разозлилась. – Да какого черта?!

– Спокойней, леди. Я по другому поводу пришел.

– Ну.

– Я в петуха вашего не просто так забирался. Помните?

– А, – зевнула Грета. – Помню. Прости, не было времени. К тому же я думала, ты на юге остался.

– Конечно же, нет, – возмутился Эйлейв. – Все время с

вами таскаюсь. Просто сажу потише. Чтобы вас, опять же, не выдать, – он укоризненно посмотрел на Грету.

– Хорошо. Тогда обещаю, что утром доберусь до архива.

– Не-а.

– Что опять?

– Завтра праздник. Завтра город гулять будет.

– Ну, тогда после, – еще раз зевнула Грета.

– Не-а.

– Да что такое?!

– Я уже ее нашел. Точнее, она меня. Не переживайте, леди.

– Что? Так быстро? Сама? Во даете!

Эйлейв счастливо улыбнулся.

– Она сказала передать вам кое-что.

– С чего это?

– Э... Дело в том, что она еще перед смертью мне про ваш приход сказала...

– Что?!

– Ну, – замялся призрак. – Трина, она ведь... Прорицательница.

– Оборотни не могут предвидеть будущее.

– Так она маг, – призрак выдержал паузу. – Ну не смотри так, леди. Ее лорд насильно на себе женил. Трина должна была Верховной жрицей стать. Знаете, как много магии у таких девушек. Вот он и взял ее силой. А после согласия в молебной роще никто не спрашивал, поженили их.

– На кой черт ему нужна была жена-маг?

– Ой, ну что за глупышка, – засмеялся Эйлейв. – Побережье защищать. Сильных оборотней породить.

– Жуть какая...

Грета зевнула.

– Но это дело прошлое. Послушай лучше. Трина, она ведь... Она не хотела покоряться мужу. Понимаешь? Взмолилась Зверю, хотя маги так не поступают, и пожалел ее Зверь. Забрал магию, чтобы лорд не воспользовался и предвидением одарил. Она... особенная.

– Ага. Особенная. И я рада, что вы с ней встретились.

– Вы тоже с ней еще встретитесь. Я вам ее самое важное предсказание пришел рассказать. То, которое по всем храмам разошлось и шуму наделало. Вас оно касается.

Грета приподняла бровь.

– После дней, что силой Зверя снимет дева проклятие с земли южной, морские демоны преклонятся перед королевой оборотней, – сказал Эйлейв. – Правда, все думали, что дева будет оборотнем. А, видите, оно как. У вас тоже есть магия Зверя, хоть и немного.

– Хочешь сказать, что я буду королевой оборотней?

– Откуда мне знать, – пожал плечами призрак. – Но первая половина сбылась, а значит, скоро острова присоединятся к королевству.

– Силами королевы оборотней, – уточнила Грета.

Эйлейв улыбнулся, а Грета посмотрела на него недовер-

чиво.

– Прощайте, леди, – поклонился призрак и развеялся.

Грета немного поразмышляла о возможном будущем. Отберет, значит, у Верна власть. В войну только ввязываться ей совсем не хотелось, но предсказания всегда мутные. Может, и без войны договориться с островитянами удастся.

Она зевнула и почти мгновенно уснула. Сон ее потревожили только разудалые музыканты, которые с самого рассвета решили начать горланить праздничные песни.

– Чтоб вас черти разорвали! – хмурилась Грета, закрываясь подушкой.

Хотя не судьба ей было поспать этим утром, потому что помимо веселья на улице, ее потревожил еще и стук в двери.

– Госпожа! Госпожа! К вам гость! А мне некогда. Так что или выходите, или погоню его в шею! – кричала хозяйка дома, в котором Грета сняла комнату.

– Гоните в шею! – крикнула в ответ Грета.

“Гость. Некого мне ждать. Нет у меня друзей. Враги только, – ворчала про себя Грета. – А если... Фелан?”

– Погодите! – вскочила с кровати колдунья. – Сейчас выйду.

– То гоните, то выйдет, – недовольно ответила хозяйка. – В столовой будет ждать. Спускайтесь.

Грета быстро оделась. Расчесала волосы, подвязала лентами. Никогда бы прежде не подумала, что будет нравиться ходить такой лохматой. Но отчего-то вид ей свой нравился.

Может, потому, что напоминал о дедушке Фроди. Все-таки она к нему сильно привязалась.

“Справлюсь со всем. Надо будет навестить старика”.

Когда она спустилась, поняла, что никого из жильцов нет: все ушли на гуляния. Еды, впрочем, тоже, столько ведь угощений на празднике. Ничего кухарка не готовила. Грета вздохнула. Одно разочарование. Очень уж ей не хотелось тащиться на улицу, восхваления нового короля слушать. Хватает восторженных девиц, которые изо дня в день обсуждают, какой король красавчик, какой воин, какой хороший король.

“Фу. Дрянь он, а не хороший король, – поморщилась Грета, наливая себе молоко. – И где тут мой гость? Ушел, что ли?”

– Эй, – позвала Грета. – Есть кто?

Из темного угла вышел мужчина. Грета сразу поняла, что на вельможу служит. И дело даже не в костюме – хотя такую одежду ни крестьяне, ни горожане не носили – по манере было видно, что слуга это.

– Леди, – поклонился мужчина.

“О, как. Леди”, – она обернулась, чтобы убедиться, что за ними не наблюдают.

Было пусто. Мужчина передал ей письмо, золотой тесьмой обернутое, и отошел в сторону. В письме, впрочем, ничего интересного не было. Некто приглашал Грету встретиться. Убеждал, что друг, что союзники у нее есть, которым новые

порядки не нравятся. Даже имена магов значились, которые присягу Верну принесли, но вроде как сомневаются.

– Хм.

– Согласны? – спросил слуга.

“На Фелана не похоже. Слишком грубо все сделано. А кто еще? И что будет, если поймают? Хотя для Верна не новость, что я заговор против него готовлю. Хотел бы — уже в темницу бы запер. Интересно, почему медлит. Ну, да ладно. Идти или не идти? Может, и вправду, есть у меня сочувствующие при дворе”.

– Где встреча?

– Сегодня на празднике, – ответил мужчина. – За моим лордом следят, но сегодня в такой толпе и вам, и ему будет легко затеряться.

– Это верно.

– Только вы должны стоять в точном месте, ровно в полдень. Он вас на лодке подхватит.

– На лодке? – удивилась Грета.

– Да.

Он достал из кармана карту центра города. Несколько мостов и причалов Флиды всегда полны людьми во время праздников. Но на одном из них из-за традиции было довольно свободно.

– Причал поцелуев? – еще больше удивилась Грета, заметив отметку на карте.

– Да, – кивнул слуга. – Знаете, там мало девушек...

– Потому что кто угодно может потребовать у них поцелуй, – нахмурилась Грета.

– Но девушка может отказаться.

– Ага. Только придется расплатиться монетами. Какого черта именно этот причал?!

– Потому что мой лорд подплывет к вам и пригласит в свою лодку. Что вполне соответствует ожиданиям.

– Какая-то не слишком тайная встреча. У всех на виду приглашать меня в лодку.

– Не лично он. Лорд будет скрыт под навесом.

Слуга выжидал. Грете очень не нравилась затея, и он это видел. Достал большой кошелек и отдал ей.

– Это вам, чтобы откупиться от прочих, – немного виновато сказал мужчина. – Лорд знает, что вы ограничены в средствах.

– Прелесть, – забрала кошелек Грета и по весу поняла, что забит он золотом: “Лорд богат”. – А как я узнаю, что это нужная мне лодка?

– О, вы узнаете, – улыбнулся слуга. – Вернее, как только нужный человек выйдет, вы сразу поймете, что он за вами.

Грета нахмурилась, а слуга быстро поклонился и почти что выбежал из столовой.

– Кажется, я во что-то вляпалась, – пробормотала Грета и еще раз взглянула на кошелек. – Хотя... Какой бы черт не вылез из лодки – откуплюсь.



Голодная и сонная Грета шла мимо лавок со сладостями и никак не могла решить, чем позавтракать. А запахи, усиленные свежестью после грозы, как назло, только распяли аппетит. Наконец Грета купила себе кулек сухофруктов с орешками и продолжила свой путь. А путь не близкий. Причал поцелуев находился в самом центре города, часа полтора быстрым шагом. Знаменитое место, хотя сейчас девчонки там для потехи выстраивались. Хотя когда-то это место для выбора женихов строилось.

Оборотни по-другому к браку относились. Не так, как маги. У магов молодых друг к другу подбирали родители, оборотни могли и сами договориться. Однако когда девушка выходила за мага, свою значимость она не теряла. Равенство было в таких семьях. У оборотней жена полностью подчинялась мужу, и все приданое к нему переходило. Возможно, потому и разрешали девушкам себе женихов выбирать самостоятельно. Свадьба – большой риск и большая ответственность. Однако одна загвоздка имелась – богатые невесты выбрать себе жениха из бедных не могли. Так оборотни от прохвостов защищались. Вдруг особо ушлый парень охмурит девчонку богатую, а родители и против сказать ничего не смогут. Именно потому традиция эта и появилась.

Те девушки, что не могли себе жениха подходящего по

статусу найти, на Причале поцелуев выстраивались. Один раз в год, в День короля оборотней. Желающие заполучить богатую невесту должны были хорошенько потрудиться. Убедить общину в том, что не только за деньгами они охотники – достойные молодые оборотни. Лодка должна быть особенной, по заветам предков построенной и руками жениха, чтобы Зверя задобрить и получить на брак благословение. И, конечно же, сам оборотень должен был готовиться, в рожи молитвенной неделю поститься, просить, чтобы послал ему Зверь хорошую девушку. Правда, все труды могли оказаться напрасными. Во-первых, с причала он мог забрать девушку лишь на свидание. Во-вторых, выбирала все равно девушка. Если не понравится ей оборотень, то делать нечего. Правда, поцелуй за труды он все-таки потребовать мог. А она, если не желает одарить молодца, должна была откупиться. К слову, самые несимпатичные парни из года в год в День короля неплохо зарабатывали.

Сейчас, правда, традиция превратилась скорее в невинное увеселение. Обо всем девушки, парни, их семьи заранее договаривались и никаких сюрпризов ни для кого не было. Женихи приплывали за готовыми к этому невестами и увозили красавиц на свидания. Даже лодки никто по ритуалу не готовил, просто украшались они по традиции.

Грета стояла недалеко от причала и рассматривала девушек. Все были такие нарядные, такие счастливые. Стояли на пороге замужества, сами себе супруга выбрали, сами себе хо-

зьяйки. Грета немного даже завидовала. Никогда на нее не смотрели просто как на девушку.

Она с рождения герцогиня. С детства была поставлена перед фактом, что будет одинока. Может менять любовников сколько угодно, но обычная семейная жизнь не для нее. Не то чтобы она к ней стремилась, но попробовать было бы интересно. Попытаться понять, что это такое — быть просто женой. Детей завести, домоседкой быть. Скорее всего, Грете это быстро бы наскучило, но ее даже не рассматривали в таком качестве. Не для знатной колдуньи эти нежности. Если бы оборотни не пришли к власти, Грета пожила бы еще лет десять, выбрала себе любовника и родила бы сына. Красивого великого мага. Не понять ей девчонок на пристани. Из разных они миров и воззрений.

– Скоро полдень, – одними губами произнесла Грета, глядя на часовую башню. – Надо ближе подойти.

Она спустилась и, аккуратно двинув девчонок, подошла к самому краю причала. День короля совпадал с цветением сирени, а может, специально так древние оборотни задумали. Каждый год разгулявшийся летний ветер срывал лепестки с кустарников и засыпал ими реку, отчего Флида покрывалась нежно-лиловым кружевом, по которому скользили разукрашенные лодки. Горожане, для большего эффекта, бросали в воду лепестки и пышные бутоны роз.

Грета зачарованно смотрела на цветочную реку, позабыв уже про свое плохое настроение. Катились по Флиде распис-

ные лодки с яркими флагами, с нарядными перевозчиками и разодетыми в праздничное гостями. Горожане поздравления друг другу выкрикивали, восхваляли молодого короля. На Грету вновь навалилось раздражение. Она нетерпеливо покосилась на часы, что пробили полдень.

Из-за поворота выкатилась новобрачная лодка. Сказать, что горожане удивились, не сказать ничего. Никто толком и не помнил, когда в последний раз на Причале поцелуев такая лодка появлялась, давно уже по заветам предков лодки не строили. Маги к традиции плохо относились, а оборотни только рады. Больно хлопотно готовиться по всем правилам.

– Что это? За кем? – перешептывались девушки на причале.

У Греты билось в сознании, что нужно бежать, только с места сдвинуться не могла. А почему? Кто его знает. Может, и вправду Зверь на этом месте властвовал.

Лодка остановилась, перевозчик – старик горбатый, а кто под навесом сидит, не видно. Замерли девушки, горожане тоже поутихли. Интересно всем было, кто на свет выйдет. И такая тишина над Флидой повисла, что можно подумать: не лодка с женихом причалила, а смерть с косой или дракон златокрылый в городе объявился. Первозчик встал и откинул полотно, открывая всем прибывшего.

– Верн, – прошептала Грета и попятилась.

Только не успела и двух шагов сделать, как оборотень оказался возле нее, притягивая к себе за талию. Толпа ахнула.

– Король! – закричал кто-то, и все подхватили. – Да здравствует король!

– Если сейчас хоть что-нибудь ляпнешь, я заткну тебе рот поцелуем, – тихо сказал Верн.

Потом, обворожительно улыбаясь, обратился к толпе, а у Греты ноги подкосились.

– Братья и сестры оборотни! Горожане маги и люди. Последние две недели я не появлялся перед вами, не решал споры простых людей, не занимался вашими горестями. Прошу простите меня, – Верн смиренно поклонился, а Грета закатила глаза от раздражения. – Все дело в том, что я решил выбрать себе невесту, – толпа вновь ахнула. – И как истинный оборотень, я решил последовать традиции. Нет смысла нам, детям Зверя, выбирать невесту по принципам магов. Верно ведь? Я построил эту лодку и попросил у Зверя себе жену. Достойную и верную королеву своему народу. Как думаете, верно я поступил?

Толпа ликовала, а у Греты во рту пересохло. Попыталась отстраниться от Верна, правда, так и не поняла, как он умудряется казаться таким расслабленным и так крепко ее держать.

– И когда я увидел прекрасную южанку, тотчас понял: она послана мне Зверем.

Внезапно Верн отпустил Грету и, к ее ужасу, встал на одно колено.

– Пойдешь ли ты, прекрасная дева, со мной на свидание? –

спросил Верн ласково. – Или одаришь поцелуем усердного оборотня? Выбирай.

– От короля не откупишься! – крикнул кто-то, и горожане захохотали.

– Не пойду, – ответила Грета.

– Так и знал, что поцелуй выпросишь, – засмеялся Верн.

В следующее мгновение он выпрямился и, прижав к себе, поцеловал со всей страстью, на которую только способен оборотень.

Палящими губами он владел Гретой против воли, забирая дыхание. Безответно наслаждался дрожью в ее легком теле, беспомощностью, попутно сдерживая накрывающую горячку. Прямо здесь хотелось разорвать ее на части и больше никогда не испытывать эту подлую жажду. Как бешено билось ее сердце, как она рвалась, чтобы хоть раз вдохнуть и как много это доставляло удовольствия. Ему определенно нравился этот ужас. Не отвечает ему взаимностью, пусть хоть попробует, каково не угодать жизненно важным желаниям.

Верн заметил, что толпа замолчала.

“Должно быть, давно целуемся”, – решил оборотень и отпустил добычу.

– Думаю, она передумала, – ухмыльнулся Верн, стерев с горячих губ следы поцелуя.

Он подхватил на руки Грету, которая все никак не могла надышаться, и прыгнул в лодку, закрывая себя и ее навесом. В толпе кто-то неуверенно крикнул: “Да здравствует

король!”, – но горожане подхватили не сразу. Свидетели королевского сватанья не до конца осознали, что они видели. Но каждому из оборотней, да и людей, было ясно – они созерцали нечто необыкновенное.

Верн и Грета прошли на лодке уже несколько мостов, но ни он, ни она так и не решились заговорить. Она сидела красная. Верн просто успокаивался.

“Нужно быть хладнокровнее, – твердил он сам себе. – Иначе ни в жизнь со змеей не справишься”.

Грета вдруг рванула в сторону, но Верн перехватил.

– Сидеть! – рявкнул, и она замерла.

– Что за цирк?! – взорвалась через мгновение. – Что ты устроил?! Хотел если встретиться, нельзя было просто во дворец пригласить?

– Это не встреча, Грета. Я беру тебя в жены.

– Пфф.

“Заносчивая девчонка! Пофыркай еще на своего короля!”

– Сама пришла, глупенькая, – с насмешкой сказал Верн. – Знал, что стоит пообещать мою голову, прибежишь, как миленькая, – с радостью отметил, как злобно сузились глаза ведьмы. – И как с такой наивностью землями управляла? Красивые глазки в моем королевстве иметь недостаточно. Правильно я сделал, что юг от такой бестолочи спас. Слава

королю!

– Шут ты, а не король, – безразлично ответила Грета.

– А ты моя шутовка.

– Пфф.

– Еще раз фыркнешь, сброшу тебя в реку.

– С превеликим удовольствием покину это, – она обернулась, осмотрев лодку, и ядовито улыбнулась, – посмешище.

На Верна накатила такая ярость, что понял: сейчас же ее выбросит. Или просто свернет шею. И то, и другое не устраивало, тем более что гадина только этого и добивается.

“Нет уж! Мои планы не спутаешь”.

Он налил себе вина и поклялся, что пока не осушит кубок мелкими глотками, будет молчать и ничего не делать.

– Что за придурь со свадьбой? – спросила Грета надменно.

– Не придурь, а стратегия, – ответил Верн, грызя себя, что минуты не прошло, а он уже нарушил только что данное обещание.

Осторожно поднял глаза на Грету. Больше всего боялся наткнуться на ее вздернутый нос, как будто не он здесь король, она девчонка, а наоборот. Однако Грета смотрела спокойно, даже с интересом. Верн выдохнул.

– Мне надоели с тем, что я не женат. И осточертели невест подпихивать.

– И?

– Не собираюсь родниться ни с одной семьей. Столько сил потратил, чтобы навести порядок. Власти оборотней, остав-

шихся магов, людей... Влияние всех равномерно распределить было сложно. А тут какому-то роду придется отдать предпочтение. Знают об этом все. Потому и настаивают на женитьбе. Я не намерен играть по правилам двора и сам выберу себе королеву.

– Меня? – ехидно спросила Грета.

– А почему нет? Побережье возвращать не придется. Семья старая, королю соответствует. Народ после сегодняшнего в восторге!

– Я тебя ненавижу, – выдала аргумент Грета.

Резануло в самое сердце. Даже не думал, что может быть так больно.

– Зато у тебя нет родственников.

– Из-за тебя.

– А у меня нет родни из-за тебя.

Проплыли еще несколько минут в молчании.

Верн понимал, что она его не любит. Знал, что простить не может. Хочет отомстить. Но слово “ненавижу”, произнесенное так четко, так искренне, без капли сомнений – выкрутило внутри, выломало. Пожалуй, так до пелены перед глазами больно было, когда королю родителей выдала.

“Как же так получается, что, сколько бы ни было в мире горя, любое из них девчушка эта одним лишь словом перекроет? И ведь не заметила даже, что, не касаясь, одними губами мне сердце с мясом выдрала”.

– Я не пойду за тебя, – гордо сказала Грета.

– Пойдешь, – вскипел Верн. – Побежишь. Королям не отказывают. А рискнешь, привяжу тебя к лошади и протащу по земле до самой молебной роши. В предсмертном бреду с тебя согласия никто и не спросит. А после венчания скажу, что все это происки жриц злобных. Навели на своего короля помутнение, лишили избранной Зверем невесты. Сожгу в королевстве все храмы, а начну с любимого твоей матери – на площади. И будет после нашей свадьбы год траура, так что никто с женьбой пристать не посмеет. Меня такой расклад вполне устраивает.

Верн смотрел, как она бледнеет, как сжимает губы, лишь бы не расплакаться. Вся надменность разом слетела, осталась только пустота во взгляде и понимание безвыходности.

“Нашел, чем давить на язву бесовскую. Теперь никуда от меня не денется, – даже с расстояния чувствовал, как замедляется ее сердце. – Проклятье! Да она сейчас в обморок свалится”.

– Грета! – подхватил ее. – Не смей терять сознание! Злись, кусайся, можешь бросить в меня чем-нибудь.

– Пусти, дрянь! – стала отбиваться Грета. – Чтоб тебя бесы побрали! Ненавижу!

– Вот, так отлично, – успокоился Верн и вернулся на свое место. – Можешь ругаться, а я пока еще вина выпью.

Он взял кубок, а она замолчала. Сверлила его непримиримым взглядом и губы закусывала, явно удерживая самые неприличные ругательства. От этой мысли Верну стало ве-

село. Он широко улыбнулся, глядя на свою невестушку.

– До крови не искусай, мне твой рот еще пригодится.

Грета отвернулась. Смотрела сквозь складки навеса и о чем-то там думала. Хотя Верн примерно представлял, о чем. Прокручивает в голове варианты отступления. Он еще шире улыбнулся и откинулся на сиденье.

– Значит, сделаешь меня своей королевой, – сухо сказала Грета, посмотрев в упор на Верна.

Тот довольно кивнул.

– Королевы ошейники не носят. Снимешь?

Верн рассмеялся.

– У всех правителей есть свой цепной пес. А у меня будет цепная королева.

Она вновь окатила презрением. Вот и вернулась его холодная Грета. Уже нафантазировала себе какую-то глупость.

– Куда мы едем? Явно не во дворец.

– Зачем нам во дворец? Нас ждут в молебной роще.

Взглянула на него с ужасом.

– Я же сказал, что беру тебя в жены. Чему ты удивляешься?

– Но не так сразу...

– А почему нет? – Верн достал из кармана брачные браслеты. – Я с тебя глаз не спущу, пока вот это на запястье сверкать не будет.

– Вначале ошейник. Теперь кандалы, – усмехнулась Грета.

– За эти бы кандалы любая девушка королевства богов и

Зверя всю жизнь благодарила, – нахмурился Верн.

– Вот одну из них и забирай.

Оборотень ничего не ответил, решив больше не поддаваться на провокации.

“Дерзкая девчонка! Почему я, как сопляк, реагирую на ее выпады? Не положено королю вести себя таким образом. Тем более с ведьмой, которая только и мечтает, что кинжалом пройти по горлу”.

Однако его выдержки с трудом хватило до остановки. Весь оставшийся путь Грета одаривала Верна – и с таким трудом построенную им лодку – настолько брезгливыми взглядами, что к моменту прибытия в молебную рощу единственное, что он желал – придушить гадину и больше не мучиться. От кровавой расправы отвлек перевозчик, который открыл навес, впустив в угрюмый полумрак слепящее летнее солнце.

– Король с невестой прибыли! – крикнул слуга на берегу, отчего Грета вздрогнула, а Верна отпустила жажда крови.

– Пойдем, – бросил он грубо и почти что выволок ее наружу.

– Потихе можно? – пренебрежительно сказала Грета, вызвав тем новую волну раздражения.

Он тащил ее за собой и наслаждался. Не настолько быстро, чтобы Грета запнулась, но настолько, чтобы спина пригибалась, чтобы ноги неуклюже песок загребали, чтобы чувствовала себя ребенком неумелым.

– Да отпусти же ты меня! – встала как вкопанная и тут же упала, пытаясь высвободить свою руку, а Верн упивался зрелищем.

Поднялась кое-как, осознав, что без толку все, и побежала за ним, лишь бы не волочиться, как коза на веревке. Спиной ощущал все проклятья, что в мыслях на него насылала, а сама, выпрямившись, спешила, едва поспевая за разогнавшимся оборотнем.

Когда показались флаги Зверя, Верн приостановился. Святое место, здесь не до баловства глупого. Поклонился в пояс и пошел степенно дальше, а Грета вновь осмелела.

– Какое благонравие! Истинный рыцарь, никого не обидит, оскорбленных защитит, даму сердца на руках носит.

Теперь Верн резко остановился, и Грета чуть под ноги ему не грохнулась.

“Почему? Быть моей женой – хуже смерти? На казнь в тронный зал пришла и не противилась. А сейчас? Понимаю, что не любит. Но ведь это лучше, чем нищета на окраине. Неужели я ей настолько... противен?”

“Ты мне не ровня!” – прокатился по мыслям детский хохот.

– Даму сердца?! – развернулся к Грете разъяренный оборотень.

По глазам видел: поняла, что перегнула. Только поздно спохватилась, уже перекинул через плечо и потащил к жертвеннику. Старейшина, что обвенчать их должен был, ждал

возле центрального дерева, но Грета видела, не туда Верн ее тащит. К трухлявому пню несет, который кровью дичи во славу Зверя окропляют.

– Ты что...

– Молчи!

Бросил на землю и, достав меч из ножен, приложил ее руку к гнилому дереву.

– Говорила, что получу твою руку, только отрубив ее? Вот сейчас пожелание и выполним.

Взглянула на него исподлобья. Тяжело, царапающе. Отбросил Грету от жертвенника и убрал оружие.

“Зачем угрожал? Ясно, что никогда не обидел бы. Стою теперь тут, как слизняк крикливый”.

– Ты моя, – строго сказал Верн. – Нет у тебя прав ни на жизнь, ни на тело. Что хочу, то и буду с тобой делать. Будешь язвить, язык вырву. Будешь упираться, в темнице сгною. Не герцогиня ты, Грета. Моя вещь. Хочу — ломаю, хочу — использую.

Осмелился посмотреть на нее, поразился, как в лице переменилась его строптивца.

“Неужели подействовало? Смотрит, словно не на меня. На кого-то другого”.

Прошли молча к старейшине. Поклонились деревьям священным, на колени встали. Со всем Грета соглашалась. Только сердце ее Верна тревожило. Неровно стучало, как у дичи раненой.

К середине обряда оборотень извелся. Смотрел на невесту потухшую и не знал, как вести себя с ней. Как узнать, что сейчас чувствует. Пальцы ее вцепились в ленты ритуальные, тело дрожало, словно в метели была. Бледная, беспокойная.

Верн снял с себя плащ и хотел набросить на Грету, но она отшатнулась. Уставилась на него одуревшими глазами, в которых он увидел лишь панику.

– Грета, – тихо позвал он.

Надеялся, что от имени очнется его ведьма, но так и смотрела, ожидая что-то ужасающее. Верн искал в глазах Греты привычное, но ничего там не было. Смятение и безысходность, страх перед грозным оборотнем.

“Пусть так, – подумал он с горечью. – Лучше липкий ужас, чем пренебрежение”.

Сам себе не верил, но старательно убеждал, что покорная Грета нравится. А обряд все тянулся и тянулся, будто не благословение, а отпевание покойника. Не выдержал Верн, прикрикнул на старейшину, чтобы завершал поскорей венчание. Грета сжалась вся от его голоса, впрочем, и старейшина засуетился, гнев короля почувствовав.

Спешно защелкнули браслеты, зачаровали, чтобы огонь клятвы по украшению расстелился. Грета зажмурилась, а старейшина обратился к мужу нетерпеливому:

– Вы можете поцеловать...

– К черту! – рявкнул Верн и, обернувшись лигром, бросился прочь из рощи.

Глава 11

Путь из роши во Флидабург прошел как в тумане. Куда умчался Верн, Грета не знала. И знать не хотела. Мечтала не видеть никогда, молила, чтобы в болото провалился лесное, захлебнулся тиной мерзкий оборотень.

“Зачем меня женой сделал? Издеваться?”

Хотя еще в лодке себе на этот вопрос ответила. Под прищмотром у него будет. Никакие козни построить не сможет, слова против не скажет. Полностью теперь от него зависит. Сказал: “Вещь”, – его вещь и есть.

Грету встретили фрейлины – оборотни из семей знатных. Смотрели на нее с интересом, но ничего не выпытывали. Просто поставили перед фактом, что отведут в Мраморные бани. В королевской купальне омоют и во дворец сопроводят. Там спальня для молодых уже подготовлена.

– Спальня, – повторила Грета тихо и всхлипнула.

– Ну что вы, Ваше Величество, – встревожилась одна из дам с серебряными нитями в кудрях. – Вы не бойтесь. Король у нас ласковый. Не обидит.

Но Грету уже было не остановить. Слишком долго она сдерживалась, чтобы не разреветься. Упоминание о брачной ночи высвободило весь запас жалости к себе и своей участи. Она ревела, уткнувшись в грудь испуганной женщины, наплеватьски относясь к тому, как выглядит, что подумают

и куда ее ведут эти благовоспитанные фрейлины.

А вели ее, несмотря на истерику, в мыльню. Разули, сняли одежду землей испачканную. Тело, волосы умаслили. Песни пели свадебные. Чем-то поили, вроде как успокаивающим. Грета предпочла, чтобы ядом или снотворным каким-нибудь. Провалиться в беспмятство, пусть Верн с ней что хочет, то и делает. Вода горячая катилась по ее телу, а колдунья все думала, как ей жить дальше, как отомстить королю, если в лапах его застряла безнадежно.

– Травы тут есть? – мрачно спросила Грета.

– Есть, конечно, Ваше Величество, – обрадовалась старшая фрейлина по имени Вива. – Какие смешать? Вам в купальне запарить или в тело втирать будете?

– Во дворец соберу. Отвар для себя приготовлю. Сбросить страхи мне надо, леди. Успокоиться, чтобы не обидеть короля дурным настроением.

– И то верно, Ваше Величество, – еще больше обрадовалась Вива. – После купания тогда с вами сходим.

Грета кивнула и отдалась знатным дамам. Пусть готовят к расправе ее тело. Последний раз почувствовать себя высококородной леди. Наутро ничего этого не будет.

Когда доехали до дворца, уже темнело. В полумраке добрались до роскошной королевской спальни. Пропахло все благовониями и цветами. Над кроватью знамя с горящими триллиумами. Улыбнулась Грета недобро и на пуф невысокий села. И ведь верно ей предрекали в королевской спаль-

не мужа ждать. Кто бы только знал, что мужем тем грязный оборотень будет.

– Что-нибудь, кроме чайника с чашей, подать, Ваше Величество? – спросила фрейлина.

– Нет. Благодарю. Этого достаточно.

Принесли ей посуду, сказали, что король во дворец все еще не явился, и оставили одну – ожидать молодого мужа.

Заваривать она совсем не успокоительное собиралась. Рецепт этот еще лет в пятнадцать у жриц вычитала. Никогда бы не подумала, что пригодится.

Когда отвар остыл, Грета скинула с себя сорочку нарядную и, прочитав молитву с проклятьем над снадобьем, тщательно в кожу по всему телу втерла. Улыбнулась своему отражению. Красивая и смертоносная. Достоянная королева для захватчика. Надела сорочку, накидку, золотом расшитую, и забралась под одеяло. Осталось лишь ждать. Было страшно. Зато одним ударом отомстит и за себя, и за родителей.

Часы шли, а короля все не было. Полночи как прошло, усталость и сон тело разнежили.

“Все-таки хороша кровать у Его Величества. Сами собой глаза закрываются, – Грета еще раз зевнула и улеглась поудобнее. – Видать, все-таки провалился в болото. Туда ему и дорога, животному”.

Она почти сразу уснула, и что-то ей снилось беспокойное, но вдруг неясное волнение из неги вытянуло. Грета проснулась и увидела глаза зеленые. Горели в темноте, пугали ди-

костью. Верн прыгнул на кровать не просто черным зверем, громадиной. Не видела его прежде Грета в этом обличи. Мрачный, с дымными полосами и таким весом великим, что не ясно, как кровать такую кошку выдерживает.

– Верн? – испуганно сказала Грета. Хотя зачем? Кто еще может быть в спальне?

Не ответил, но взгляд как будто смягчился. Упал ей в ноги и свернулся клубком, как в детстве бывало. От этого впечатления у Греты ком подкатил к горлу, а Верн вдруг сказал с тоской в голосе:

– Я не убивал твоего отца. Голову отрубил, да. Но умер он не по моему желанию.

Грета попробовала вытянуть из-под него ноги, однако это было совершенно бесполезно.

– И мне жаль герцогиню. Хотя не думал, что прощу ее когда-нибудь.

– И что? – раздраженно спросила Грета, все еще не в силах выбраться. – Думаешь, после подобной исповеди прыгну под тебя и воспылаю любовью?!

Зарычал Верн бешено. Рванул зубами одеяло, когтями располосовал все убранство кровати. Грета вжалась в дубовую спинку, понимая, что сейчас и до ее тушки доберется. Как-то так себе злость оборотня и представляла, но не понимала, зачем спальню терзает. Или ее оставил на сладкое?

– Я твой муж! – выкрикнул Верн, в человека вернувшись. – Мне не нужно твое согласие!

Прыгнул к ее укрытию и впился в шею, то ли целуя, то ли прикусывая. Грета закрыла глаза и поблагодарила богов за возможность убить обидчика. И вдруг Верн расхохотался.

– О! Как это предсказуемо!

Выпустил Грету из рук и, переведя дыхание, сел на пуф рядом с кроватью.

– Яд. Пропитала все тело? Как думаешь, через сколько на меня подействует?

– По моим расчетам — через полчаса должен биться в агонии, – растерянно ответила Грета, не понимая его поведения.

– Что ж, – он обратил внимание на чайник, понюхал его, довольно улыбнулся. – Я тебе говорил, что ты пропахла оборотнями? Почему?

– Почему ты себя так ведешь?

– Если бы не знал, подумал бы, что полукровка. Как же так вышло? – продолжал задумчивую болтать Верн.

– Почему тебя не волнует яд?!

Опять рассмеялся.

– Потому что ты предсказуема, женушка.

Смотрел на нее весело. Явно получал удовольствие, что раскрыл план. Казалось, коварный и продуманный.

– Я из королевской семьи оборотней. Мы знаем, с кем живем по соседству, – решил разъяснить ей Верн. – Ваша порода любит эти штучки... с ядами. Всех наследных детей к ним приучают. Я на отраву не реагирую. Разве забыла, что

уже кусала меня твоя гадина? Так что можешь экспериментировать, маленькая.

Тотчас до Греты дошло, что не спасет отвар ее тело. Что сейчас он проржется и полезет к ней с поцелуями. А она никогда не сможет отбиться от оборотня. Даже применив магию. Даже будь у нее нож, не успела бы навредить животному. Не равны они.

Грета вжалась в стенку, а он заметил. Никогда прежде она не видела такой самодовольной улыбки.

– Готова? – игриво спросил Верн. – Будешь кричать? Или кусаться? Исцарапаешь мне спину?

“Боги, надо было мне яда выпить, – сжалась под его взглядом Грета. – Как бы до чайника добраться”.

– Успокойся, Грета. Я тебя не трону.

– Что?

– Что слышала. Можешь расслабиться.

Грета сползла на кровать, все еще не понимая, шутка это или Верн серьезно.

– Почему? – осторожно спросила.

– Потому что я знаю, от чего случаются дети, – посмотрел на нее холодно. – Думаешь, я позволю тебе стать королевой-матерью? Нет, маленькая. Ты будешь только куклой с короной. Никаких наследников с поганой колдовской кровью. Я забрал у тебя все. Забираю и власть над телом. У тебя никогда не будет детей. Не позволю, чтобы по моему дворцу бегало маленькое белокурое совершенство и радовало серд-

це невинными глазками. Не хочу видеть, как твой ребенок растет. Как расцветает в нем красота матери. Ты ведь, Грета, даже не представляешь какая ты... Не будет у тебя ребенка. Никто никогда его не полюбит и не будет мучиться.

Грета не нашлась что ответить. Просто глубоко вздохнула, чем почему-то вызвала злость у оборотня.

– Забирайся на спину! – приказал он, обернувшись.

– Я...

– Молчи!

Грета залезла на лигра, и тот выпрыгнул в окно. Промчались по саду, затем Верн забрался на крышу дворца, все выше и выше с каждым прыжком. Грета жмурилась, лишь бы не видеть, куда несет ее оборотень. А ветер становился сильнее, и забираться Верн начал по стене отвесной. Рискнула, открыла глаза и вышине ужаснулась. В тот же миг лигр добрался до места желаемого – выпрыгнул в окно старой башни и со спины на пол Грету сбросил.

– Здесь твое место! Не желаю больше видеть тебя в моей спальне!

Она поднялась и осмотрела полукруглое помещение. Несколько окон с витражами. Яркие, пусть и мутные от пыли. Небольшая спальня с узкой кроватью и покрытой чехлами мебелью. Никто сюда не заходил лет сто, а может, и больше. Мрачно, холодно. Паутина и занесенные ветром хрупкие листья.

– Что это?

– Темница благородных душ, – ответил Верн. – Твое вечное пристанище.

– Что?

– Темница эта соответствует статусу “Ваше Величество”, – усмехнулся Верн. – Тебе ведь так важны титулы и звания. Не благодари, душа моя. Будешь жить здесь. Наслаждаться своей благородностью. Задирать нос. Возвышаться над всеми. Посмотри, сколько тут окон. Все королевство у твоих ног. Будешь наблюдать и стариться.

Он подошел к окну, через которое сюда впрыгнул.

– Все необходимое тебе будет приносить журавль. Будете жить долго и величественно, моя королева.

– Ошейник, кандалы, темница. Мой король знает, как ухаживать за дамой.

– Из темницы этой можешь выйти, – сказал Верн и сорвал со стены один из гобеленов. – Вот и дверь. Магу по пути порадуются.

– Кто?

– Захочешь выйти, узнаешь.

Он обернулся вновь лигром.

– Рада, что могу избавить себя от твоего общества.

– Язви. У тебя для этого много времени. Ты, Грета, сгниешь в этой башне. И вместе с тобой иссякнет род великих магов.

– Глупец! – крикнула ему в спину. – Ты и себя связал этим браком. Пока я здесь заперта, ты не сможешь жениться. А

полюбишь какую-нибудь девушку? Что тогда будешь делать?
– Полюблю? Ха! Когда я найду себе подходящую... и кроткую невесту, то просто отрублю тебе голову, – ответил Верн и выпрыгнул.

Оберон шел к королевской спальне и нервничал.

Тревожить молодых ему было неловко. Но солнце клонилось к закату, а короля все не было. Зная Грету, не удивился бы, обнаружив, что удалось той обезглавить ненавистного оборотня.

Подойдя к двери, он постучал и, прокашлявшись, спросил, может ли войти.

– Иди к чертям, Оберон! – крикнул пьяным голосом Верн, и на душе у западника полегчало.

– Я вхожу, – предупредил он и открыл двери.

Зажмурился, чтобы наверняка не встретить взглядом Грету в непристойном виде, и тотчас услышал хохот короля.

– Нет здесь бесовки! Ты зачем явился?

– Поздно уже, – ответил западник и поразился разрушению в спальне. – С Гретой все в порядке?

– Все великолепно у Ее Величества, – зло ответил Верн. – Наслаждается величием. С великой величины.

– Что ты творишь? – терял терпение Оберон. – Зачем напился? Сам ведь женился. Никто не заставлял.

– Обстоятельства заставляли, – хмуро ответил Верн.

– Неправда.

Оберон налил и себе вина, сел на кровать.

– Так где же Грета?

– В башне. Где и положено жить ведьме.

– У-у.

– Ты какого черта здесь? Я спать хочу.

– Король женился. Такое событие вызывает интерес. Вы с Гретой показываться народу будете? Пир устраивать? Кого приглашать? По городу прокатитесь, принимая поздравления от всех гильдий?

Верн еще больше нахмурился.

– Ну вот. Опять сначала делаешь, потом думаешь, – сказал Оберон. – Доставай жену из башни и мирись с ней. Не хочешь, полагаю, чтобы узнали о ваших... необычных отношениях.

– Она отравила меня! – взорвался Верн. – Бровью не повела. Но сколько было сожалений в милом личике, когда поняла, что не буду в ногах ее ползать, содрогаясь в предсмертной агонии.

Оберон ничего не ответил, просто сидел и пил вино, наблюдая за расхаживающим по комнате королем.

– Тогда я тебя внимательно слушаю, – заключил, наконец, западник. – Что мне говорить желающим вас поздравить?

Верн остановился и лег лигром на кровать.

– Скажи: король подарки желает сделать своим поддан-

ным. Не пировать, пока простые жители с рассвета до заката трудятся, а одарить их, как одарил Зверь короля радостью. Раздай деньги, что пошли бы на праздник, всем бедствующим. Детям какие-нибудь фрукты и сладости прикупи. В общем, пусть народ веселится. А король с королевой приняли обет Сдержанности.

– Предположим, тебя это спасет на какое-то время, – улыбнулся Оберон. – А дальше что?

– Я спать.

– Не время спать, мой король! Дело есть.

– Катился бы ты со своими делами. Я спать хочу.

– Вести с островов.

Верн приподнял голову.

– Побережьем интересуются. Прознали, что проклятие снято, и теперь хотят эту землю себе.

– Это как понимать?

– Королевство создали маги. Если южные провинции согласны подчиняться Флидабургу – это их дело. Но побережье никому из семей не принадлежит. Магов нет, значит, и Флидабург на берег не имеет прав, – Оберон посмотрел на мрачного Верна. – Говорю лишь то, что услышал. Надо быть осторожнее. И укреплять армию. Сильной магии у нас нет, защититься от набегов будет сложно. Флот тебе нужен, Верн.

– Нужен-то нужен. Только сколько лет пройдет, пока я его строить буду. Магов точно не хватит? Не защитят берег?

– Нет больше сильной магии. Самим придется воевать с

морскими демонами. Ты король мягкий, полагаю, они медлить не будут.

– Мягкий, – ухмыльнулся Верн.

– По их меркам — да. Ни одной деревни не разорил, когда к власти пришел. Массовые казни не устраивал. К тому же, многие помнят, как распустил ты наемников, потому что слишком свирепые. В общем, плохая у тебя, Верн, репутация. Не устрашающая.

Оберон выпил еще вина.

– Сказал я все. Теперь и спать можешь. Есть сон еще?

– Да какой сон, – огрызнулся Верн. – Собери совет. И пусть слуги поесть принесут что-нибудь.

– Слушаюсь, – поклонился Оберон и вышел из королевской спальни.

Он созвал всех в зал для совещаний, изложил, по какому поводу собрались, но короля все не было.

– Я, пожалуй, пойду, потороплю его, – сказал Оберон собравшимся. – Иначе до рассвета ждать будем.

Идею его одобрили и тем удачней, что выход Оберона совпал с появлением поварят с закусками и медом. Западник довольно улыбнулся и пошел за Верном. Хотя, если честно, ему было не столько важно найти короля, сколько хотелось прогуляться рядом с башней. Уже вторые сутки Оберон не следил за Гретой, отчего чувствовал в себе небывалую тревогу. Нехватку чего-то. Чего-то очень важного, что заполняло его бестолковые одинаковые дни красотой и чувственно-

стью.

“Высоко, – с грустью подумал Оберон, задрав голову. – Не дотянутся до тебя деревья. Не смогу узнать, чем занята и чем печалишься”.

– Что ты делаешь? – вдруг поймал его за стыдным разглядыванием Верн.

– Наслаждаюсь луной, – как мог спокойно ответил Оберон.

– Трудно наслаждаться невозможным. Недостигаемым.

– Оттого наслаждение это так прекрасно.

Верн подошел ближе, и Оберон видел в его хищном взгляде сомнение.

“Что ж... Когда-то нужно сознаваться. Почему бы не сейчас?” – пролетело в голове у Оберона.

– Почему ты не пришел в молебную рощу? Я хотел, чтобы ты обвенчал нас.

– Зачем? Я не старейшина.

– Ты важнее любого старейшины.

– Я не хотел.

– Считаешь, я сделал ошибку?

– Невесту послал тебе Зверь. Не мне судить о твоих решениях. Грета согласилась.

– Да, – грозно сказал Верн. – Она согласилась. И теперь моя жена.

– Я знаю.

Верн покосился на башню, но потом вдруг стал болтать о

морских оборотнях. Говорил, что пригласить их делегацию надо. Поговорить, попытаться наладить общение. А чтобы не думали, что он слишком мягкий, провести турнир рыцарский. Показать, что и столичные оборотни в силе и смелости не уступают.

Оберон все кивал и, кажется, с них обоих ушло напряжение. Западник еще раз поднял глаза на башню. Цветные окошки светились в черной ночи манящими метками.

“Высоко”.

– Не слишком жестоко держать в таком месте королеву? – спросил он Верна и улыбнулся, осознав, насколько эта тема раздражает короля.

– Что угодно отдам, лишь бы не видеться больше с гаденой.

– Хм. Я отдал бы то же самое, чтобы провести с ней побольше времени. Грета — чудесный собеседник.

– Поосторожней с желаниями.

– Мои желания сродни вашим, – съязвил западник. – Только у меня они несбыточные.

Оберон развернулся и пристально посмотрел на Верна.

– Если ты так страдаешь, почему с ней не помиришься?

Опустились у оборотня плечи.

– Разумен ли тот король, что воображает розу, глядя на скорпиона?

– Будь я королем, я бы предпочел видеть розы.

Верн посмотрел на него как на бестолкового.

– Может, и к лучшему, что ты так и не стал королем.

– Может, и к лучшему, – не обратил внимания на укол Оберон. – Но что дальше? Сколько времени ты собираешься держать в башне Грету?

– Я не знаю. Мне нужно свыкнуться с мыслью, что в любой момент я могу столкнуться с ней в коридоре моего дворца.

– Верн, какой ты... – обессиленно выдохнул Оберон.

– Она опасна! Как только расслаблюсь, Грета приведёт меня к гибели. И чтобы убереечь меня от нее, а ее от меня, лучше ведьме сидеть повыше и подольше.

Глава 12

Грета сидела на полу и пустыми глазами смотрела в стену. Фрейлина Вива, которая оказалась тем самым журавлем, снимала чехлы с мебели, что-то там болтала: сейчас, сейчас поворожим, и будет не комната, а загляденье, – но Грете было все равно. Она понимала, что это ее тюрьма. На всю жизнь. А как бы тюрьма ни выглядела, приятней от этого не станет.

– Купаться сегодня будете, Ваше Величество? – неожиданно спросила фрейлина.

Странный вопрос вырвал Грету из оцепенения. Она повернула голову в сторону придворной дамы.

– Купаться, – повторила фрейлина, столкнувшись со стеклянными глазами королевы. – Тут ведь еще две комнаты. Одна для занятий. Вышиванием развлечься, еще чем-нибудь. Принцессы всегда рукоделие любили. А здесь...

– Принцессы?

– Конечно. Это ведь башня для дочерей королевских. Когда-то была. Так вернее сказать будет. У королей дочери обычно птицами рождались. Потому и башню такую сделали. Чтобы летать им было приятней. Мы – птицы – парить очень любим. И жить в вышине. А под нами оранжерея. Была. Легенды ходят о том, какое это было волшебное место. По всей башне витражи чудесные. А внутри белые розы, и

солнце их круглый год раскрашивало. Как думаете, красиво было?

– Так это не место проклятых?

– Это как посмотреть, – пожала плечами фрейлина. – Маги башню темницей сделали. Окна замуровали. Розы выжгли. Бросали сюда благородных оборотней. Из тех, которые бороться пытались. Непокойно ведь было попервости. Много мятежей. Не хотели земли свои отдавать. Но в те дни магия была великая. Бессильны мы оказались. Теперь только равны сделались. И как интересно получается: чем дольше вы живете на земле нашей, тем слабее становитесь.

Грета ничего не ответила, а Вива вздохнула.

– Так вы купаться будете? Я колодец разобрать кого-нибудь приглашу. Нет, не такой, как вы подумали, – рассмеялась женщина, заметив, как расширились глаза Греты. – Вода, как и прочие вещи, снизу поднимается на веревках.

– Понятно, – кивнула Грета, тут же потеряв интерес к фрейлине.

– Еще что-нибудь вам нужно? – спросила женщина. – Книжки какие-нибудь? Нитки для вышивания? Не беспокойтесь, платья новые вам поднимут.

– На кой черт мне платья? – нахмурилась Грета. – Саму себя разглядывать в зеркале?

Фрейлина вздохнула.

– Быть может, король к вам поднимется, – аккуратно предположила женщина.

Грета посмотрела на нее грозно, но дама не отступила.

– Он теперь супруг ваш. Какие бы ни были трудности, никуда вы от него не денетесь. У вас вся жизнь впереди, Ваше Величество, неразумно хоронить себя из-за гордости.

– Поди прочь! – приказала Грета. – И чтобы больше при мне о короле не заговаривала.

Вива послушалась и выпорхнула из башни, а Грета вновь в стену уставилась.

– С окна, что ли, выпрыгнуть? – вслух подумала. – Нет уж. Не доставлю Его Величеству радости. Выберусь наружу, найду союзников и убью его. Сама буду править, как королева оборотней.

Грета встала и решительно подошла к двери. Прислушалась. Тишина. Если есть там животные страшные, то не слышно. Призраки? С чего ей их бояться?

– Кого же Верн имел в виду?

С трудом открыла двери, захватила со стены оставленный журавлем факел и шагнула в темный коридор башни.

Сделала несколько шагов. Ничего особенного. Паутина, топот и писк крыс по углам. Все то, чего и следовало ожидать от заброшенного здания. Лестница вниз была винтовая и очень узкая. Не была бы Грета такой худой, пришлось бы протискиваться. Шла осторожно и думала:

“Необычно это. Башня широкая. Там, значит, место для роз. А чем сейчас оно занято?”

Сделала еще один виток, и ответ предстал перед нею. В

стенах то тут, то там стали появляться небольшие отверстия, закрытые решетками, а из тьмы начал доноситься жуткий и такой знакомый шепот:

– Дигиталис... Дигиталис...

– Умертвия! – ахнула Грета, и в тот же миг из решеток со всех сторон потянулись к ней когтистые руки. – Пошли прочь!

Отбивалась от жаждущих урвать от нее хоть кусочек. Попытилась, пытаясь поскорее уйти в безопасное место. Но они цеплялись за одежду, тянули назад. К себе. Выломать решетки и уволочь во тьму испуганную колдунью.

Вырвавшись, Грета бросилась к своей комнате, захлопнула дверь и долго еще прислушивалась, боясь, что снесли мертвецы прутья и тянутся к ней, шепча отчего-то род ее матери.

– Почему Дигиталис? – спросила у пустоты Грета. – Верховная жрица не колдует. Нельзя им. Сила только богам принадлежит. Неужели кто-то из ее предков умертвия эти создал? А зачем?

В коридоре было тихо. Осторожно приоткрыла дверь: все так же спокойно. Никто ничего не выломал, и в погоню за Гретой трупы не торопятся.

– Ненавижу тебя, Верн! Знал. Все про них знал! И что кровь матери учуют, и что будут тащить меня из-за этого в свою сторону.

Она дошла до кровати и села.

– Как мне теперь выбраться? Колдовством убить — силы не хватит. Руками? Но я ведь не оборотень, врагов рвать на части не умею.

Грета вздохнула и завалилась спать. Как бы то ни было, умертвия явно к ней не собираются, а отдохнуть стоит. Иначе план отмщения так и не придумает.

Снились ей беспокойные сны, которые раз за разом прерывались глазами кошачьими и запахом таким терпким, таким захватывающим. Вот и Верн среди прочей бесполезной околесицы появился. Красивый, улыбающийся. В детстве она Верна таким видела. Добрым, заботливым. Только на него могла положиться. Только с ним чувствовала себя свободной. Мать ледяная. От нее любви не дождешься. Для отца Грета была герцогиней и умницей. Тут должна и так должна. Спину не гни, книги учи. А Верн? Верн видел в ней волшебницу. И любил ее просто так. Без условий, ничего в ответ не требуя. Может, и не была бы она в себе так уверена, если бы не глаза преданные, которые, чтобы Грета ни делала, смотрели на нее с обожанием.

– Куда же это все делось... – бормотала Грета, переворачиваясь на кровати.

Что-то в стороне грохнуло, и Грета вскочила, тотчас решив, что добрались до нее умертвия. Однако в комнате было пусто. А резкий звук – всего лишь окно хлопнуло.

– Я ведь закрывала его, – Грета подошла к створке и увидела шерсть черную, зацепившуюся за щербину деревян-

ную. – Верн?

Она из окна выглянула, лигр мчался по саду королевскому, петляя так, чтобы стражники не заметили.

– И что тебе здесь надо? Не можешь в покое оставить даже ночью?

Разозлилась так на него сильно, что за стол села и, достав бумагу с чернилами, начала заговор планировать. Ну как планировать. Все возможные варианты расписывать. Нравится, не нравится – не важно. Главное – выбраться из башни и поскорее трон из-под Верна вытянуть.

Разработка закончилась очень быстро. Крайне быстро. И Грета итогу не порадовалась. Проревела всю ночь и весь следующий день, выгнав фрейлину, потому что никак не могла с участью своей смириться.

По всему получалось, что выхода у нее нет. Прав нет. Привилегий нет. Ничего нет. Никто ей не поможет, ничего она за дружбу с собой предложить не в силах. Ничего пообещать не в состоянии. Никаких рычагов давления ни на короля, ни на его окружение не имеет.

“Кукла с короной”, – повторила Грета и вновь разревелась.

Все предусмотрел Верн. Все у нее отобрал и жизнь сломал, словно не рождена герцогиней из великих магов, а была простушкой без имени. Чувствовала себя гадко. Единственное у нее назначение осталось – рожать детей Его Величеству.

– Какой же урод! – провыла в подушку Грета. – Мало ему унижения. Мало оставить меня без всего. Убил бы лучше! Зачем так издевается?!

Она проплакала еще какое-то время, а потом села, опустошенная.

– Значит, еще в брачную ночь задумал это, сволочь. Зачем брать меня силой, ведь так приятно будет, когда сама приду и буду в ногах ползать, чтобы зачать от Его Величества. Ненавижу его! Доберусь до власти, обезглавлю. Нет. Четвертую! И протащу останки по всему городу. А потом гнить в болото выброшу. Пусть черти в тине жрут знатного оборотня.

Спустя две недели Грета спросила у журавля, во сколько ужинает король, а после приказала приготовить ванну, подать черное платье и золотую тесьму в волосы.

– Какую прическу делать будете? – спросила озадаченная фрейлина.

– Косы заплетешь.

– Но ведь косы, – еще больше растерялась женщина, – носят исключительно маги.

– Я из рода магов. И пусть его величество об этом не забывает.

– Хорошо, – кивнула фрейлина и, подумав, добавила: – Какая замечательная новость, что вы именно сегодня реши-

ли спуститься к ужину.

– Почему?

– Сегодня вечером главы гильдий приглашены к королю. Его величество собирается строить флот в южной провинции. Конечно же, все в этом заинтересованы. Скажу даже, все королевство на ушах от такой новости. Радость большая. Если будут корабли и в море спокойствие, старые семьи хорошо заработают.

– Ясно.

Грета тут же прикинула, что была бы хозяйкой побережья, заработала бы в первую очередь она. Стала бы самой влиятельной и богатой женщиной королевства. Стала бы. Если бы не лохматый урод, который из-за своенравия украл все, что она так долго строила.

– Ненавижу, – прошептала Грета.

– Что вы сказали?

– Ванну мне готовь, – строго ответила Грета. – И масла ароматные. Соблазнительные. Такие, чтобы чуткое обоняние оборотня порадовать.

– Как чудесно, Ваше Величество. Какая новость хорошая. Все сделаем. Самым лучшим образом вас подготовим.

Разрядила ее фрейлина и в самом деле восхитительно. Грета смотрела на себя расфуфыренную и дивилась: как она, оказывается, может пленительно выглядеть. И черное платье строгое это не портило, скорее, выделяло глаза синие и губы, алым подкрашенные. А как косы белые с золотом на черном

шелке сияли – глаз не отвести.

– Королева, – сухо сказала Грета. – Никогда не хотела ей быть, а видимо, рождена я ей. Пусть так и будет.

– Правильно, Ваше Величество, – закивала довольная работой фрейлина. – Вы звездой в любом платье сияете. Потому Его Величество вас и выбрал. Идеальная невеста для древнего рода оборотней.

Фрейлина бросила взгляд на зеркало и столкнулась с гневными глазами Греты.

– Простите, – попыталась она исправить ситуацию. – Я просто хотела сказать, что вы так очаровательны, что король наверняка от вас без ума, – Грета помрачнела еще больше. – Вы знаете, вам не хватает короны.

Фрейлина быстро зашагала к принесенным шкатулкам с украшениями. Она понятия не имела, что происходит между молодыми супругами, но одно знала точно: чем лучше будут отношения короля с королевой, тем лучше будет жить двор, а вместе с ним и все подданные.

– А вот и она! – восторженно сказала придворная дама и надела на Грету изящную корону с сапфирами. – Как раз под цвет ваших глаз. Вы обворожительны, Ваше Величество.

Грета кивнула, а сама чуть не расплакалась. Сжала крепко подол пальцами и губы закусила.

“Соберись! От ночи с мужчиной еще никто не умирал. От родов умирают, от этого нет. Да и Верн не урод, вполне привлекательный. Красивый даже. Просто нужно пережить это

позорище и зачать наследника. Как только буду беременна, получу неприкосновенность. Смогу и Верна свергнуть. Новый король родится, а я подле него править буду. Бесчестие сегодня, власть и свобода завтра”.

– Ваше Величество, – позвала фрейлина, заметив ее нервное состояние.

– Можешь идти. Лететь, вернее, – Грета напряженно улыбнулась. – Я скоро спущусь. Место возле короля пусть не готовят. Сюрприз хочу сделать.

– Хорошо, Ваше Величество.

Фрейлина поклонилась и выпорхнула, а Грета осталась наедине со своими мыслями.

Она походила по комнате, попыталась утрясти все свои размышления. Сложный день, сложный вечер, а уж что ночью будет, лучше вообще не думать.

– Ладно, – глубоко вдохнула Грета и распахнула двери. – Сейчас главное — спуститься.

Заранее решила, что магией попробует от умертвий отгородиться. Мало поможет – место узкое – но лучше, чем идти сквозь руки тянущиеся. К тому же не хотелось появиться при дворе в порванном платье.

Шла в темноте и молилась. Факел никак не взять было, иначе магию по коридору не направить. Мрак окружил, пропитанный шепотом, трупным запахом, страхом. Страх был у Греты, умертвия испытывали лишь жажду дотянуться до мага желанного, захватить хоть крупницу, хоть каплю крови

выцарапать.

“Что же вам сделал такого род моей матери?”

Лестница вниз казалась бесконечной. Грета спускалась по спирали так долго, что и голова у нее закружилась. А света от выхода все не было, никак не кончались проклятые умертвия. Уже и магия ее ослабла, раскалился ошейник, впиваясь в кожу жгучими иглами.

– Ничего, выдержу, – подбадривала себя Грета. – Башня не бесконечна.

Она была права. Еще тройка завитков, от которых мутить начало, — и пропали дыры в стенах. Одна узкая лестница. Позади осталось самое страшное. От радости Грета так воодушевилась, что поспешила вперед, зацепилась за что-то и ногу подвернула. Прихрамывая уже с лестницы сошла.

В основании башни была просторная комната. Для хозяйственных назначений, по всей видимости. Тут и выход к колодцу, через который наверх вещи поднимали. И ящики с разной мелочью. Дверцу небольшую Грета обнаружила. Прикинула, что комната за ней должна быть, наподобие ее для рукоделия.

Дверь в сад была огромной. Не спутаешь. Грета поправила платье, косы, отдышалась немного, постаралась ногу свою поврежденную подлечить магией. Откликнулся еще большей болью ошейник.

– Все. На сегодня мне с колдовством заканчивать нужно, – вздохнула Грета. – Черт, как пройти мне ровно? Запнусь об

ковер какой-нибудь. То-то будет хохоту.

Она еще раз по подолу провела руками. Осознано, что трясет ее, словно осину. Покосилась наверх. Поняла, что возвращаться страшней, чем идти на королевскую трапезу.

– Чтоб тебя демоны загрызли, Верн! – ругнулась Грета и покинула место своего заключения.

Верн был в чудесном настроении. Все шло, как он задумал: планы по развитию юга семьи одобрили, маги, что остались, согласились помочь с обороной побережья, казна исправно пополнялась, а народ уже которую неделю славил короля и королеву. При мысли о Грете Верн поморщился. Все у него хорошо в жизни, одна заноза, никак не вытащить, только гниет глубоко, хоть зверем вой.

“Излечусь ли от бесовки когда-нибудь? Может, и вправду помириться? Хотя бы попробовать”.

– Ее Величество Грета Стейнмунн! – объявили внезапно, и гости вскочили с мест своих, выказывая почтение.

Вошла. В самом деле Грета. Живая и прекрасная. Вытянутая струной, неприметно вибрирующая. Прошлась ладно до его места, слуги уже для нее стул поставили. Приборы, кубок для королевы наполнили.

“Заявилась, значит. И что ждать от ведьмы такой наряженной? Еще и как колдунья выглядит. Знала бы, гадина, как кипит кровь, когда кожа ее темной тканью оттеняется”.

– Отчего же вы, Ваше Величество, в черном? Разве горе

какое в королевстве?

– Что вы, душа моя. Под вашей властью процветают земли и народ счастлив. В черном я как раз поэтому. Свидетельствую всем о вашем величестве. Знамя ваше черное, а на нем триллиум. Вот и я – Триллиум – в черном обрамлении.

– На знамени моем горят триллиумы. Поджечь платье? Чтобы неподдельно смотрелось?

– Лучше одарите меня ожерельем с рубинами? Мне такое пламя больше нравится.

Села подле него и улыбнулась кротко, словно не Грета это, а девица покорная. Не успел Верн найтись, что ответить, как повернулась к нему и невинно в глаза посмотрела.

– Вы, Ваше Величество, много трудитесь. Как жена ваша, пришла о вас позаботиться.

Глянула на гостей и учтиво кивнула, разрешая вернуться к трапезе.

Ужин продолжился, а Верн жег взглядом жену, надеясь хоть так выпытать, какого, на самом деле, черта она спустилась.

– Вы будете мясо, Ваше Величество? – спросила Грета. – Простите, не знаю, какое вы теперь предпочитаете. В детстве, помню, любили кролика.

Делала вид, что не замечает его напряжения. А напряжение тем временем усилилось, особенно после слов “детство” и “помню” из ее уст.

– Так что? – спросила Грета. – Кролик?

– Кролик, – хрипло ответил Верн.

Она ловко подцепила мясо и переложила на тарелку, стала добавлять еще что-то, но Верн не смотрел. Аппетит полностью его покинул. А вот пить хотелось так, словно он только что вернулся из пустыни.

“Что же она со мной делает? И пахнет еще так, что вцеплюсь зубами в нее вместо кролика”.

– Выпьем? – предложила Грета, протягивая кубок.

– Выпьем.

– Дорогие гости, – внезапно обратилась к собравшимся Грета. – К сожалению, я не всем из вас представлена. Однако думаю, у нас еще будет время узнать друг друга получше, – она доброжелательно улыбнулась. – Но сегодня, каюсь, я бы хотела уделить как можно больше внимания Его Величеству. Вам известно, как много он о нас всех заботится.

Грета отследила воодушевленное кивание с поддакиванием, а Верн чуть не заржал, потому что представить себе не мог, что когда-нибудь Грета его будет перед гильдиями нахваливать.

– Полагаю, вам также известно, что я из рода магов. А для магов равны супруги, не так, как принято у оборотней, – Грета повернулась к Верну. – Позволишь ли ты мне, муж мой, высказать свою дружественность? Закрепить общность жизней наших, как среди магов принято?

“Хитришь, чертовка”, – ухмыльнулся Верн, но кивнул.

– Давай же выпьем с тобой особым способом, – улыбну-

лась Грета и переплела в локтях их руки с кубками. – Смотря в глаза, не скрывая намерений.

Пока пил, смотрел.

“Разве можно в синеве этой кроме холода что-то высмотреть? Не любишь ты меня, Грета. На дух не выносишь. Зачем тогда ластишься?”

Отложил пустой кубок, а она пересела на колени его так ловко и поцеловала так внезапно, что сердце остановилось у оборотня. Нежная, взволнованная. О такой мечтал он в безумных своих фантазиях. А теперь сбывается выдумка нежданно-негаданно. Отстранился от Греты, удерживая себя из последних сил. Немного нахмурилась, ожидала явно не этого.

“Не получишь. Не потеряю рассудок, как ни пытайся наизнанку душу вывернуть”.

– Ты прекрасно целуешься, Верн, – прошептала на ухо пленительно.

“Держи себя в узде”, – приказал сам себе, хотя рука скользнула уже ниже талии.

– Ты даже представить себе не можешь, как люто я тебя... желаю, – одними губами сказал Верн, зная, что она поймет, но никто не услышит.

– Мой король должен получать желаемое, – чарующе шептала Грета.

“Теперь ясно, зачем ты спустилась, – горько подумал Верн. – Зачем льнешь и целуешь меня на виду у обомлевших

оборотней. Переступила через себя герцогиня, смертельный яд на теле заменив отсроченным коварством”.

– Какая же змея... – сказал ей на ухо Верн, притянув за шею гадину. – Как далеко ты зайдешь, чтобы снять с меня голову?

– Дойду до смерти. Моей или вашей, – холодно ответила Грета.

“Вот и рассыпалась моя сладкая иллюзия, – ухмыльнулся Верн. – А это что?”

Он провел рукой по ее медному ожерелью и заметил небольшое покраснение. словно натер металл или стянуто сильно.

– Пусти, – отдернула его руку Грета.

Хотела пересесть на свое место, но он не позволил.

– Мы уходим! – обратился Верн к гостям, подхватил Грету на руки и вышел из зала.

Грета не понимала, куда он ее несет, и от этого было еще страшней. Неужели опять выбесила оборотня? Будет ей угрожать. Руку вновь отрубить попытается или что похуже придумает.

Тем временем Верн распахнул одну из комнат неприметных и внес Грету внутрь. Опустил перед собой на ковер с длинным ворсом. Разложил ее, словно куклу, противиться не пыталась даже, а сам сел рядом и сверлил взглядом огненным.

– Соблазнить меня удумала.

– Я?

– Ты.

Грета попыталась подняться, но не позволил оборотень. Выдохнула. Этого и добивалась ведь. Просто пережить этот ужас, а потом как-нибудь забудется. В жизни и похуже вещи случаются. Закрыла глаза. Расслабилась. Попыталась, насколько могла в таком положении.

– Грета! – крикнул Верн, и она вздрогнула. – Тебе это зачем нужно?

Смотрел на нее, а она совсем не понимала, к чему спрашивает.

– Чтобы отомстить? Или ты вдруг захотела стать счастливой матерью? А ты знаешь, маленькая, что не так просто все делается? Не то же самое, что порез пальца у лекаря. Глазки зажмурила, вот и закончилось. Ты думаешь, легко забеременеть? Небось, рассчитала все. Сколько ты дала себе времени на соблазнение? Когда по плану лучший день для зачатия? А что, если я попрошу лекаря сказать, какие дни благоприятны для этого, и не стану приходить к тебе? Понимаешь, что ждать наследника ты можешь годами. Десятилетиями. И все это время, Грета, я буду тобой пользоваться. Я рискую. Потому и наслаждаться намерен в полную силу. Думаешь: как-нибудь... в темной спальне... потерплю немного... Нет, маленькая. В супружеской жизни тебя ждет много сюрпризов.

Грета залилась краской, понимая, какая она дура. И какой он страшный. Мужчина перед ней, а не мальчик из девичьих

размышлений.

– Так ответь, Грета. Тебе это нужно? Ты настолько жаждешь власти? Настолько мечтаешь мне отомстить?

– Нет, – ответила она дрожащим голосом.

– Беги, – строго сказал Верн и поднял ее с пола. – Беги и молись, чтобы я тебя не догнал.

Грета, не чувствуя ног, вышла из комнаты и помчалась в свою башню, едва разбирая дорогу.

Глава 13

Грета вбежала в башню и закрыла дверь на засов. Потом попробовала отдышаться (не особо получилось) и перетащила к выходу стоявший неподалеку ящик с чем-то тяжелым. Зачем? Сама понимала, что глупость эта Верна не остановит, но было так страшно, что казалось: хлипкая защита поможет хоть немного успокоиться.

“Дура! Какая я дура, – ругала себя Грета. – Это как же он меня довел до таких идиотских поступков? Гад!”

Она стала подниматься по лестнице и только тогда вспомнила про поджидающее на пути щупанье.

– Ненавижу! Не пойду! Не могу так больше!

Вернулась назад. Посмотрела испытующе на забаррикадированный выход, бросила взгляд на лестницу, села на бочку посередине помещения и расплакалась. Как же ей было плохо от безвыходности ее положения. Еще хуже от того, что это никогда не закончится.

“Вот почему он меня не убил? – носилось в голове у Греты. – Каким же надо быть извергом, чтобы так насмехаться? Что я ему сделала? Девчонкой сказала лишнего? Город не сдала? Разве лишения магии за это недостаточно? Ничего, кроме страха и слез, мне не приносит. Когда же эта мудреная месть закончится, и он просто меня придушит?”

– Грета, открой! – крикнул Верн, дернув на себя дверь.

– Мне конец, – прошептала колдунья.

– Грета! Какого черта!

Мгновение — и Верн снял дверь с петель, словно башня была из соломы. От грохота Грета так дернулась, что свалилась с бочки и прижалась к стене.

Вошел, чертыхнулся, запнувшись о ящик, перешагнул его и устоял на запуганное зареванное создание, что еще час назад было его величественной супругой. Замер, сообразив, насколько той страшно.

– Грета, – сказал тихо, вроде даже ласково, хотя с этим у Верна были проблемы, слишком уж довела его своим поцелуем, запахом. – Пойдем. Я сказал слугам, чтобы спальню приготовили.

Подняла на него глаза испуганные.

– Нет. Не для нас, – поспешил оправдаться Верн. – Погорячился я. Не стоило тебя здесь запирать. Выходи, – он протянул руку. – Будешь жить во дворце. Как и положено моей королеве.

– Не нужны мне твои подачки, – ответила Грета и аккуратно поднялась с пола. – Одной рукой бьешь, другой милуешь. К черту тебя, Верн! Убирайся из моей башни.

– Гордая, – разозлился король. – Хорошо.

Он просто вышел. Ни на чем не настаивал, не ругался, даже дверь к дыре прислонил. Грета и не ожидала, что так просто покинет ее оборотень. Без угроз и попыток унижить.

– Задумал что-то, – решила она.

Хотя сил и желания думать об этом не было. Она покосилась на лестницу и, вздохнув, стала подниматься.

В этот раз все оказалось не так уж плохо. А может быть, Грета так устала и так перенервничала, что шепот и руки мертвый почти не волновали ее измученную психику. Добралась до своей комнаты и, рухнув на постель, мгновенно заснула.

Показалось, что минуты не прошло, как Грету начали будить.

– Ваше Величество! Ваше Величество!

– Что? – буркнула королева из-под одеяла.

“Откуда здесь одеяло?”

Она открыла глаза и поняла, что платья тоже нет. Вообще одежды нет. Волосы распущены.

– Что за чертовщина? – стала озираться Грета.

Солнце уже давно встало, а напротив стояла испуганная фрейлина.

– Ваше Величество. Обед скоро, а вас никак не добудить-ся.

– Обед? – Грета пыталась понять, как так случилось, что только глаза закрыла, а уже день в разгаре. – Ты меня разде-ла?

– Нет, – еще больше испугалась фрейлина. – Это не вы?

Они смотрели друг на друга, и Грета поняла, что попала. Придворная дама обязательно доложит королю, что его жену кто-то раздевал.

“Но кто?! – началась паника. – Как я вообще не почувствовала? Меня же тут лапали... О боги!”

Хотелось выть, а фрейлина, кажется, в камень превратилась. Явно в голове своей прокручивала варианты формулировок, как весть такую пикантную королю подать.

– Ваше Величество, – ожила фрейлина, – король приказал вам присоединиться к нему на обеде. Выбрал для вас платье.

– Да ну? Может, лучше слетаешь и скажешь королю, что к его жене кто-то ночью приставал?

Фрейлина опустила глаза.

– Как скажете, Ваше Величество.

Обернулась и вылетела.

– Боги, как такое вообще могло произойти? Опоили? Где? Кто? Почему? И как на это отреагирует Верн?

Поднялась с кровати и стала себя разглядывать. Ничего вроде не видно. Никаких меток. Значит, не прокляли. Просто раздели и одеялом укрыли.

– Что за бред?

– Все хорошо, Ваше Величество, – вернулась журавль. – Пойдемте скорее купаться. Надо успеть к обеде.

– Что? – развернулась к фрейлине Грета. – А кто...

– Его Величество, – улыбнулась женщина. – Пойдемте же, у нас мало времени, чтобы вас подготовить.

“Его Величество? – остолбенела Грета. – Это Верн меня раздел? Да как он посмел?!”

По довольному лицу придворной дамы она поняла, что

лучше вообще этой теме не касаться. Журавль всем духам молилась, чтобы Грета с королем жили нормальной семейной жизнью.

“Ага. Не дождется!” – думала колдунья, пока фрейлина укладывала ей волосы.

– Почему прическа такая странная?

– Его Величество хочет, чтобы вы сегодня выглядели не как маг, – ответила фрейлина.

– Кто бы сомневался, – ухмыльнулась Грета. – Но так и оборотни не ходят. Что это?

– Так выглядят девушки на западе.

– Девушки? Но я замужняя дама.

– Его Величество хочет, чтобы сегодня вы выглядели таким образом.

“Задумал что-то, – повторила вчерашнюю догадку Грета. – Гадость какую-то”.

– А вот и ваше платье, – торжественно произнесла фрейлина, показывая нечто удивительное.

Наряд представлял собой красное, расшитое речным жемчугом, узкое недоразумение. Но больше всего Грету поразил не цвет, а полное отсутствие рукавов и ворота.

– А где верх? – спросила она, растерявшись. – Есть еще вторая часть? – посмотрела на фрейлину. – Умоляю, скажите, что поверх этого еще хоть что-то надевается.

– Боюсь, что нет, Ваше Величество. Плечи и руки открыты, такая форма.

– Боги, за что вы так со мной? – вздохнула Грета, позволяя натянуть на себя этот шелковый рукав, а не платье. – Оно мне не по размеру.

– Почему?

– Ну, вы посмотрите, оно же короткое.

– Да, Ваше Величество. Оно короткое.

– Чтоб тебя, Верн! – со злостью посмотрела на фрейлину. – Я королева! Я не могу демонстрировать двору свои щиколотки. Это... Это же разврат!

– Ну, ну, – улыбнулась фрейлина. – Вы ведь замужем. Мужу можно любоваться своей женой. В этом нет никакого разврата. А если вы беспокоитесь, что вас кто-нибудь увидит, то зря. Никого на обеде из мужчин не будет. Об этом Его Величество побеспокоился.

– Прелесть, – тихо сказала Грета и начала краснеть. – Если я выйду к Верну, мое лицо сольется с платьем.

Фрейлина засмеялась.

– Ваше Величество, вы очень стеснительны. Вам нужно больше думать о том, что вы уже не девица и вам не нужно думать о приличиях. Чтобы вы ни делали, пока вы это делаете с мужем, смущаться нет никакой надобности.

– Замолчи! Совета касательно моего воспитания я не спрашивала.

– Простите, Ваше Величество.

Грета еще раз посмотрела на свое отражение в зеркале и поняла: чтобы Верн ни задумал, он уже победил. Вновь ее

унизил, вновь заставил почувствовать своей куклой.

“Я же выгляжу как... продажная женщина. Боги! Теперь ясно. Я – дорогая куртизанка. Я. Рожденная герцогиней Триллиум”.

Была в таком бешенстве, что почти забыла про свои веселые спуски по лестнице. Но ничего. Ее соседи напомнили. В полураздетом состоянии попытки притянуть Грету к одной из решеток ощущались еще противнее, еще более пугающе. Прежде она не чувствовала прикосновения умертвий к голой коже. Сейчас, благодаря Верну, получила такой ни с чем не сравнимый опыт.

– Гад! – Грета, вздернув нос, вышла из башни.

В саду ее поджидала стайка фрейлин, которые своими телами прикрыли позорный вид и провели на обед. Внутри ждал сюрприз.

Мужчин действительно не было. А вот женщин явно перебор. Причем, не просто женщин. Грета сразу поняла, что созвал Верн к себе тех самых западных куртизанок, в чей костюм он и Грету обрядил. Должно быть, чтобы на общем фоне не выделялась. Часть из них играла на музыкальных инструментах, часть танцевала, последняя группка вилась возле Верна, ухаживая за Его Величеством. Для Греты место приготовили по другую сторону стола. Прямо напротив короля, чтобы сидела и видела, как шарят по нему руки продажных девиц.

– Какая мерзость, – сквозь зубы сказала Грета, когда ей

придвинули стул, и последняя приличная женщина (фрейлина) покинула зал.

– Доброе утро, Грета, – растянулся в улыбке Верн. – Как спалось?

– Чем ты меня напоил?

– Ничем.

– Я не поняла, как...

– Ты просто устала.

– Настолько, что не чувствовала, как, – тут она запнулась, решив, что не позволит себе говорить о таких вещах при этих дамочках. – Не важно.

– Если ты считаешь меня врагом, это не значит, что твое тело считает так же, – улыбнулся Верн.

– Помолчи.

– Это естественно. Я хорош собой, – только раззадорила ее просьба Верна. – А еще я нежен. И у меня хватает опыта, чтобы быстро снять платье с женщины.

– Боги, – закатила глаза Грета. – Опыта раздевать спящих дам? В здравом уме к телу не подпускают?

– Не зли меня.

– Пфф.

Грета начала обедать. Тем более, если сосредоточиться на еде, то можно немного забыть об окружающей обстановке. О ней забыть очень хотелось.

“Продажные женщины в королевском зале. Немыслимо! Отвратительно! Безнравственно! И я. Я наряжена в эту... га-

дось!”

– Грета!

Подняла на него глаза.

– Ты переезжаешь.

Молчала, про себя молила, чтобы на тот свет.

– Девушки! – вдруг он обратился к куртизанкам. – Моя королева очень робкая. Вы ведь понимаете, что... Хм. Как бы это сказать, – смотреть, как Грета краснеет, а потом бледнеет, для Верна было особым удовольствием. – Мне бы хотелось ее раскрепостить. Понимаете, девушки?

“О да, они понимают, – хотелось заползти под стол Грете. – Даже я понимаю. Они и подавно”.

– Для вас, девушки, и для моей королевы приготовили восточное крыло дворца. Там вы будете жить вместе. Дружить. И делиться секретами.

– Дружить? – переспросила Грета, не ожидая ответа. Просто хотелось уничтожить его взглядом.

– И делиться секретами, – растянулся в улыбке Верн.

Худшим наказанием для Греты быть не могло ничего. Все, чего избегала она всеми силами всю свою жизнь, навалилось разом, не спрятаться, не сбежать.

Жизнь с развратницами усложнялась не столько тем, что Грета к ним плохо относилась, нет, просто из-за их присут-

ствия Грета не могла молиться. Само наличие нечистых людей оскверняет любое помещение. Никогда не пускали людей “спорных заработков” в храмы. Никогда не позволяли им войти в дом. Верн посмел наплевать на все устои магов и запачкать каждую деталь вокруг Греты. Это сводило с ума колдунью. Места для нее не было. Одежда запятнана. За еду и кров богов не поблагодарить. Даже спать положили в одной комнате с куртизанками.

– Лучше бы скормил умертвиям, – каждый раз говорила Грета, стараясь закутаться в одеяло так, чтобы отгородиться от соседок.

А девушки тем временем хихикали над колдуньей, совершенно не понимая ее нервозности и неестественного избегания их и всего, чего они касались. Поведение молодой королевы безумно веселило куртизанок. Они были с запада, а потому понимая дотошности магов к духовной чистоте предметов у них не было. Девушки просто считали Грету заносчивой. Или, как сказал Верн, робкой. И, как сказал Верн, всеми силами старались ее “раскрепостить”.

Рассказывали ей всякие пошлости, целовались. Сторониться подобных уроков было сложно, и сколько бы Грета ни пыталась не слушать, не смотреть, мерзкие женщины так и норовили ее чему-нибудь да научить.

Уже через три дня Грете стало настолько плохо, что одна из служанок вызвала лекаря. Тот распознал нервное истощение, и Грету перевели в отдельную от всех спальню. “Чи-

стю” в том смысле, в котором она была нужна для мага. Фрейлины принесли успокаивающий отвар, и вскоре королева провалилась в сон. Впервые за долгое время спокойный.

Приятные сновидения неожиданно прервались тяжестью в ногах. Грета открыла глаза и увидела Верна, привычно свернувшегося у нее на кровати. Остервенело захотелось его пнуть. Может, так и сделала бы, только кошка настолько громоздкая, что выбраться из-под нее Грете было не под силу.

– Прости, – тихо сказал Верн. – Я не знал, что для тебя это жизненно необходимо.

– Ты их разгонишь?

– Нет.

– Уходи.

– Нет.

– Оставь меня в покое!

Она попыталась выбраться из-под лигра, бесполезно.

– Уйди! Хватит меня изводить! Хватит...

– Изводить? – перебил Верн, обернувшись человеком. – Это ты меня изводишь, Грета. Терзаешь колкостями. Мучаешь равнодушием.

– Я к тебе не “равнодушна”. Я тебя ненавижу! – хотела столкнуть его с кровати.

Верн не обратил внимания на ее попытку. Наоборот, сел еще ближе и перехватил руки.

– За что? – спросил вдруг спокойно.

– За что? – поразила его наглости Грета. – Ты чудови-

ще! Ты лишил меня семьи, магии, дома, новой жизни на юге, будущего, свободы, прав. Ты даже платье приличное у меня отобрал! Ты! Ты виноват во всем. Только и делаешь, что угрожаешь, издеваешься, унижаешь. Мстишь!

– Ну что ты, маленькая, – Верн начал фанатично целовать ее руки. – Я ведь люблю тебя. Всю жизнь одну тебя люблю.

– Ложь! – попыталась вырваться Грета. – Любовь не такая!

Верн замер и внимательно посмотрел на нее.

– А какая?

Она молчала.

– У меня только эта. Другой нет.

– Такая мне не нужна.

Взгляд его переменялся с обожающего на отрешенный.

Верн встал и вышел из спальни.

Грета еще долго надеялась, что сейчас вернется и наорет. Скажет, что казнь ее ждет на рассвете или что-нибудь в таком духе. Отчего-то было безумно больно. Хотя и сказала правду. Не нужна ей такая любовь. И не любовь это вовсе. Что угодно, только не она.

Утром Грету оповестили, что король уехал. Хорошо, что так. Видеть его не хотелось. Что-то в ней щелкнуло этой ночью. Отмахивалась от этого, но одно воспоминание о Верне вызывало ощущение чего-то щемящего в душе. Не вина это. Нечто непонятное.

Провалилась весь день в кровати, благо никто не приставал и никуда не звал. А потом еще день. И еще. Замечатель-

но Грета себя чувствовала. Долгожданный покой. Даже забыла, что королева и жена Верна. Просто валялась, читала найденные на столе книжки, ела и спала.

Однако блаженная лень не могла длиться вечно. Через пару дней Грета все-таки решила выйти из своего уютного гнездышка. Оказалось, что Верн все еще не вернулся, а прислуга не в курсе, куда он направился. Ей рекомендовали обратиться к кому-нибудь из приближенных, но Оберона тоже не было, а общаться с другими Грета отказалась.

– И куда это он укатил? – спрашивала себя Грета. – Черт. Признался мне в любви, а я? Хотя гад он редкостный. Все верно ему сказала. Только жестоко так. Нехорошо.

Она стала прокручивать в голове все слова, которые говорила Верну, и стало не по себе.

“Если бы я кого-нибудь любила и такое выслушивала, даже не знаю... Жалко котика, хоть и паршивец. Может, правда, любит”.

– Ваше платье, – вошла в комнату служанка с простой одеждой, подходящей колдунье. – Его Величество приказал вернуть ваши наряды.

– А девушки? – с надеждой спросила Грета.

– Девушки на месте. Как только вы поправитесь, сказано отвести вас к ним.

“Ой, рано я смягчилась”.

– Нет. Не отведете.

– Его Величество приказал...

– Знать не хочу! Я здесь королева. Поди прочь, и пусть слуги гонят этих девок из моего дворца!

Девушка побледнела, явно не зная, куда метнуться. Попасть между приказом короля и приказом королевы – ад для каждого подданного.

– Платье! – Грета встала с кровати, не обращая внимания на перепуганную девушку. – Сама оденусь. А ты иди. Если, когда я выйду из спальни, эти мерзавки будут еще здесь, вам всем не поздоровится.

Девчонка вылетела из комнаты, а Грета стала приводить себя в порядок. Давненько у нее не было такого боевого настроения.

“Вот что значит: муж осточертел, – зашнуровывала платье Грета. – И откуда в нем столько придури? Держи, милая, платье, но баб моих я у нас дома оставляю. Ага! Уже бегу, склонив голову и слушаю, как ублажать мужиков правильно. Вот же урод! За что, спрашивает, ненавижу? Ни единой причины нет. Не супруг, а мечта!”

Вышла. Во всем крыле тишина. Стража куда-то подевалась, слуг, как ветром сдуло.

– Ага. Избеганием, думаете, от гнева моего увернетесь?!

Грета зашагала по коридору в направлении спален для куртизанок. Чем ближе были их двери, тем яснее доносились голоса девушек.

– Не прогнали. Ясно. Что ж... Катись-ка ты, Верн, к демонам со своими приказами!

Она распахнула двери и крикнула растерянным девушкам:

– Пошли прочь! Сейчас же! Чтобы духа вашего в моем дворце не было!

После нескольких мгновений молчания, одна из куртизанок нервно хихикнула. А потом в полный голос захохотали остальные. Грета выглядела такой маленькой и глупой. Сам король отдал им эти комнаты. Разве могла тонкая девчонка что-то сделать?

– Убирайтесь!

Грета вскинула руки и начала молиться, пусть шею тут же схватило огнем, сейчас было все равно. Девушки еще немного посмеялись, но скоро заметили, как со всех сторон комната наполняется змеями. Колдовской туман потянулся из окон, он душил их, гнал к выходу. Девушки с криками рванули в коридор, а Грета заколдовала в своей руке плеть.

– За все у меня получите, грязные оборванки, – она со всей силы хлестнула по полу шипящим магическим хвостом. – И за уроки свои поганые, и за смешки бесстыжие.

Гнала их до главных ворот дворца. С визгами, воплями бежали девушки, спасаясь от разбушевавшейся колдуньи. Охрана и слуги решили не вмешиваться, опасаясь попасть под плеть взбесившейся королевы. И тут случилось неожиданное.

– Открывай ворота! – крикнула стража. – Его Величество вернулся.

Когда Верн ее увидел, не знал, как обуздать звериное желание утащить Грету в спальню. Уже давно стоило себе признаться, что именно в таком опасном и диком виде она нравится больше всего. Зачем тогда пытался жену укротить? Сам не знал.

“Какая же она сильная”, – думал он, восхищенно разглядывая плеть.

– Ваше Величество! Ваше Величество! – бросились к нему девушки, ища спасения.

– Помогите им, – обратился Верн к своему оруженосцу. – Пусть осмотрит лекарь. Потом заплатите и по домам отправьте.

– Хорошо, Ваше Величество.

Девушек довольно быстро увели со двора, а Верн не мог отвести глаз от Греты. Она тоже на него смотрела. Плеть не убрала. Была наготове.

– Все-таки вернула себе магию. А я до последнего думал, что покраснение на шее из-за тугости. Какая же ты, Грета, прогнозируемая. Ничем себя не выдала. Но стоило уравнивать с простолюдинками, тотчас нутро властное вылезло.

– Ах, вот к чему этот бордель, – усмехнулась колдунья. – Признание твое — тоже часть стратегии?

– Нет. То нет.

Верн спешился.

– Убирай плеть.

– И не подумаю.

Он оказался возле нее и отобрал магическое оружие, которое тут же рассыпалось.

– Пойдем, – спокойно сказал Грете, взяв за руку.

Не сопротивлялась. Шла рядом, руку не вырывала и ничего не спрашивала. Дошли до стрельбища, и Верн передал ей лук со стрелами. Посмотрела на него вопросительно.

– Просто хочу провести с тобой время, – ответил на незадаанный вопрос.

– Мило, – ответила Грета, но лук не взяла.

– Почему не обратила магию против меня? – решил не замечать ее отказа и просто стал целиться в мишень.

– Это глупо. Ты слишком близко и слишком сильный. Быстрый. Слово не успею сказать, как сломаешь мне позвоночник. Не по зубам мне король оборотней.

Признание его силы медом полилось по сердцу. Он выстрелил и попал точно в яблочко.

– Я бы не стал ломать тебе позвоночник. Может, все-таки постреляем?

– Не то настроение.

– Плетью бить настроение? – улыбнулся Верн и вновь прицелился.

– Все лучше, чем строить из себя послушную женушку.

– О, ты еще не была послушной.

– Я была очень послушной, – нахмурилась Грета. – Больше не буду. Можешь сразу вырвать язык и бросить в темницу.

Верн выстрелил и вновь попал. Сегодня явно его день.

– Я кое-что для тебя привез.

Видел, как Грета напряглась. Конечно, после таких слов от него ничего хорошего ждать не следовало. Верн достал небольшой мешочек, а из него изящное, горящее рубинами ожерелье.

– Подойди.

Не послушалась, подошел сам. Надел на Грету украшение и широко улыбнулся.

– Это что?

– Ты просила подарить тебе нечто подобное. Я просто исполнил твое пожелание. Как всегда.

– Ум-м. Что же вы, Ваше Величество, при такой покорности с меня медную гадость не снимете?

Верн перестал улыбаться. Опять его злит. Нарочно.

– Тебе мало, что зная, насколько опасна, рядом с собой держу?

– А ты не держи. Я только рада буду.

Верн взял лук и снова прицелился.

– Отпусти меня домой.

– Нет. На побережье небезопасно, – выстрелил не так удачно, как планировал.

– Со своей безопасностью я как-нибудь разберусь.

– Ты останешься во дворце.

– Тиран!

Верн опустил лук и развернулся к строптивой девчонке.

– Ты моя. Моя! Моя и только моя!

– Я никогда не была и не буду твоей! – накричала на него в ответ Грета. – Я могу быть пленницей, муляжом жены, любовницей. Но твоей я не буду никогда.

Верн сломал чертов лук и пытался ее обнять.

– Каждое мгновение рядом с тобой ненавижу! – оттолкнула его Грета. – Лучше зубы мертвий, чем твоя ласка.

Она быстро зашагала в свою башню. Боялась, что догонит, но Верн ее отпустил. Это хорошо. Сейчас она больше всего хотела сделать с ним что-нибудь ужасное. А силы на это у нее не было, всю извела на мерзких девок.

– Да как он смеет считать меня своей вещью?! Держать на привязи. Животное!

Закрыла за собой двери и остановилась. Идти наверх совсем не хотелось. Разнежилась за последние дни в уютной спальне.

– Гад! Все из-за тебя, Верн, – Грета села на ящик и, сложив руки, нахохлилась. – Спала бы сейчас в своем доме, занималась бы своими делами. Небезопасно на юге... Что ты можешь знать об этом? Там оборотни живут. Оборотни! Не люди слабые. Пфф... А я колдунья. Мне бы хватило силы расставить ловушки и защитить мое побережье от дурацких разбойников.

Грета поворчала еще немного и стала думать, как ей переночевать. Вдруг взгляд остановился на дверце, за которой Грета еще не бывала.

– Кладовка, наверное. Хотя стоит посмотреть.

Она поднялась и вошла в небольшую комнату. Помещение оказалось чем-то вроде кабинета. Стол со стулом и куча бумаг.

– Да... поспать здесь нормально не получится. Хотя, – коварная мысль пришла ей в голову. – Зато спрячусь от кота. Надоел уже таскаться ко мне по ночам.

Грета подошла к столу и, запалив свечи, села. От скуки стала рассматривать бумаги. Каково было ее удивление, когда узнала почерк короля.

“Говорили, король в башне сидит неделями, – вспомнила Грета. – Значит, правда. И что ты тут делал?”

Спустя несколько часов Грета узнала ужасное. Умертвия, что были спрятаны в башне – совсем не умертвия. Мятежники из тех самых благородных семей оборотней. Кое-кого за время правления магов казнили, но, оказывается, часть преступников превращали в этих жутких созданий. Живых в башне запирали, заколдовали, чтобы не умирали никогда. Гнили, грызли друг друга, но жили такой вот темной сущностью.

– Боги, помилуйте, – перепугалась Грета. – Как же мы могли? Безумие.

Она достала еще книги и поняла, почему узники башни

шептали фамилию ее матери.

– Заклинание это создал Дигиталис. Предок мой, получается. Так они тянулись ко мне, как к спасению?

– Верно поняла, девочка.

Грета дернулась и тут же увидела рядом с собой девушку-призрака.

– Кто вы?

– Трина.

– А-а... Обещанная встреча.

Трина улыбнулась и открыла Грете еще одну книгу.

– Король, если помнишь, тоже нес кровь рода Дигиталис. Потому и сидел здесь. Зверь приказал ему заклятье снять, иначе покинет королевский род магия. Хотя Зверь и так забирает ее постепенно. Не знаю зачем, но это не наше дело.

– Не справился? – вернула ее к теме Грета.

– Как видишь. Силы рода в нем было мало. Дигиталис лишь на одну восьмую.

– А я наполовину. Потому они ко мне тянутся?

– Нет, Грета. Не стал Зверь в этот раз возлагать надежды на полукровок. В тебе полная сила твоей матери. Оба ее родителя из рода Дигиталис. Она отдала ее. Для нее ведь была запечатана.

– Что?

– Твоя мать умерла, чтобы ты спасла магов, – строго сказала Трина. – Пока не расплатимся со Зверем, не будет нам покоя. Слишком долго он терпел нас. Это земля оборотней,

а не богов. Мы могли править, если сильнее, но издеваться над своими детьми Зверь никому не позволит.

Грета смотрела на нее во все глаза, пытаясь осознать, что на самом деле случилось.

– Мама не могла. Она покончила с собой, потому что...

– Потому что последняя чистая Дигиталис. И она жрица. Жрицы ограничены в магии, тебе это известно. Единственный путь – отдать силу. Думаешь, ты управляешь магией, потому что смирилась с болью. Нет, девочка. Ты просто сумела почувствовать силу своей матери. Пожиратель ничего не может сделать с отданной по доброй воле. Потому-то отбилась от войска лорда.

– Но шрам...

– Глупое последствие. Нельзя обойти зачарованную медь. Не строй из себя великую колдунью.

– Значит, все магия мамы, – тихо повторила Грета.

– Не отвлекайся. Зверь привел тебя на юг, ты его отчистила. Получила благословение. Теперь ты должна убить узников башни. Как видишь, тут целая книга, что с ними пытались уже сделать. Пока без толку. Как ты будешь их умерщвлять – твое дело. Но если не справишься, тебя ждет то же, что и короля. Магия уйдет. Ты зачахнешь.

– А если справлюсь?

– Поощаит Зверь род Триллиум. Этого достаточно?

– Хочу править, – твердо сказала Грета. – Вернуть магов на престол. Согласен ваш Зверь на это?

Трина замолчала, глаза закрыла и немного померкла, словно не была здесь, растворилась в окружении.

– Зверь согласен.

– Отлично, – коварно улыбнулась Грета. – За такую награду пообщаться с зубастыми безумцами не страшно.

Трина исчезла, и только тогда Грета поняла, насколько сильно измотана. Подумать только, за один день успела прогнать продажных женщин, поругаться с Верном, узнать дела бывшего короля, страшную тайну магов и башни, почему погибла мать и что ей нужно сделать, чтобы получить не только свободу, но и власть в королевстве.

– Да уж, – зевнула Грета. – Надо бы поесть. И поспать.

Она посмотрела на выход. В ее комнату наверняка уже подняли ужин. Но возвращаться Грета не хотела. Единственное, что ей было нужно – спрятаться. Скрыться от слуг, фрейлин. Но самое главное – от Верна.

– Вначале поспать, – решила она.

Она покосилась на большой сундук в углу комнаты, нашла в нем старый королевский плащ и, свернувшись на этом же сундуке, быстро заснула.

Когда просыпалась, поймала себя на мысли, что жесткий сундук с тьмой каких-то кованых штукovin – что изводили ее полночи – вдруг стал весьма и весьма удобен и даже широк. Нет, не так. Не просто широк. Сундук был огромен. Грета открыла глаза и подпрыгнула от ужаса.

– Королевская спальня! Ох, черт!

– О, ты проснулась. Доброе утро. Хотя уже день.

Верн сидел за столом и что-то писал, но, услышав ее чертыхания, развернулся. Столкнувшись с кошачьими глазами, Грета поспешила сесть и по шею натянуть на себя одеяло.

– Какого... Что я здесь делаю?! Что ты со мной делаешь?! Окуриваешь чем-то, пока сплю? Как ты...

– Грета, успокойся, – спокойно сказал Верн и вернулся к своим записям. – Видимо, магия отнимает у тебя много сил, и ты крепко спишь. А твое тело, как я уже говорил, прекрасно ко мне относится.

– Неправда, – возмутилась Грета.

Только хмыкнул и продолжил что-то писать.

– А вот обязательно меня раздевать?

– Мне нравится твое тело. Ты красиво смотришься на кровати. Без одежды.

По спине побежали мурашки. От его наглости, причем сказанной так спокойно, на Грету накатило негодование, стыд и желание сбежать.

– Ну что ты? – Верн опять развернулся. – Хочешь, я тоже разденусь, чтобы мы были квиты?

– Не смей!

Он захохотал, а Грета еще больше закуталась. Теперь из-под одеяла торчали лишь ее глаза, в которых не было ничего, кроме паники.

– Развратник.

– Я твой муж. И перед лицом старейшины в молебной ро-

ще обещал заботиться о тебе. Перенести жену с сундука на удобную кровать, как по мне – забота. Ты так не думаешь?

– Сорочка тут при чем? Она вполне удобная.

– Это мне награда. За заботу, – хитро улыбнулся Верн.

– Отвернись, – сказала Грета, собираясь надеть лежащую на столике накидку.

– Не хочу.

Грета начала перебираться по кровати в коконе из одеяла, надеясь таким странным способом добраться до одежды.

– А что, если я ее выброшу? – спросил Верн, подойдя к накидке.

– Прокляну!

– Хм. Ничего нового.

Он сел на кровать прямо на пути у Греты и широко улыбнулся.

– Ты даже не представляешь, насколько хорошо я тебя чувствую. Раньше думал, что это мое помешательство. Но ты тоже как никто другой во мне разбираешься. Потому мы так мастерски делаем друг другу больно.

– Какой вздор, – Грета попыталась его обползти. – Уйди! Ты мне мешаешь.

– Грета, перестань. Ты слишком напряжена. Пока спала там, на своем сундуке, у тебя все конечности затекли. Отдай!

– Что? – растерялась Грета.

– Ноги давай!

Пока была в недоумении, он ловко притянул ее ноги себе

на колени и начал осторожно массировать стопы.

– Перестань! – пыталась отбиться Грета.

– Тише... Не буянь. Разве не чувствуешь, как окаменели.

Надо расслабить.

– Да иди ты, – буркнула Грета, решив, что все ее попытки вывернуться бесполезны.

Вначале Грете было не по себе. Сидит ее враг, ласково по стопам проходится. И так приятно, что остается только краснеть и под одеяло закапываться. Однако мало-помалу стыдливость растворилась в приятных ощущениях. Знал Верн толк в том, как растирать стопы женщинам. Эта мысль горечью прокатилась по сознанию. Ведь не знает она, как проводил все эти годы. С кем платья научился ловко расшнуровывать, почему на куртизанок внимания не обращал, не соблазнился. Неужели настолько пресыщен телами женскими?

“Гад! – ругнулась про себя Грета. – Развратный гад!”

Тем временем Верн совсем осмелел и перешел к щиколоткам, легко водил по ним, вызывая такие сладкие ощущения, что расслабилась под его лаской полностью. Прикосновения легкие, а такие действенные, закрыла глаза и растворилась в блаженных поглаживаниях. Даже не заметила, как пальцы его по икрам заскользили, потом и губы на щиколотках почувствовала. Накатила такая теплота, ни с чем не сравнимая. Сердце забилось быстро-быстро, что и дышать стала глубоко, и волна чего-то нового прокатилась по позвоночнику.

– Грета, – прошептал он, целуя ее колени.

– Верн, – ответила так же нежно и сама испугалась своего голоса. – Пусти!

Вырвалась. Под одеяло спряталась, смотрела на него ошалелыми глазами, проклиная свое тело предательское.

– Трусиха, – улыбнулся Верн и поднялся с кровати.

Подошел быстро к столу с бумагами, свернул пару листов и к дверям двинулся.

– Я уезжаю, – сказал он хрипло и прокашлялся. – На две недели. Можешь отдыхать и ни о чем не беспокоиться.

Открыл дверь и вышел, а Грета сидела под одеялом и себе не верила.

– Неужели я его не ненавижу?

Глава 14

Грета ехала верхом уже несколько часов, и ей это порядком надоело. Во-первых, она устала. Во-вторых, несмотря на то, что выехали они на рассвете, до полудня прибыть в лагерь Верна не успели, а потому палящее солнце изводило королеву похлеще скачки. В-третьих, ее бесил сам факт того, что Верн заставил тащиться на лошади, дополнительно приказав явиться к обеду, иначе голову с плеч.

– Зараза! – ругалась Грета. – Будто есть смысл в спешке? Просто поиздеваться. Специально ведь письмо в последний момент отправил.

– Не ворчите, Ваше Величество, – осторожно попросила ее Вива.

Придворная дама прекрасно знала, как Грета вспыльчива, едва разговор заходит о Верне. Но вынести грубость по отношению к самому королю не могла. Потому, словно шагая по тонкому льду, аккуратно сглаживала ругань молодой королевы. Понимая, что в целом та была права. Спешка действительно ни к чему. Но разве приказы обсуждаются?

– Долго еще? – крикнула Грета рыцарю, что сопровождал ее отряд и сейчас мчался впереди всех.

– Нет, Ваше Величество. В течение часа будем на месте.

– О, боги! Еще целый час, – взвыла Грета. – Зачем я вообще ему понадобилась?

– Как же, Ваше Величество? – удивилась фрейлина. – Рыцарский турнир не может проходить без королевы. По крайней мере, если она у короля есть. А вы есть. Без вас никак нельзя.

– Скука эти ваши турниры. Еще и оборотней будет за глаза и за уши. Надеюсь, что не доведется смотреть на поединки в зверином обличье.

– Нет, Ваше Величество. Не беспокойтесь. Такие уже давно запрещены. Оборотни в лике зверя не умеют останавливаться.

Примерно через полчаса отряд Греты обошел небольшой холм, и наконец показался королевский лагерь.

Место для турниров всегда выбирали хорошо просматриваемое. И чтобы воинам было где разгуляться, и чтобы шатры с гостями, лавочниками и кухней ловко распределялись. Не одними поединками сыт человек. Турниры – скорее церемониальный праздник-представление, где хочется вкусно покушать, а после тяжелого дня посидеть возле костра, послушать музыкантов, кое-кто и потанцевать умудрялся.

Вот и теперь Грета оценивала придирчивым взглядом качество подготовки события. Пахло вкусно, музыканты что-то там наигрывали вдали, а место для самих поединков и трибуны для знати оформили по всей строгости.

– Ваше Величество, – подъехал к ним молодой рыцарь – один из окружения Верна. – Король сказал сопроводить вас. Следуйте за мной.

Грета поспешила за парнем, не ожидая ничего хорошего. Она измотана и голодна, болтать с котом совсем не хотелось. А воевать — и подавно. Отдохнуть бы просто с дороги. Но нет. Уже что-то уготовил для нее оборотень.

Они проскакали через весь лагерь, миновали королевский шатер и двинулись куда-то в лес неподалеку. По извилистой тропе немного — и оказались возле озера, где рыцарь помог Грете спуститься с лошади, затем и вовсе исчез, оставив колдунью наедине с природой.

– Красиво, правда? – спросил Верн, появившийся у нее за спиной. – Устала? Я велел накрыть нам обед. Пойдем.

Взял ее за руку, но Грета не спешила следовать за ним.

– Ну? – улыбнулся он. – Неужели не голодна?

– Голодна. Только, Ваше Величество, я бы предпочла поест в своем шатре. А заодно пострадать из-за проклятой походной жизни.

– Пострадать?

– Я пыльная, потная и злая! И уверена, что полноценной ванны с горячей водой мне не дожидаться еще очень долго.

Верн не стал ничего отвечать на ее гневный порыв, просто перекинул через плечо и понес.

– Пусти! Отпусти меня! Что же ты за...

– Прекрати, – спокойно сказал он. – Для тебя же стараюсь.

В этот миг он прыгнул, и Грета сама не поняла, как очутилась в воде. В горячей воде. По пояс. Это было так неожиданно, что она с криками попыталась выбраться на сушу.

– Эй, ты чего? – спросил Верн, не ожидавший такой реакции. – Просто озеро. Успокойся, Грета.

Успокоилась. Действительно озеро. Точнее, часть озера, потому что они были в пещере, а еще вода отчего-то теплая.

– Горячие источники, – пояснил Верн. – Тут недалеко давным-давно молебная роща была. А сюда купаться ходили и лечиться заодно теплом Зверя. Ну что ты так смотришь? Лучше ведь, чем ванна?

– Ты окунул меня в воду в платье, – сердито ответила Грета.

– Снять?

– Нет!

– Так и думал, – тихо засмеялся он и принес припрятанную корзинку. – Тут твой обед. Опаздывать нехорошо, между прочим. А вот здесь, – он вытянул из-за большого камня узелок, – твоя одежда. Вернее, нижнее платье. Остальное чуть позже принесут. Вот теперь, – он указал на ее мокрую одежду, – можешь снять. Чтобы удобней было.

– И не подумаю при тебе раздеваться.

– Как хочешь.

Грета уже хотела возмутиться, но он вдруг ушел, оставив ее одну в пещере.

– И с чего такой вежливый? – тихо спросила Грета.

– Я заботливый! – крикнул издали Верн. – Не хочу больше с тобой ссориться. Это разрушительно. Будем дружить?

– Дружить, – повторила Грета и начала стаскивать с себя

тяжелое мокрое платье. – Опять какую-нибудь пакость задумал. Дружить...

Высвободилась и забралась поглубже в воду. Как приятно было в ней после долгой дороги.

Верна все так же не было, что удивительно. Думала, сейчас или подглядывать будет и говорить гадости, или ждет ее в воде нечто противное. Но ничего этого не было.

“Неужели действительно решил сделать мне приятное? Без подвоха. Просто позаботиться”.

Она подплыла ближе к берегу, убедилась, что нет нигде оборотня, и на камень выбравшись, оделась. В корзинке чего только не было. Сытно, вкусно, медовый напиток и фрукты с побережья. С аппетитом на угощение набросилась и по сторонам поглядывала.

– Ну и где же ты? – спросила она, убедившись, что одна совсем. – Верн!

– Да, маленькая, – оказался он за спиной, до смерти перепугав Грету. – Уже думал, не позовешь, – жадно обнимая, опалая поцелуями ключицы. – Как же я соскучился.

– Эй, – вырывалась Грета. – Пусти!

– Не пущу. Моя ты, – уткнулся в шею. – Дай хотя бы рядом побыть, раз взаимностью не отвечаешь. Немного. Просто подышать тобой.

Они сидели на большом камне пещерного озера, каждый думая о своем, но чувствуя, как колотятся сердца друг друга. У Верна — вначале быстро, а затем постепенно успокаива-

ьясь. У Греты — наоборот. Чем дольше она была в его руках, тем сильнее нарастало в ней непонятное волнение. И ведь не противно ей было, не страшно. Даже сбежать не хотелось. Но сердце все чаще стучало, жарко стало и душно, несмотря на то, что только из воды выбралась.

– Отпусти, – тихо сказала Грета.

– Тебе ведь хорошо со мной.

– Нет.

– А как сделать, чтобы хорошо было?

– Отпусти.

Он расцепил руки и немного отодвинулся.

– Спасибо, – еще тише сказала Грета и поправила мокрое платье.

– Я тоже искупаюсь, – вяло сказал Верн и стянул рубашку через голову.

Грете стоило бы отвести глаза, но она почему-то не стала, что тут же было замечено. Верн нахально улыбнулся.

– Поможешь раздеться, женушка?

– Я не просто женушка, – решила не поддаваться на его вызов Грета. – Я королева. Я не прислуживаю.

– Только в этом причина?

Он встал и начал раздеваться перед ее носом, пришлось отвернуться. Услышала его хохот, а потом всплеск воды.

“Все. Нырнул”, – выдохнула Грета.

– Не уходи только, – крикнул из озера Верн. – Обещаю из воды не вылезать, чтобы не смущать мою скромницу.

– Ладно, – согласилась Грета.

Она поднялась с камня и, найдя принесенное слугой платье, зашла за валун неподалеку и начала одеваться.

– Помочь со шнуровкой? – спросил за ее спиной Верн.

– Ты обещал из воды не вылезать, – спокойно сказала Грета, а у самой руки задрожали так, что неясно было, как она в самом деле с платьем справится.

– Хорошо. Сейчас уйду, – прошептал ей на ухо Верн и потянул губами за мочку.

“Специально злит гад, чтобы развернулась!”

– Я жду.

– Чего? – игриво спросил Верн.

Он ловко собрал ее волосы и начал зашнуровывать платье.

– Вы тяжело дышите, Ваше Величество. Сильно затягивать не буду.

– Что?

– Что? Я про платье. Я вы?

– Пошел прочь!

Завязал последний узел и ушел. Вернулся в озеро, как ни в чем не бывало. А вот Грету трясло. Самое мерзкое — непонятно, от чего.

“Неправильно. Ох, как неправильно”, – думала колдунья, боясь нос показать из-за валуна, за которым пряталась. Решилась. Вышла осторожно, посмотрела, что Верн плавает далеко от берега, и призвала на помощь все свое хладнокровие. Вроде и поспокойней стала. Далеко оборотень. При же-

лании быстро из воды выберется, но зато не так хорошо тело видно. А голое тело его Грету волновало особенно.

– Не уходи, – вновь крикнул оборотень.

– Ты врун!

– Прости. Не сдержался. Больше так не буду.

Вдруг Верна утянуло в воду. Что-то забурлило в озере, рвался оборотень на поверхность, но не давала ему темная масса, которая в воде властвовала.

– Верн, – испуганно позвала Грета. – Верн! Ты разыгрываешь меня опять? Вылезай. Ты же... Боги, откуда?

Из воды поднялось чудовище из булыжников. Такие только сильные маги создавать могли. Живое существо брали и заколдовывали. Этот монстр, судя по всему, спрутом родился, а теперь стал каменной громадиной. Не обратился Верн, зажат в тисках, кое-как от ударов об стены пещеры уворачивался. Не справится с каменюкой оборотень, не для него противник.

Грета сама не поняла, как в ее руке лук оказался. То ли притянула откуда-то, то ли наколдовала. Выстрелила в единственный глаз монстра, потому что знала: только там вся магия его содержится. Рассыпалось чудовище с визгом пронзительным, а оборотень в воду упал и все не показывался.

– Верн, – позвала Грета.

Бросилась к воде, надеясь найти, а его не было нигде, только платье ноги путало.

– Верн! – крикнула Грета.

– Я здесь, – отозвался оборотень.

Сидел в воде, на один из камней оперевшись, смывал кровь с себя, осматривал.

“Кажется, цел. Вроде и руки, и ноги на месте”.

– Жив, – сказал Грета.

Он кивнул, а потом посмотрел на нее пронзительно.

– Ты спасла мне жизнь.

Грета ничего не ответила. Хотя он ведь не спрашивал. И не удивился. Не благодарил. Сказал, как есть. А Грета вдруг сама у себя спросила:

“Зачем? Вот зачем я выстрелила? Не справился бы с монстром оборотень. Стала бы вдовой. Уже к вечеру была бы свободна”.

– Спасибо.

– Катился бы ты к демонам! – разозлилась Грета и, выбравшись из воды, пошла прочь из пещеры.

“Значит, у Верна во врагах сильный маг затесался, – размышляла Грета во время турнира. – Магов лишь двое при дворе. Хотя не настолько сильные. Или нет? Даже не знаю. В любом случае, не стали бы подставляться. Зачем им это? Чудовище создали из спрута, они в море. И морские демоны лагерь неподалеку обустроили. Неужели у них маг есть? Откуда? И зачем так подло убивать Верна? Мы не воюем.

Скорее наоборот. Пытается подружиться с островами оборотень. Он и наемников их знает, с ними ведь королевство завоевывал. И почему же его решили убить?”

– О чем ты так напряженно думаешь? – спросил Верн, который сидел рядом.

– О том, что в такую жару сидеть целый день под солнцем – сплошное мучение, – ответила раздраженно Грета.

Раздражало причем ее не солнце, а сам Верн. До сих пор не могла себе ответить, зачем спасла. Дали ей боги шанс вы-свободиться, нет же, упустила. И что теперь? Так и будет всю жизнь к нему привязана. Туда не ходи, сюда не суйся, делай, что сказано. Надоест, голову отрубят, как обещал.

“Кукла с короной, – вспомнила Грета и зло покосилась на оборотня. – Ничего, ничего. Как-нибудь вырвусь. Главное, больше глупостью не заниматься и тебя не спасать”.

– Ну что ты так на меня смотришь? По мне, жара не велика. Навес неплохо от лучей защищает. А хочешь, распустим всех? К черту турнир. Пойдем купаться!

– Вы, Ваше Величество, перегрелись.

– О том и речь, – улыбнулся Верн.

– Ваше Величество, – неожиданно прервал их беседу оруженосец. – Делегация морских демонов прибыла.

– Викар с ними? – серьезно спросил Верн, и оруженосец кивнул. – Пусть его оборотни наслаждаются праздником. А Викара пригласите к нам.

Оруженосец поклонился и ушел, а Грета с интересом от-

метила изменившееся настроение Верна.

– И кто этот страшный Викар?

– С чего ты взяла, что он страшный?

Грета пожала плечами и улыбнулась. Впервые за прошедшие с покушения сутки ей стало любопытно и немного весело.

– Так кто такой этот Викар? – повторила Грета.

– Король островов.

– О-о. Королевства нет, а король имеется. Только вы, оборотни, так чудить умеете.

– В нем течет древняя кровь.

– Древней, чем твоя? – ехидно спросила Грета.

– Нет.

– Ладно. А то я уже подумала, ты сейчас перед страшным Викаром раскланиваться будешь. Зная вашу щепетильность в вопросах крови, я бы не удивилась такой хохме.

– Смотрю, жара вас больше не печалит.

– Вы, Ваше Величество, так мрачны, что в вашей тени мне стало гораздо лучше.

– Вы, Ваше Величество, тогда ни в коем случае не забывайте, что там, в моей тени, вам и место.

Грета, может, и сказала бы в ответ какую-нибудь колкость, но заметила, как к ним приближаются морские оборотни.

Викара было видно издалека. Высокий скуластый мужчина старше их с Верном лет на пятнадцать, а может, и больше. Смоляные кудри его уже потихоньку начали серебрить-

ся. Однако возраст явно не мешал оборотню оставаться одним из самых сильных. А может, и самым сильным среди своих приближенных. Явно ведь тройка воинов, окружавшая его, не случайные люди. Но мощь такая от главного исходила, что глаз не отвести. Этому королю точно не требовались ни корона, ни особое украшательство. Кровь Зверя с расстояния чувствовалась, как чувствовалась и неутолимая жажда владельца. Одно было непонятно Грете – какая. Власти, богатства, славы? Хотя подобное слишком банально для такого мужчины. Нечто другое – дикое и голодное – в глазах его жило. То, от чего и спрятаться хочется, и приблизиться, чтобы разгадать загадку звериную.

– Ваше Величество, – вначале поклонился Викар Грете.

Голос у него низкий, медовый, с такой обольстительной интонацией, век не подумать, что дикий зверь этот голос имеет. Демон страшный, которым детей пугают, и самые сильные мужи королевства побоялись бы на поединок вызвать.

“Или не побоялись бы? Хотя это ведь оборотни с островов. Не был бы силен, сами советники утопили бы, не моргнув глазом”.

Тем временем Верну Викар не поклонился. Смотрели друг на друга мужчины. Изучали.

“Все-таки готовимся мы к войне с островами, – думала Грета. – Турнир для знакомства затеял муженек. А зачем покушение еще до встречи? Решить, стоит ли тратить время на

молодого оборотня?”

Короли обменялись холодными любезностями, хотя, судя по всему, каждый, что нужно, для себя увидел и что-то в голове своей решил. Беседа была вялой и пресной. А потому Грета подключилась.

– Люди слагают легенды о военном мастерстве оборотней с островов. Сможем ли мы насладиться поединком вашего рыцаря с нашим?

– Конечно, Ваше Величество, – широко улыбнулся Викар. – Только ради вашего лучшего рыцаря я сюда и явился.

– Неужели? – удивилась Грета. – И кто та звезда, что привлекла ваше внимание?

– Огненный медведь.

Грета не поняла, о ком речь, но судя по выражению лица Верна, возможность поединка с этим “медведем” ему не нравится.

– Он не выступает, – сухо ответил Верн.

– Отчего же?

– Как вы верно подметили, он самый лучший. Для него нет подходящего противника.

– Вы ошибаетесь, – сказал Викар и посмотрел на Грету. – Быть может, королева решит?

– О, я могу.

– Нет. Королева, как и любая женщина, не разбирается в турнирах. Разве можно доверить ей выбор, кому сражаться?

– Но в вашей стране выбор за тем, сражаться или нет, от-

дан юнцу, что захватил власть по случайности. Не велико отличие от женщины.

Верн помрачнел, а Викар нагло улыбался.

– О, я вам даже больше скажу, – кокетливо засмеялась Грета. – Основные проблемы этот юнец и получил от женщины. Одной-единственной. Той самой, к слову, что на побережье, на котором вы, морские демоны, сотни лет находиться не могли, всех призраков уничтожила. Хм.

Теперь уже Викар смотрел на нее изучающе, явно что-то там решая.

– Мне стоит вас поблагодарить за это. Приезжайте в наш лагерь. Познакомимся поближе.

– Грета моя жена. Не забываетесь.

– Разве я предложил что-то неприличное?

– Как только супруг мой перестанет во мне нуждаться, я обязательно появлюсь у вас с визитом.

– Ваш супруг, – посмотрел в глаза Грете Верн, – никогда не перестанет в вас нуждаться.

– Какая идиллия. У меня с королевой такого нет. А впрочем, хоть в чем-то вы должны быть сильны.

– При всем уважении, Ваше Величество, – обратилась Грета к Викару, – не стоит оценивать силу нашего королевства по возрасту правителя. Как говорит Зверь: не суди по внешности того, в ком кровь моя плещется.

– Юг почти не заселен. Нет никаких укреплений, кроме старого бесполезного замка. А у меня опытная армия и флот,

который без труда доставит ее на берег. Вы нам не соперники, – напрямую ответил Викар.

– Ну, это как посмотреть, – ответила с той же прямоотой Грета. – Морские ветры так коварны и с такой легкостью поддаются магии.

– Всем известно, в королевстве не осталось настолько сильных магов.

– А вы на моей шее пожиратель не видите? – коварно улыбнулась Грета и оттянула бусы. – Мой хозяин рядом сидит, спустит с цепи, и пойдут ко дну ваши кораблики.

Все молчали, и Грета совсем не знала, хорошо это или плохо.

– Так что насчет поединка? – переключился на Верна Викар. – Увидим мы сегодня искусство Огненного медведя?

– В “Книге турниров” сказано, что зачинщик и защитник должны соответствовать друг другу по крови. Есть у вас рыцарь из настолько древней семьи? – апатично спросил Верн.

– Есть, – он обернулся к трибунам. – Мы вызываем на поединок Огненного медведя. От имени оборотней островов сражаться будет рыцарь де Фиенн, – толпе явно понравилась такая перспектива, а Викар вернулся к Грете и еще раз поклонился: – Был рад с вами познакомиться.

Островитяне довольно быстро ушли, а Грета все размышляла, что это за рыцарь со странной приставкой “де”. Оборотни так себя не зовут.

– Хозяин? – переспросил Верн.

– Не буду же я этим оболтусам рассказывать про наши особенные чувства друг к другу.

– Чувства друг к другу...

Грета посмотрела на него с раздражением.

– Кто такой Огненный медведь?

– Оберон.

– Что?!

– Грета, давай потом. Меня беспокоит этот поединок.

– Почему? Оберон прекрасный рыцарь. Уверена, не проиграет. Я вообще удивилась, когда узнала, что он не участвует. А теперь есть повод насладиться. Так редко его вижу, еще реже мы с ним разговариваем. Я скучаю.

– Ты это специально сейчас делаешь, – со злостью сказал Верн.

– Что?

– Пытаешься заставить меня ревновать. Заступилась перед Викаром, а теперь, чтобы не подумал, будто ко мне хорошо относишься, рассказываешь, как тебе симпатичен Оберон. Думаешь, раз он самый близкий для меня человек, вся моя семья, мне будет больно. Зря, Грета. Зря. Я никогда не буду ревновать тебя к Оберону.

– Хм. Вообще-то нет, – спокойно сказала Грета. – Мне он действительно нравится.

К королевской трибуне подъехал сам виновник разногласий – Оберон – широко улыбаясь, поздоровался.

– А мы с Его Величеством как раз обсуждали, насколько

я по вас соскучилась, – улыбнулась в ответ Грета. – Совсем забыли свою королеву. Жаль, ведь с вами так приятно беседовать. Обещайте мне, что обязательно пообедаете со мной, как только закончится этот занудный турнир.

– Обещаю, моя королева.

– Когда одержите победу, я одарю вас поцелуем.

Оберон смотрел на нее с нежностью и медлил, а потом учтиво поклонился.

– Вашего цветка будет достаточно.

Оберон отъехал, а Верн, еле сдерживаясь, сказал:

– Грета, прекрати.

– Я еще даже ничего не начала.

– Рыцари де Фиенн. Сигват и Оберон! – объявил герольд.

– В смысле “рыцари де Фиенн”?

И тут она увидела Сигвата. Смотрела на него не моргая и все равно не могла поверить, что увиденное — не обман зрения.

– Боги, да они одинаковые! – изумилась Грета.

– Это потому, что они родня, – сказал Верн.

– Кузены?

– По вертикали родня.

Грета нахмурилась. Она совсем не понимала, что имеет в виду Верн, и это раздражало. Поединок начался и сразу закончился. Сигват, несмотря на всю одинаковость со своим родственником, с первого удара повалился на землю, чем вызвал шквал унижений и хохота на трибуне морских демо-

нов. Отчего проигравший рыцарь быстро скрылся в толпе, подальше от островитян. Оберон тем временем тоже куда-то делся, и не подумав забрать у нее цветок.

“Все как-то неправильно”, – подумала Грета.

– Вот этого я и боялся, – задумчиво произнес Верн.

– Может, введешь в курс дела?

– Тебя не должны интересовать разборки оборотней.

– Да и к черту оборотней, – снисходительно ответила Грета. – Но вот родственники Оберона меня очень и очень интересуют.

– Тогда у него и поинтересуйся.

– Разрешаете? – хитро прищурилась Грета. – Я пойду.

– Грета, это бесполезно.

– Думаешь, он настолько тебе верен? Или, – она задумалась, – ему симпатичны мальчишки? Так мы в это поиграем. Грудь у меня не велика, можно перетянуть. Переоденусь маленьким пажом, волосы остригу, думаю, ради такого дела можно и пожертвовать. Думаешь, не соблазню твоего советника?

– Врешь! Не нужен он тебе.

– Это ты себе врешь, котик. Оберон идеален. Оказывается, и семья древняя. Чем не пара для Триллиум? Если бы я не была замужем, то приложила бы все усилия, чтобы быть с ним. Жаль, что он твой советник. Жаль, что не поторопилась влюбиться в себя, когда он приехал на юг. Теперь время упущено, как и моя счастливая семейная жизнь с мужем, кото-

рого я сама выбрала, который никогда не относился ко мне плохо, никогда не оскорблял и не делал больно. Ты знаешь, Верн, если бы я овдовела, то обязательно вышла бы за Оберона. Хотя... Почему же “если”? Вернее сказать “когда”. Когда я овдовею, я буду с Обероном.

– Нет. Не будешь.

Верн повернулся к герольду, что стоял неподалеку, и сказал ледяным голосом:

– Турнир окончен.

Обратился лигром и умчался в неизвестном направлении.

Глава 15

Грета нашла Оберона на берегу озера. Он сидел на поваленном дереве и выглядел подавленным. Спросив, не помещает ли компания, Грета получила разрешение скрасить его одиночество. И лишь когда охрана удалилась, присела рядом.

– Вы забыли свой цветок, – протянула она розу.

Оберон обворожительно улыбнулся, и Грете показалось, что хмурость его прошла. Вновь перед ней рыцарь, покоряющий своим обаянием.

– Простите, – ответил он. – Как грубо с моей стороны пренебречь вашим подарком.

– Позвольте вдеть розу...

– Это лишнее, – перебил ее Оберон и забрал цветок. – Благодарю, моя королева.

Они молча смотрели на сверкающее в лучах летнего солнца озеро и наслаждались компанией друг друга. Говорить было о чем, но гораздо приятней просто помолчать, сидя рядом на старом дереве.

– Вы обещали рассказать мне про свою родину, – решилась Грета. – Подходящее сейчас время и место?

– Вполне.

– В таком случае, я готова вас выслушать.

– Это скучная сказка. Вы не голодны?

– Нисколечко, – улыбнулась Грета и развернулась к нему, подмяв под себя ноги.

Оберон тоже развернулся к Грете и вставил ей в волосы розу. Простой жест бы таким неожиданным и милым, что она растерялась.

– Это ведь моя роза, – улыбнулся Оберон. – Я хочу восторгаться ею в ваших волосах. Люблю цветы. Они – дыхание жизни. Как и вы. Грета, в вас столько жизни. Зачем же вы тратите ее на меня?

– Не стоит?

– Рядом с вами пылает прекрасный мужчина. Он вас любит. А вы сидите здесь со мной и просите рассказать глупую сказку. Бессмыслица.

– А вы расскажите. Со смыслом я сама определяюсь.

– Что ж... Тогда слушайте. Оборотни пришли с запада. Далеко отсюда земля наша – Междуречье. Сейчас совершенно заброшена. Заросла лесами, заселилась зверями дикими. Но когда-то это было воистину великое государство. С могучими правителями. Огромной силы.

– И что произошло?

– Зверя разгневали. Не все, конечно. Вы ведь знаете, что оборотни с островов отличаются жестокостью. Вот и в Междуречье так же было. Слишком жестокими стали главные семьи. Слишком много воевали, не жалели ни чужаков, ни собственных подданных. И тогда Зверь пришел к королю и сказал: последний у него шанс вернуть народ свой к вере истин-

ной. Только король не послушался.

– Почему?

– Отказаться ему нужно было от власти. Только от власти отказаться очень сложно.

– То есть Зверь решил назначить нового короля? Король магов, думаю, тоже бы взбунтовался, – ухмыльнулась Грета.

– Не нового. Было сказано: “И родятся у тебя три медвежонка. В тот же день поставь их у трона. Собери из каждого рода по представителю и решайте все на равных. Принцы вырастут, будут в Междуречье три великих правителя”. Когда свершилось это – родилось три принца – король отнес корзинку с детьми в молебную рощу и сказал, чтобы Зверь забирал себе “великих правителей”. В тот день Зверь выбрал семью, что поведет на новую землю, и они ушли на восток. Самые верные основали Флидабург, сомневающиеся расползлись по всему краю.

– А что стало с Междуречьем?

– Зверь его сжег.

– А что стало с принцами?

Оберон странно улыбнулся.

– Младенцы не выживают в лесу, Грета.

– Это не глупая сказка, – нахмурилась она. – Это страшная сказка.

– Пожалуй, что так, – кивнул Оберон и долго смотрел на озеро.

Прерывать его молчание не хотелось. А спросить хотелось

так много.

– Оберон, – решила все-таки Грета. – Мне не нужен Верн. Он говорит, что меня любит, но мне он не нужен. И мне совершенно не важно, насколько он хороший король. Я не могу любить его за то, что он король. Не могу.

– Мне кажется, вы лукавите, – спокойно сказал Оберон. – Если бы видели в нем короля, не вели себя так... Но если настаиваете, то попробуйте увидеть в нем не короля. Мужчину, например.

– Это не поможет.

– Вы пробовали?

– Не хочу. Я вас хочу.

Оберон смотрел на нее так ласково, что Грета была уверена, что вот сейчас, именно сейчас, он ее поцелует. Но вместо этого ее рыцарь сказал с грустью:

– Для Верна я – напоминание о великом прошлом. Для вас – мечта о прекрасном будущем. Но я – лишь призрак.

– Что вы такое говорите?

– Я – призрак, Грета. Я – один из тех трех принцев. Меня не существует. Я – лишь привидение. Великое, вечное, но бестелесное. То, что вы видите – иллюзия. Каким я мог бы быть, если бы я был.

Грета смотрела на него и не могла вымолвить и слова.

– К телу нельзя прикасаться лишь потому, что иллюзия моего существования разрушится. Как рухнет любое средоточие магии, стоит только осквернить ее рукой смертного.

Зверь дал нам, принцам, всю силу сожженных в Междуречье молебных рощ. Мы можем многое, но жизнь нам недоступна. Умереть я тоже не могу. Только раствориться в земле, лесах, реках. Магия вернется туда, откуда пришла, забрав остатки меня с собой.

– Этого не может быть, – чуть дыша проговорила Грета.

– Такой вот конец у сказки.

И вдруг Грета расплакалась.

– Ну что вы, в самом деле? – виновато улыбнулся Оберон. – Не стоит проливать по мне слез. Какая глупость. Какое непростительное расточительство времени рядом с вами.

Оберон осторожно придвинулся и еще осторожней обнял.

– Только, пожалуйста, Грета, не делайте резких движений, – шепотом попросил он.

– Зачем вы рискуете?

– Потому что вы мне дороги. И вы плачете.

Грета сидела, свернувшись клубочком, чтобы ни в коем случае не задеть шею или подбородок Оберона. Хотя он был значительно выше, ей все равно казалось, что необходимо занимать как можно меньше места. Уткнулась носом в его грудь и тихо хныкала, обогретая теплом магии, укрытая рыцарским плащом.

– Грета, – тихо сказал Оберон, – попробуйте полюбить короля. Знаю, знаю. Не злитесь. С ним тяжело. Много он делает, не подумав. Но он так молод, а вы, простите, умеете доставлять неприятности. Вы когда-нибудь думали, что бы

случилось, если бы тогда вышли за него замуж? Тогда, когда мы подошли к столице. Он ведь и в мыслях не держал обидеть вас. Думал, что вы все такая же милая девочка. Такая, какой вас помнил. А вы выросли.

– И возненавидел меня оборотень.

– Если бы.

Грета выбралась из-под плаща и вытерла слезы.

– Не надо расхваливать мне Верна. С тех пор как появился, от него одни беды. Он мне не нужен.

Она встала. Отряхнула платье и, поклонившись Оберону, ушла.

Он еще долго сидел и раздумывал, как сладко и как тяжело было услышать от нее: “Я вас хочу”.

– Зато теперь все на своих местах. Она будет с Верном, а я буду рядом с ней. Просто оберегать свою...

– Каково это? – оторвал его от размышлений мужской голос.

Оберон развернулся и встретился взглядом со своим дальним родственником. Тот самый рыцарь Сигват стоял неподалеку и его рассматривал.

– Что именно? – спросил Оберон.

– Жить вот так.

– Сложно назвать это словом “жить”, – улыбнулся Оберон. – Я просто исполняю свой долг.

– И в чем он?

– Я служу Зверю. Он направил меня научить маленького

принца всему, что потребуется, а потом помочь взойти на трон.

– Так он вроде уже. На троне.

– Хм. Верно, – Оберон отвернулся к озеру. – А каково это? Быть изгоем.

– Погано.

– Я слышал, те, кто остался от нашей семьи, живут отшельниками. Ты должен был тоже. Почему приехал с Викаром?

– Те, кто остался от нашей семьи – это я. Зверь говорит с тобой? Не рассказывает, почему он ничем не помогает нам? Почему столько веков мы только и делаем, что пытаемся выжить?

– Что-то ты злой, Сигват, – вздохнул Оберон. – Напряженный.

– Жизнь такая, – он подошел ближе. – Я пошел вновь к оборотням, чтобы вернуть славу нашей семье. Я хотел победить Викара. Стать королем.

– Как успехи?

– Вначале мне нужно доказать, что я достоин. Викар сказал, что примет мой вызов, только если я сброшу с седла Огненного медведя.

– Хм. Но меня нельзя победить. Это все равно что пытаться победить ветер или реку. Неужели оборотни с островов так глупы?

– Оборотни с островов беспрекословно подчиняются Ви-

кару. Ты даже не представляешь, насколько он... безжалостный. Насколько все плохо на островах.

– А тебе какое до этого дело? Сидел бы себе... Где вы там живете? На острове Серебряных водопадов. Вас никто особо не трогал. Не любили, да. Но жили как-то столько веков. Почему ты вдруг решился на бунт? Только потому, что последний? Но Зверь выбрал уничтожение нашей семьи еще в Междуречье. Чудо, что мы все еще существуем. О какой помощи ты говоришь? Смирись и доживай свой век в затворничестве.

– Говоришь, как Викар. Как все они, – оскалился Сигват. – А я в чем виноват?

Оберон пожал плечами и спросил.

– Что ты от меня хочешь?

– Еще один поединок. Мне нужно тебя победить.

– Нет.

Сигват посмотрел по сторонам и, убедившись, что они одни, тихо сказал:

– Я не последний. У меня есть сын. Но я не женат. Не повел невесту в молебную рощу, чтобы дети не получили моего имени. Такой вот я трус. Тебе ведь известно, что Викар перебил моих братьев. Меня оставил для потехи. Я всегда был болезненным ребенком. На мне удобно показывать, как слаб проклятый род де Фиенн.

Оберон снова посмотрел на рыцаря.

– Где твой бастард?

– Я не знаю. Когда он родился, к нам пришли маг и оборотень. Маг сказал, что Викар все узнал и выслал убийц. Что мои жена и сын не доживут до рассвета. Он увел их, и я не имею представления, куда. Оберон, – рыцарь подошел ближе. – Зверь не помогал нашей семье, никогда не отзывался, но я чувствую, что тот маг не просто так пришел к нам. Я хочу все вернуть. Хочу дать детям свое имя. Хочу, чтобы наши оборотни жили не хуже, чем в вашем королевстве. Прими мой вызов! Мне нужен поединок с Викаром!

Вокруг Оберона поднялось пламя. Да и сам он словно из огня создан был.

– Викар — не для тебя противник, – сказало пламя бархатно. – Не тебе воевать с ним.

– Зверь? – отшатнулся Сигват и упал на колени.

– Ты прав. Это я забрал твоего сына. Мне понравился этот мальчик. Посмотрим, каким он вырастет. А вырастет ли? Все зависит от тебя. Возвращайся на острова и будь правителем.

– Как же я буду править, если королем все Викара считают?

– Забудь про него. Викар никогда не вернется домой. Если возможность эту упустишь, умрете оба — и ты, и мальчишка.

Грета была опустошена. Брела по лагерю, не желая воз-

вращаться к себе и не зная, куда пойти. Никто ее не ждал. Никому не нужна. Только и остается, что болтаться между шатрами и убивать время. Хотя больше всего хотелось убить Верна.

– Все из-за него, – бормотала Грета. – Не вернулся бы, я никогда не узнала бы Оберона. А так? Мужчина, который мне так нужен, никогда меня не коснется. Зато с радостью станет нянькой и будет осыпать мудростями. Кого с полной отдачей любить, как правильной смириться.

– Ваше Величество, – подошла как можно ближе Вива, которая уже некоторое время молчаливо сопровождала Грету. – Вы говорите вслух опасные вещи.

– Плевать! – повернулась к ней Грета. – Что? Вы думаете, кто-то все еще не догадался, что мы с королем только и делаем, что грыземся?!

– Не кричите, Ваше Величество. Это неприлично.

– К черту приличия! Наш брак — ошибка!

Только в наступившей тишине Грета поняла, что на них все смотрят. И вроде позлорадствовать должна – унизила Верна, – а вместо этого мерзко себя чувствовала, так стыдно стало, что спрятаться захотелось, лишь бы не видеть взгляды то ли смущенные, то ли осуждающие. Грета резко развернулась и побежала. Едва поспевала за ней охрана, а фрейлина так и не догнала. Придворная дама – уже не девочка между лавками бегать.

Грета ворвалась в свой шатер, отпустив сопровождение.

Села на кучу подушек, заботливо разложенных на ее постели, и задумалась:

“Почему мне не все равно? Опозорить Верна перед подданными, это ли не сладкая месть? А мне так тошно”.

В шатер влетел соловей.

– Фелан? Ты-то здесь откуда?

Птица приземлилась ей на руку и разлетелась, превратившись в письмо:

“Ваш попутчик с юга ждет в лечебной пещере. Горячая вода не терпит пышных платьев”.

– О, узнаю графа. Что не так с платьем?

Грета встала и начала расхаживать.

“Попутчик с юга – это Агвид. Скорее всего. Больше никому. Лечебная пещера, должно быть та, где мы с Верном купались. Точно! Скажу, что решила искупаться, и охрана останется у входа. При чем тут платье? Намекает, что нужно надеть что-то не пышное. Хорошо, старая ты шельма. Поищу что-нибудь”.

Покопалась в своих вещах. Ничего подходящего не нашла. Вызвала Виву. Та странно на нее косилась.

“Неужели злится на меня журавль? Обидела короля ее любимого. Тоже мне”.

– Мне нужна одежда пажа, – заявила Грета, а у фрейлины глаза округлились. – Купаться пойду. Неудобно в пещере в этих платьях ходить.

– Хорошо, Ваше Величество. Хотя, вам бы лучше мужа

дождаться. Нехорошо одной плавать. Я, конечно, неподалеку буду...

– Мужа как раз там и дождусь, – пришла в голову гениальная мысль Грете. – Мы с ним договорились. Он скоро, – запнулась, придумывая историю, – дела свои закончит и в пещеру пойдет. Поплавать. Любит Его Величество плавать после тяжелого дня. Вам ведь известно это? Подожду его. Нарядом удивлю. Сами ведь говорили, что мужа удивлять надо. В том числе платьями неприличными. На развратные я пока не готова, а вот чулки, думаю, Его Величеству понравятся.

– Понравятся, – с сомнением повторила фрейлина. Чудит королева, но ее это не касается. – Сейчас принесу нужное платье, Ваше Величество. Одно только меня смущает.

– Что именно?

– Как вы в таком виде до пещеры пойдете? Нехорошо.

– Давай тогда из меня мальчика делай, – с задором сказала Грета. – Чтобы не привлекать внимание. В пещеру с тобой вдвоем пойдём. Сделаю Его Величеству сюрприз. А охрану заранее возле входа поставь.

Вива еще раз с недоверием взглянула на королеву, но спорить не стала. Поклонилась и вскоре вернулась с нужным платьем. Затянула королеву, волосы убрала. На мальчика все равно не похожа. Слишком милостивый.

– В темноте никто не разберет, – разглядывала себя в зеркале Грета, – быстро дойдем. У входа можешь меня не ждать. Его Величество сам до шатра сопроводит, – лукаво улыбну-

лась Грета.

Вранье ей все больше нравилось. Фрейлина вопросов никаких не задает, искренне веря, что нельзя в близкие отношения супругов лезть. К тому же главным желанием журавля было свести их с Верном, а потому и обманывалась с такой легкостью.

“Хоть что-то мне на руку”, – подумала Грета.

До пещеры добрались без сложностей. Грета отпустила фрейлину и осмотрелась. Солнце уже зашло, и вход не освещал озеро. Вода подсвечивалась лишь несколькими факелами. Вспомнила, как вылезло из воды чудовище, отмахнулась от мысли, что подставили ее. Фелан не мог. Он бы никогда. Самый верный слуга ее отца.

– Ты долго, – вышел из темноты Агвид. – Пойдем.

Он зашел в воду, а Грета соображала, куда это “пойдем”.

– Ну? Чего стоишь, дуреха? Времени не много. Топай за мной.

– О, как я скучала по твоим изысканным обращениям, – съязвила Грета и зашла в воду. – Фелан на дне прячется?

– Проход там сделан, – ответил оборотень. – Не отставай! – и нырнул.

– Отлично! Просто замечательно!

Грета покосилась на выход, а потом нырнула следом за оборотнем. В темноте ничего не разобрать, потеряла она его. Куда плыть — не ясно и жутко под водой так, что вылезти захотелось. Вдруг схватил кто-то за руку, Грета хотела за-

кричать, но рот ей зажали и вверх потянули. Несколько раз дернулась, смотрит — уже на суше оказалась. Рядом Агвид стоит злой, как черт.

– Ты, дура, чего дерешься? Знаешь, как тяжело на себе баб под водой таскать? А ты брыкаешься. Палец еще прокусила.

– Сам дурак! Предупреждать же надо. Схватил под водой, я испугалась.

– А кто еще мог тебя под водой схватить? – возмутился оборотень.

– Кто? На днях в этой пещере монстр магов был, – поняла, что не знал об этом наемник и добавила: – Из спрута сделанный. Ваши оборотни постарались. Больше некому.

– Пожалуй, – задумался Агвид.

– Где Фелан? – спросила Грета, осматриваясь.

Она сидела на песке рядом с небольшим колодцем, из которого ее оборотень вытянул. Дыра в земле, судя по виду, магией сделала.

“Фелан, что ли? Хотя нет. Для его силы тут месяц надо стоять молиться. И края старые. Давно ход наколдовали. Верн об этом не знал, получается. А островитяне знали. Через ход спрута и запустили. Значит, есть у них маг сильный. Кто-то из придворных бывших. Только кто?”

– Здравствуйте, леди, – вышел из темноты граф. – Сколько лет не виделись.

– И столько бы тебя не видеть, – поднялась с земли Грета. – Укатил тогда — и поминай как звали. А я первое время

думала, явишься. Расскажешь, что делать с городом. Как не позволить Верну его захватить. А ты сбежал!

– Простите, леди. Но вы вроде неплохо и без меня справились.

– Неплохо? Столица захвачена! Это, по-твоему, “неплохо”?

Фелан улыбнулся. Грета сразу себя ребенком почувствовала. Он всегда ей так улыбался, когда на уроках говорила глупости.

– Простите, леди, – поклонился граф.

– Зачем ты здесь?

– Мне защита нужна. Покровительство Его Величества.

– Ах ты, плут. К нему иди, я тут при чем?

– К нему потом, – он еще раз улыбнулся. – Сюда пришел рассказать вам, куда меня лорд Триллиум отослал. Волю его последнюю. Возможно, с вами больше не встретимся.

Грета посерьезнела. Воспоминания об отце накатили, и тоска сердце сжала. Фелан. Ее дядюшка Фелан. Лучший учитель, отцовская тень и просто всегда и все на свете знающий маг. Как же на самом деле она по нему соскучилась.

– Герцог подозревал, что проиграет. Знал, что столице не выстоять. Потому отправил меня на острова наемников. Дал задание разузнать, что и как там у них изнутри. И если новый король, получилось, что это Верн, поведет себя не должным образом, заключить с ними мир.

– Можно подумать, островам нужен мир.

– Пообещать вас в жены. Вы стали бы королевой магов, а заодно представителем короля оборотней.

– Отец не мог, – нахмурилась Грета.

– О, вы прекрасно знаете, что мог, – ухмыльнулся Фелан. – Он написал письмо, где отдает вашу руку любому, кто поможет победить узурпатора. У магов не было денег, потому только вами можно было расплатиться за армию.

– Где это письмо?

– Я его сжег. Не переживайте.

– Почему?

– Потому что герцог сказал пустить его в дело, если король захватчик будет плох. А Верна в этом обвинить сложно.

Грета поморщилась. Ей уже надоело, что ката только и делают, что расхваливают. Вот и Фелан туда же.

– К тому же, вы теперь замужем. Своей семье не принадлежите.

– Спасибо, что напомнили.

– А разве это плохо? – удивился Фелан. – Вы и Верн с детства вместе. Идеальной союз придумать нельзя. За это его родители и умерли.

– За что?

– За то, что король видел в вас с Верном новую династию. Его-то иссякла. Да и все видели. Стейнмунн и Триллиум, которые друг в друге души не чают. Никаких перекосов во власти. На том собрании об этом и судачили. Как бы поженить вас и магов уговорить короля сменить на юную короле-

ву. Так и вышло.

– Что вышло? – закипала про себя Грета.

– Вы вместе правите. Королевство процветает. Маги не скрываются, хотя попервости боялись угнетения со стороны оборотней. Оборотни довольны, вернули себе титулы и землю. Традиции. Хорошо ведь все, Грета. Живи и радуйся.

– Благодарю, что разрешили, – ядовито ответила. – Это все? Ради вот этого ты меня сюда вызвал? Рассказать, как у меня сложилась жизнь замечательно? Что ж. Спасибо. Пора мне, дядюшка.

Она подошла к колодцу и поняла, что прыгать в темную воду ей безумно страшно.

– Грета, – сказал Фелан серьезно. – Поездка на острова изменила мою жизнь. А смерть герцога освободила от клятвы. Мой род больше не служит вашей семье. Но послушайте меня, как старого друга. Викар знает про вашу силу и захочет забрать себе. У него есть маг, потому будьте внимательны. Верн тоже в большой опасности: от него многое зависит. Вы должны беречь его.

– Я? Беречь Верна?

– Не злитесь. Это очень серьезно. Никому не поздоровится, если к власти придут морские оборотни.

– Не придут. Разве вы не знаете предсказание? Снимет дева проклятие с земли южной, морские демоны преклонятся перед королевой оборотней. Я – королева оборотней. Пусть Викар воюет с Верном. А я посмотрю.

– Предсказания не всегда сбываются, – вдруг сказал Агвид. – Если бы это было так, жили бы сейчас в Междуречье.

Грета посмотрела на него гневно.

– Не зыркай на меня, девчонка! Дура ты, если на слова надеешься.

– Может, и дура, – ответила Грета и вновь посмотрела в темный колодец. – Есть дорога в лагерь другая?

Оберон подошел к огромному дубу и посмотрел вверх. На ветках растянулся черный лигр и уныло смотрел на луну.

– Далеко забрался, – сказал Оберон, поднимаясь на дерево.

Когда залез на ветку неподалеку от Верна, лег на спину и закрыл глаза.

– Не стоит оставлять лагерь без короля. И одному бродить по лесам не стоит.

Верн фыркнул.

– Почему сбежал? Так далеко.

– Боялся, – ответил Верн. – За всех боялся.

– Хм.

– В тот миг я желал лишь разворотить все. Разорвать всех. Все разрушить. Все, что создал.

– Чего же ты сейчас желаешь, мой король? – спросил Оберон сонно.

– Избавиться от своей королевы.

– Хм. Этого достичь совсем несложно. Она принадлежит тебе. Можешь делать, что хочешь. Прикажи убить, и Греты не будет.

– Она не принадлежит мне. Как бы я ни убеждал себя в обратном. А смерть... Это не поможет от нее избавиться. Я не могу от нее избавиться. Я не могу представить, что когда-нибудь ее не будет. Нигде не будет.

Они лежали молча, каждый думал о чем-то своем, пока Верн вдруг не сказал:

– А она желает моей смерти. Думаю, стоит ей ее подарить.

– Это не спасет тебя, Верн. Смерть не избавляет от чувств. Ты просто станешь тоскливым привидением. Будешь следовать за ней, подсматривать, ловить каждое слово и утопать в шлейфе духов. Но не сможешь прикоснуться. Не запустишь пальцы в волосы. Не вытянешь из них ленту. Не дотронешься до теплой белой кожи и не поцелуешь ее плечи. Никогда.

Верн смотрел на него внимательно. Оберон сел и понял, что пора признаться.

– Я люблю Грету.

Видел, как кошачьи глаза сузились.

– Я не вернулся домой с братьями не потому, что хотел помогать тебе, а потому, что не могу ее покинуть.

– Ведьма!

– Она не ведьма. Она королева. Твоя и моя.

– Будь она проклята! Надеюсь, эту гадину демоны утащат

в свое логово!

– Тише, Верн, – попросил западник, почувствовав, как тревога колеблется в листве. – Будь осторожней со словами. Как бы не позабавился Зверь с глупыми пожеланиями.

Верн мотнул головой и отвернулся.

– Она любит тебя. Ты ее. А я вам мешаю.

– Мешаешь не ты, а несколько веков между нашими жизнями, – улыбнулся Оберон. – И не любит она меня. Я ей приятен. Грете одиноко, вот она и тянется ко мне, как к чему-то постоянному, понятному, безопасному. Ей ведь очень страшно. Загнал в угол своей любовью, еще удивляешься, что Грета кусается. А что ей остается?

Верн помолчал немного и спросил:

– А как мне стать постоянным, понятным, безопасным?

– Первое качество у тебя имеется. Постоянней твоей любви трудно что-то найти. С остальным сложнее.

Верн спрыгнул с дерева.

– Не пугай ее, – крикнул ему в спину Оберон. – Я тут останусь. Мне нужно о многом подумать.

Верн обернулся.

– Оберон. Ты вся моя семья. Спасибо за то, что всегда рядом. Без тебя у меня ничего бы не получилось.

– О, ты ошибаешься, – он опять разлегся на ветке. – Без меня маленький принц оборотней добрался до западных княжеств, скрываясь от ищеек. Без меня нашел путь в Междуречье. Без меня придумал, как вернуть королевство, не ис-

пользуя армию наемников. И много-много что ты сделал без меня, – Оберон закрыл глаза. – Поверь, ты совсем во мне не нуждаешься. Как и Грета. Потому... беги уже в лагерь. Не трать время на нудные размышления печального призрака.

Верн так и сделал. Помчался назад, хотел вернуться к ней.

“К черту все слова про Оберона! Просто хотела меня позлить. Не проведешь! Я тебя уже раскусил. Злишься на меня, герцогиня. Во всем обхожу. Верховодить не даю. Только когда бешусь, можешь себя сильной почувствовать. Глупая. Была бы ласкова, могла бы веревки из меня вить”.

Ближе к рассвету добежал до ее шатра, перевел дыхание, чтобы не разбудить и осторожно вошел. Греты не было. Верн растерянно посмотрел по сторонам и вышел. Обернувшись человеком, добрался до шатра фрейлин, старшая, Вива как раз проснулась и бойко раздавала указания служанкам.

– Доброе утро, Ваше Величество, — поклонилась фрейлина.

– Где королева? – грозно спросил Верн.

Фрейлина перестала улыбаться и растерянно спросила:

– Разве она не с вами? Простите, Ваше Величество, – склонилась придворная дама. – Мы отвели королеву в пещеру купаться. После заката. Она хотела дожидаться вас там. Вы не встретились?

По лицу короля фрейлина поняла, что не встретились, и сейчас ей стоит слиться с окружающей средой, желательно не дыша. Пара мгновений — и перепрыгнул ее лигр, рванул

в сторону горячих источников.

Когда добрался до пещеры, еле сдержался, чтобы на части не разорвать спящих охранников.

– Что думаете, королева все еще купается? – заорал он.

Солдаты засуетились, но Верну было не до того, он подбежал к озеру и прыгнул в воду. Нырять, пытаясь найти ее тело. Больше всего боялся, что найдет. Но Греты в воде не было.

– Не утонула, – выдохнул Верн, выбравшись на берег. – Где же эта bestия?!

Еще раз проверил. След Греты ведет к воде.

– Может, магией смела? – прошелся вдоль берега и вдруг почувствовал запах оборотня. – Мужчина?! – проследил. Запах тоже терялся в воде. – Что же вы тут устроили?

Вновь забрался в воду. Начал нырять, теперь уже не просто ища тело, а присматриваясь к камням. Вдруг нашел небольшое темное пространство, а в нем и ход куда-то. Вынырнул, вдохнул поглубже и поплыл, стараясь утихомирить в себе охотника, который напал на след добычи. Разорвет ее. Только доберется — точно растерзает. Вначале оборотня этого, а потом и Грету.

“Соберись, дурак! – вынырнул Верн из колодца. – Здесь еще и маг был. С кем это встречается моя женушка по ночам?”

Верн бросился по следу. И тут же понял, что маг почти сразу двинулся в противоположном направлении. Грета шла с оборотнем. Почти у самого лагеря они остановились, сто-

яли на месте, а потом и оборотень ушел. Одна Грета направилась в сторону шатров. След был такой свежий, что Верн понял: здесь она еще. В лесу. Недалеко ушла, расставшись с оборотнем.

Между деревьев полз утренний туман, подсвеченный розовым рассветом. Верн поднял голову и вдали увидел тонкую фигуру, петляющую среди стволов.

– Нашел, – оскалился Верн и зарычал, должно быть, очень громко.

Фигурка остановилась, а затем рванула в лес, закручивая легкую дымку тумана в плотное белое марево.

– Не уйдешь, Грета! – крикнул Верн. – Колдуй, ведьма! Тебе это не поможет!

Он бежал по следу, пусть и рассеянному ветром, все равно бежал, из-под земли ее достанет. Никакой туман от него не спрячет.

И вдруг запах исчез. Верн остановился. Совсем нет. Только туман сгущается.

– Быть не может. Хоть что-то должно остаться в воздухе, – заозирался Верн.

Стоял. Принюхивался. Прислушивался.

– Не учую, так сердце услышу твое, – крикнул Верн лесу. – От страха оно сильнее бьется. Бойся меня, Грета! Я ведь чудовище. Поймаю и съем маленькую девочку, которая без охраны гуляет в лесу.

Сделал небольшой круг и, кажется, что-то почувствовал. Дале-

кое размытое в воздухе, но свое.

– Моя ты, Грета. Всегда рядом буду.

Дерево скрипнуло, и в тот же миг девчонка с криком упала с дерева, с тем же криком поняла, что Верн ее перехватил.

– Поймал, – прижал к себе дрожащее тело. – Тише, малыш. Я ведь оборотень. Самый быстрый на свете.

Смотрел ей в глаза и поверить не мог, что нет в них ни льда, ни ненависти. Перепугана, что свалилась, и все.

– Такая тихая, – прошептал Верн и поцеловал нежно.

Грета не сопротивлялась, и он утонул в этом поцелуе. Прежде не давала она просто целовать. Сжималась, боролась так, что приходилось не ласкать, а красть. Не обнимать, а сдерживать. Сейчас же лежала Грета спокойно, руки свисали ровно, никак не противилась, а губы едва ли не вторили ему, мягкие и послушные. Верн осторожно опустился на траву. Одной рукой сдернул плащ и положил на него Грету, заметил одежду. Замер.

– Где платье? – осмотрел ее наряд и побагровел, а Грета отползла. – С кем ты провела эту ночь?!

– Не смотри так на меня.

– Где ты была?! – еле сдерживался Верн. – Кто этот оборотень? Кто маг?

– Маг – слуга моего отца. Оборотень – его слуга, – решила не врать Грета. – Граф поговорить хотел. Просто поговорить.

– Почему тайно? Я не против твоих встреч с магами. Можешь видаться с кем пожелаешь, – гнев стал отпускать обо-

ротня.

Грета пожала плечами.

– Кажется, он скрывается. Не от тебя, – предугадала его вопрос Грета, – но от кого, не знаю. Все эти годы был на островах, может, морских демонов избегает.

Верн хмурился.

– Одедась мальчиком, чтобы не утонуть в пещере, – опустила голову Грета.

– Почему с оборотнем на поляне стояли? Долго. Вы там были вдвоем.

Грета подняла глаза и сжалась вся под его взглядом.

– Попросила рассказать про род Оберона. Не злись, – нервничала Грета. – Но ты мне ничего не говорил, а я никак не могла понять, откуда появился этот рыцарь... И вообще. Почему все так странно у вас.

– Потомок принцессы де Фиенн. Когда Междуречье сгорело, она была на обучении в море. Затем там жили остатки королевского рода. Все считали их проклятыми. Никто не связывался, – бегло отчитался Верн.

– Да. Теперь и я знаю.

– Я сам удивился появлению этого Сигвата. Никогда де Фиенны со своего острова не вылезали. Да и черт с ними!

Верн притянул Грету к себе и вновь поцеловал. Удивился, натолкнувшись на напряжение в теле. Только что отвечала ему, теперь окаменела.

“Что происходит с девчонкой? Никогда мне не понять пе-

репады в настроении”.

Обнял крепче, соображая, как расшнуровать ее мальчишеское одеяние. Улыбнулся этому странному обстоятельству и положил Грету на плащ, тотчас получив отпор.

– Пусти! – уперлась в него руками. – Как ты смеешь?

– Как я смею? – сдали нервы у Верна. – Ты не сможешь всю жизнь меня отталкивать!

– С чего вдруг? Я всегда буду тебе отказывать. Не собираюсь быть твоей подстилкой.

Верн уперся лбом в ее плечо и тихо засмеялся.

– Ну, какая подстилка, глупая? Как тебе такие слова в голову приходят? – поднял голову и посмотрел в глаза. – Ты моя жена. Единственная. На всю жизнь.

– Ты меня на себе женил, – выбралась из-под него раскрасневшаяся Грета и направилась в сторону лагеря, прошептав призыв лошади. – Я не хотела.

– Когда это стало проблемой? – разозлился Верн. – Ты не оборотень! Маги мужей не выбирают! С детства ведь знала: быть тебе женой короля. Тогда почему-то не злилась. Я урод? Нет. У меня есть титул. Есть земля. Есть все! Если бы твой отец был жив, не посмел бы мне отказать.

– Мой отец, – развернулась Грета и улыбнулась ядовито, – отдал мою руку любому, кто избавит королевство от тебя. Обменял герцогиню на армию для магов. Кто с тобой воюет? Ах да, Викар. По воле моего отца, я принадлежу ему. А не поехать ли мне к Викару? Познакомиться поближе.

– Не вздумай, – побледнел Верн.

Но Грета, хохоча, побежала вперед.

– Ты дразнишь меня? – крикнул вслед Верн. – Не смей ехать к нему!

Видел, как мчалась к Грете призванная лошадь, как вспорхнула его бестия в седло.

– Ах ты! Грета! Стой!

Он побежал следом, но песком засыпала глаза колдунья, закружила лигра ветром, лишь бы оторваться от оборотня. Лишь бы не догнал. Направила силу в кобылу, чтобы сравнять по скорости.

– Грета! – кричал Верн, понапрасну борясь с магией.

Умчалась бесовка, не догнать лошадь, как ни пытайся. Бежал по следу, но уже понимал: не успеет перехватить до лагеря.

– Уехала. К нему уехала. Что же ты, дура, творишь?!

Глава 16

– Когда это стало проблемой, – повторяла Грета, подгоняя лошадь. – Все у меня отобрал, еще спрашивает! Мало ему. Надо всю меня победить. Подчинить колдунью оборотню. Доволен, небось, что трясет от любого прикосновения. Еще и целовалась с ним. Какой стыд! Не поддамся. Это последнее, что у меня осталось. Мое хладнокровие. Ясность мысли. Никаких глупостей. Черт!

Грета остановилась, заметив вдали знамя Викара.

– Боги, куда ж меня понесло? Говорю, долой глупости, а сама прискакала в мужском наряде к врагу. И как гад меня до такого доводит?

Грета обернулась, прикинув, что еще может убраться отсюда.

– Надо возвращаться.

Не успела сорваться с места, как заметила солдат. Но если от них ускакать можно было попробовать, то лучник вдалеке Грету беспокоил. Пристрелит еще, она всего лишь паж.

– Эй, ты! Ты от кого? – крикнул главный в отряде.

– Отведите меня к королю, – уверенно ответила Грета. – Скажите, Грета Стейнмунн прибыла с негласным визитом.

Оборотни раскинули свой лагерь рядом с постоянным двором. В трехэтажной гостинице расположился сам Викар. В шатрах — солдаты и приближенные.

Первое, что поразило Грету – широкая площадка для поединков. Само ее наличие не было чем-то необычным. Все-таки мужчины собрались, чем им еще заняться. Только все было как-то излишне грубо. Угрюмо. Пока проходили мимо, оборотни начали готовиться к бою. Грета остановилась. Два огромных мужика совсем без доспехов и оружия вышли в центр площадки. Глашатай начал выкрикивать что-то. Грета никогда не интересовалась диалектами оборотней, а потому совсем не понимала, о чем клич. Должно быть, что-то воодушевляющее и боевое.

– Необычно, – сказал Викар, оценив Грету в костюме паж.

Он поравнялся с ней и внимательно разглядывал, в то время как Грета внимательно разглядывала бойцов. Не собиралась показывать, что Викар ей интересен или хоть как-то страшен. Не собиралась демонстрировать, что неприятны ей поединки. Для островитян сила важнее всего. Она сильная. Демонстрировать силу – главная задача. Иначе сожрет оборотень и не подавится.

Такой ловкий маневр и такой провал. Как только Грета почувствовала себя превосходным стратегом, бойцы обернулись и начался поединок в истинном зверином обличье. Не предвидела она этого. Дернулась от испуга, обнаружив, что равнодушные — лишь маневр.

– Однако стоит признать, вам идет, – Викар сделал вид, что не заметил ее смятения, неприкрыто рассматривая ноги.

– Благодарю, – холодно улыбнулась Грета.

– Не ждал, что воспользуетесь приглашением. Вы умеете делать сюрпризы. Позавтракаете со мной, Грета Стейнмунн?

– С удовольствием, – наконец-то осмелилась отвернуться от поединка Грета.

– Смотрю, вам интересны бои. Могу предложить позавтракать прямо здесь. Будет хорошо видно. Подойдет ли Вашему Величеству такое грубое место?

– Вполне, – еще шире улыбнулась Грета.

“Не смутишь, черт”, – хотя аппетит разом пропал.

Викару и приказывать ничего не пришлось. Слуги как-то само собой сообразили, и уже через несколько минут Грета и король морских оборотней сидели за столом напротив площадки для боев. К этому моменту поединок закончился. Победитель дико скакал и что-то там отплясывал в толпе оборотней по другую сторону лагеря. Побежденного, точнее его труп, безразлично уволокли в неизвестном направлении. Правду говорят: не умеют они в зверином облике останавливаться. Потому и запрещены такие сражения. Грета поморщилась.

– Так что же привело вас к нам? – спросил Викар, подливая ей вино.

– Интерес, – улыбнулась Грета. – Страшный вы.

– Захотелось проверить, действительно ли страшный?

– Захотелось познакомиться.

– И король просто так отпустил свою жену? Ко мне?

“И как мне ответить, чтобы в лужу не сесть?”

– Правду говорят: маги излишне любопытны. Бесстрашны ли? – улыбнулся Викар. – Я наслышан про вашего отца. Жаль, что его предали. Верн подкупил союзников, убил герцога, взял вас в жены. А вы назвали его своим хозяином.

Викар кивнул одному из солдат, и тот ушел.

– Не переживай. Просто пригласил знакомого.

Грета сделала заинтересованный вид.

– Ведь известно, что у меня есть маг. Не кривляйся, девочка, Верн все еще жив, значит, монстр не справился.

– Попрошу не обращаться ко мне так, – надменно сказала Грета.

– Ты в моих руках. Все здесь подчинено мне. Помни об этом.

Грета посмотрела на короля с презрением.

– Я королева. Я у вас в гостях. Культ Зверя говорит...

– Плевал я на культ Зверя. И ты не оборотень. Ты даже не мужчина. Знай свое место, – Викар налил ей еще вина. – Познакомиться приехала. Сейчас и познакомимся.

У Греты кровь отхлынула от лица.

“Предупреждал ведь Верн. Какого демона я здесь забыла? И как теперь выбираться?”

Тем временем к ней подошли сзади, и Грета замерла. А потом вздрогнула, услышав за спиной знакомый голос:

– Герцогиня Триллиум! Как давно мы с вами не виделись.

– Маркиз Улмус, – проговорила та, боясь оборачиваться. –

Вот так встреча.

Маг обошел Грету и присоединился к ним с Викаром за столом.

– Не изловили разве вас оборотни? Вы сопровождали короля покойного. Его поймали. А вас?

– А этот маг оказался проворнее, – ответил за маркиза Викар. – Он служит мне.

– Служит вам, – усмехнулась Грета. – Извернулся и не поехал с моим отцом на войну. Прятался в столице, где поспокойней. Потом бежал с королем, как только захватчики двинулись к городу. Оставил короля, лишь оборотни вычисли след. У вас, Викар, все приближенные такие пряткие?

Маркиз нахмурился, а король засмеялся.

– Молчала бы, – зло сказал маг. – Сама спишь с убийцей своей семьи.

– Маги мужей не выбирают, – с усмешкой ответила Грета. – Я с рождения знала, что буду женой короля. А уж какого... Не женское это дело решать.

– Мне по душе такой настрой, – поставил кубок на стол Викар и кровожадно улыбнулся. – Так и решим. Я стану вашим королем, а ты жди меня, девочка, в спальне. Буду новым хозяином. Возможно, и кровь бывшего с себя не смою, чтобы интересней было.

Грета оцепенела, а Викар все рассматривал и рассматривал ее жадно, словно добычу.

– Как думаешь, почему он все еще не здесь?

– Кто? – сглотнула Грета.

– Верн. Он прекрасно знает, кто я. На что я способен. Как он умудрился отдать мне свою жену? Я видел, как на тебя смотрит. И вдруг ты здесь. А его до сих пор нет. Боится? Твой муж трус? Готов тобой пожертвовать? Как думаешь?

– Думаю, что ты ни черта не знаешь ни про меня, ни про Верна, – злобно ответила Грета.

– Возможно. Возможно, я чего-то не знаю, – Викар хлебнул вина и задумался. – Хотя такая интрига мне нравится. Пожалуй, тебя верну.

У Греты гора с плеч свалилась.

– Сделаем, как и договорились, – перевел взгляд на Грету. – Жди меня, бывшая колдунья. Эта война быстро закончится. Уж я постараюсь.

– Какая самоуверенность. Просто очередной оборотень, пожелавший сделать меня своей королевой.

И тут Викар расхохотался. Этот беспечный смех стал неожиданностью.

– Какая прелесть. Нет, девочка. Королева у меня уже есть.

Он указал в сторону гостиницы, где на балкончике третьего этажа Грета увидела девушку с переносной колыбелью. Деревянная люлька стояла на небольшом столике, чуть выглядывая из-за перил. Девушка что-то пела и ее покачивала.

– Родила вот на днях. Мы не маги, весточки быстро передавать не умеем, пришлось тащить ее сюда.

– Хотел увериться, что роды пройдут хорошо?

– Хотел сразу узнать, кто родился.

Грета смотрела на короля и не понимала, какое это имеет значение.

– К сожалению, опять девочка.

– К сожалению?

– А зачем мне принцессы?

– Не понимаю, к чему мне знать все это, – безразлично ответила Грета и тут же заметила заинтересованный взгляд Викара.

– О. Сейчас разъясню.

Грета смотрела на него равнодушно, чем раззадорила оборотня. Викар что-то сказал на диалекте маркизу, и тот кивнул. А потом один из солдат удалился.

– Тогда смотри, колдунья. Может, и поймешь, что значит жить по законам истинных оборотней.

Вскоре к королеве наверху вошли еще девушки. О чем-то поговорили и куда-то увели. Маркиз бросил взгляд на Викара и, получив одобрительный кивок, начал молиться ветру.

– Что вы делаете?

– Не отвлекайся, Грета, – холодно ответил оборотень.

Сильный точный порыв — и колыбель качнулась, перевалившись через перила. Грета ахнула, а деревянная люлька треснула от удара о землю.

– Не кричит. Ребенок не кричит, – замерла Грета и перевела отрешенный взгляд на Викара.

– Должен? – спокойно спросил тот.

Возле гостиницы началась суэта. Из дома доносились рыдания и крики. Но Грета не хотела вслушиваться. Единственно, что она хотела – просто исчезнуть из этого места и забыть это мгновение. Избавиться от проносающейся перед глазами колыбели.

“Почему я не остановила? Почему не поняла, что они делают?”

– Грета, – вернул ее в реальность Викар, – я не собираюсь на тебе жениться. Я разузнал о тебе и твоей магии. Силе, что чуть не уничтожила армию оборотней. Хоть и не великую, но армию. Верн так удачно запер эту силу. Обезопасил колдунью. И какой же он дурак, что сделал из тебя жену. Конечно, оборотней ты родишь могучих, но какой в них толк? Нет, я не такой расточительный. Мне ты будешь рожать магов. Сильных и моих кровных магов. Можно будет и девочек оставлять. Колдуньи тоже пригодятся.

Она молчала, а Викар все вглядывался в притихшую королеву и о чем-то своем думал.

– Все-таки интересно, почему он отдал тебя? В чем уловка?

Но Грета молчала. Если провалился в болото, то лучше с ним не драться.

– Проводите королеву домой, – приказал он одному из своих солдат. – Передайте Верну, что я оценил его жертву ради дружбы. Но подарок заберу чуть позже.

Грете протянули руку, и она на ватных ногах поднялась

из-за стола. Викар демонстративно поклонился и ушел, а Грету повели к ее лошади.

Когда подъехали к лагерю, Верн стоял с пугающе каменным лицом, и Грета захотела броситься ему на шею, лишь бы разбить напряжение, сковывающее оборотня. Ее отвлек Оберон, неожиданно появившийся рядом. Как ни в чем не бывало, улыбнулся и помог Грете спуститься. Верн стал разговаривать с солдатами Викара, а Оберон быстро повел ее в лагерь. Улыбался, хотя успокоиться это не помогало.

– Мы возвращаемся во дворец, – спокойно сказал Оберон. – Но шатры пока не разобрали. Думаю, вас отправят завтра утром или чуть позже. Нужно убедиться, что дорога безопасна.

– Меня? То есть Верн не поедет?

– Не думаю.

– Оберон, – остановилась Грета. – Почему он так смотрел? Знаю, что виновата. Но он никогда на меня так не смотрел.

– Вас вдруг начали волновать взгляды короля?

– Не издевайтесь.

– А вы не беспокойтесь. Верн просто сосредоточен. Опасное затеяли вы развлечение. Умудрились даже меня выбить из колеи. Представить не могу, как короля потрепало за эти пару часов.

– Отведите меня к нему, – строго сказала Грета.

– Боюсь, это невозможно.

– Почему?

– Потому что ему не до вас, – ответил Оберон. – Уж простите, но сегодня и в ближайшие дни король будет очень занят.

– Я подожду его.

Грета оставила рыцаря и пошла к шатру Верна.

Внутри было пусто. Правду говорил Оберон, не до разговоров с истеричкой.

– Ну, ничего, – села Грета на кровать. – Когда-нибудь явится.

Хотя она совершенно не понимала, зачем именно его ждет. Просто ей был нужен Верн. В его шатре спокойно. Грету до сих пор трясло от увиденного. Не хотела оставаться одна.

“Удивительно. Я и здесь одна. Только чувствую себя по-другому. Защищенной, что ли?”

Обед ей принесли, хотя есть не хотелось. Она думала, что вот сейчас Верн заявится. Но еда стыла, а короля не было. В тихом неведении прошел весь день. Грета думала, что к ужину ее отпустит. Но как только стемнело, переживания накатили с новой силой. Она раз за разом прокручивала в голове воспоминания о принцессе. Корила, что не остановила маркиза.

– Как можно? Как ты такое допускаешь? – обратилась она

к Зверю, хотя и не была оборотнем.

Пламя свечей потянулось вверх и качнулось. В шатер вошел Верн.

Заметил Грету, остановился и сел на сундук возле входа. Она совсем не знала, что сказать. Зачем ждала? Чего хочет? А глядя на его безучастное лицо, и вовсе растерялась.

– Уйти? – спросила Грета озадачено.

Но Верн не ответил. Просто сидел на сундуке и смотрел в пустоту.

– Ты там сидишь, потому что злишься?

– Во мне столько всего, что лучше побыть от тебя подальше.

Грета вздохнула. Кажется, он на нее не злится. Точнее, не только злится. От этого почувствовала себя уверенней.

– Можно, я останусь? – ничего не ответил. – Мне страшно, Верн.

– Мне уйти? – неожиданно спросил он.

– Зачем?

– Чтобы не добавлять к твоему страху себя.

– Дурак, – нахмурилась Грета.

– Да. Я дурак, Грета. Я все делаю неправильно. Потому и сижу здесь.

Они помолчали.

– Можешь меня обнять? – попросила Грета.

Верн поднялся и подошел. Сел рядом и аккуратно обнял.

– Спасибо, – сказал Грета, обвив руками его шею. – Я ду-

мала, к вечеру успокоюсь, но мне только хуже. Я все время вижу того ребенка.

– Какого ребенка?

– Девочку. Они уронили ее. Магией. Нарочно.

– Грета, – прижал ее сильнее, – тебе нужно поспать. Я рядом. Не подпущу к тебе плохие сны. Не переживай.

– Знаю.

Он взял ее на руки и положил на кровать.

– Только не раздевай меня, – попросила Грета.

– Хорошо.

Верн достал одеяло из сундука и накрыл её.

– Будешь рядом? – спросила Грета.

– Ты хочешь этого?

– Да.

– Буду, – ответил Верн и сел рядом.

– Ложись ко мне.

– Не играй с огнем.

– Ладно, – она закуталась в одеяло. – Но ты был прав. Мне хорошо с тобой. И от этого я злюсь. От этого делаю глупости.

– Почему это плохо? Чувствовать себя хорошо. Рядом со мной.

– Ты, правда, не понимаешь?

Верн молчал, а Грета вдруг потянула его на себя. Устроилась на плече и набросила на оборотня одеяло.

– Прости, но мне это нужно. Иначе я сойду с ума от угрызений совести.

– Какой, к черту, совести?

– Той, что кричит: почему ты ее не спасла!

– Грета, – обнял ее Верн и поцеловал в макушку. – Главное, что ты спаслась. Для меня это самое главное.

– А как же девочка?

Он вздохнул.

– Постарайся не думать об этом. Хотя бы сейчас. Тебе нужно выспаться.

– Зачем?

– Ты уезжаешь. Я помню, как тебя изматывает дорога.

– Во дворец?

– Да. С Обероном. Будешь в безопасности.

– А ты?

– Я остаюсь.

Она гладила вышивку в виде триллиума на его рукаве.

– Викар, он... Почему ты женился на мне?

Верн посмотрел на нее удивленно.

– Ты сказал: потому что я удобная невеста. Из старого рода. Но ведь это странно. Я сильная колдунья. Еще и злобная. Мог бы сделать меня любовницей, если так сильно хотел. Это было бы правильной.

– Я уже сказал, что дурак и все делаю неправильно, – ответил Верн, а потом задумался. – Я и не помню, когда решил на тебе жениться. Совсем не помню. Наверное, я всегда знал, что ты будешь моей женой. Это казалась таким естественным.

– То есть?

– Мы всегда были вместе. Ты всегда была моей малышкой. А я твоим котиком. Помнишь, когда-то ты звала меня котиком? Не для того чтобы задеть, – усмехнулся он. – Разве тогда ты могла представить, что мы расстанемся? Что будем жить далеко друг от друга? Что дни напролет мы будем не вместе. С кем-то другим. С кем-то чужим. Я — нет. Ты часть меня, Грета. Я без тебя не могу.

Верн молчал, вслушиваясь в ее ровное дыхание, а затем добавил:

– Ты не можешь быть со мной, потому что несвободна. Потому что не выбирала меня. Но и я не свободен. Я бы очень хотел отпустить тебя. Не любить тебя. Забыть тебя. У меня ведь почти получилось. Пока я был в изгнании, я мало о тебе думал. Честно. Ты казалась призраком старой жизни. Фантазией. Маленькая солнечная герцогиня, которой на самом деле не существует. Потому что реальный мир жесток и мрачен. Потом, правда, я узнал, что ты в столице. Одна. Брошена трусливыми вельможами. Без армии и средств к существованию. Юная и растерянная. Мерзнешь в холодном городе, страшаешься захватчика. Думал, вот оно! Все пришло туда, откуда началось. Женюсь на тебе, а потом все объясню. Поймешь меня. Мы ведь друзья. Только вместо солнечной девочки ко мне на встречу вышла черная мегера, – Верн молчал. – Не змея твоя меня в шею укусила, яд впрыснув. Кое-что похуже.

– А ты не помнишь, как обещал после казни всех нас убить? Еще удивляешься, почему мы не друзья? – спросила Грета, но он не ответил. – Бравировал знаменами с горящими триллиумами. Думал, не усмотрю в этом жажду мести?

– А когда огонь стал символом мести?

Грета приподнялась и вглядывалась в него. Пытаясь понять хотя бы для себя, как к нему относится. По всему получается, что Верн ей дорог. Чтобы ни сделал, в сердце она давно уже его простила, и он ее тоже простил. Смирился с тем, что нужна ему, каким бы ядом ни травила, какими бы словами ни резала. Как быть только с этим пониманием, не ясно.

– Ты ведь знал, какой он, – тихо сказала Грета, глядя в глаза Верна. – Почему ты не приехал за мной?

Он смотрел на нее тревожно.

– Я решил довериться тебе, – сказал наконец. – Если бы я подошел к лагерю, то больше никогда бы тебя не увидел. Не знаю, что бы он с тобой сделал, но знаю наверняка, я больше никогда бы тебя не увидел. – Верн обнял Грету крепко-крепко. – Просто решил тебе довериться. Знал, что ты заинтересуешь его. Как трофеем. Знал, что тебе хватит ума говорить с ним осторожно. Я доверился тебе, – зарылся в ее волосы. – Но прошу тебя, Грета, доверяй и ты мне.

– Я буду.

– Хорошо.

– Он чудовище.

– Но ведь я тоже, – кисло улыбнулся Верн.

– Он для всех чудовище.

Грета свернулась клубком и накрылась одеялом.

– А ты мое. Мое личное. Мой собственный мучитель и монстр, – она закрыла глаза. – Мой.

Утром Верна рядом не оказалось.

Зато в шатер примчалась Вива, взбудоражив тем, что королева опять все проспала и только ее и ждут.

– А где Верн? – опешив от суеты фрейлины, спросила Грета.

– Его Величество уехал. Еще на рассвете. Приказал вас не будить. Но кто ж знал, что вы проваляетесь столько времени.

– Ясно, – грустно сказала Грета. – Тогда готовь меня скорее к поездке. Оберон едет со мной?

– Да, Ваше Величество.

Придворная дама вышла, но быстро вернулась. Проворно собрала сонную королеву, и уже через полчаса Грета сидела на лошади, наблюдая за тем, как тает еще недавно подвижный и говорливый лагерь оборотней.

– Доброе утро, Грета, – поздоровался Оберон, улыбнувшись. – Позвольте быть рядом с вами по пути во Флидабург?

– Конечно. Мне приятна ваша компания.

Их небольшой отряд двинулся в путь, оставив позади те-

леги с вещами и неторопливых фрейлин. Грета ехала в сопровождении Оберона и еще нескольких солдат.

– Вам не страшно? – спросил рыцарь.

– Нет. С чего?

– Нас немного. Времена беспокойные. Вчера вы были так взволнованы.

– Рядом с вами, Оберон, я не боюсь ничего, – улыбнулась Грета. – Не смущайтесь. Я больше не буду к вам приставать. Но вы не станете отрицать, что лучшей защиты мне не найти. Вот и Верн так думает. Иначе не оставил бы меня вам.

Оберон еще шире улыбнулся.

– Кстати, где он? Верн.

– Викар ушел. Но его маг распустил по округе много монстров.

– Что?

– Не переживайте. Не велика опасность для вооруженных оборотней. Скорее для местных жителей угроза. Потому Верн и отправился с солдатами перебить их, пока не разбежались и в пещерах не попрятались.

– Маленькая гадость от Викара? – удивилась Грета. – Хотел занять короля беготней по лесу?

– О, я думаю, Верн тут совершенно ни при чем. Но зачем это устроено, мне не известно. Как будто травил кого-то. Охотился. Монстры мелкие и скорее ищейки, чем бойцы.

– Значит, когда Верн всех переловит, вернется во дворец? – задумчиво спросила Грета.

– Это мне тоже неизвестно.

Грета посмотрела на него грозно.

– Со дня на день начнется война, – пояснил Оберон. – Или не начнется. Лучше бы второе. Нам нужно больше времени. Но не стоит переживать, Ваше Величество. Король — прекрасный полководец.

– Я не переживаю, – спокойно ответила Грета. – Предсказание говорит, что морские демоны покорятся.

Оберон смотрел на нее, еле сдерживая смех.

– Верите в такие глупости?

– Это не глупости, – обиделась Грета. – Предсказания магов сбываются.

– Как скажете.

Они проехали еще немного и вдруг услышали треск деревьев и рык недалеко от дороги. А потом по лесу стал стелиться рыжий туман.

– Грета, уезжайте.

– Нет! Остановитесь. Я знаю эту магию.

– Знаете?

– Да. Опустите оружие.

Грета напряженно смотрела в лес, пытаясь разглядеть фигуру Фелана, но туман такой густой, что было не разобрать, как далеко от ее отряда находится маг.

– Это граф Алдрэвандэ. Их семейная особенность. Окрашенный воздух ядовит.

– Тогда нужно поскорее уезжать отсюда.

– Это не проблема, – Грета взмахнула, и ветер смел с дороги подползающее марево. – Графу нужна помощь.

– Грета, – Оберон посмотрел на нее серьезно. – Я не могу рисковать вами, ввязываясь в дела магов. И не могу отправить оборотней в отравленный лес.

– Как думаете, что там произошло? – напряженно спросила Грета.

– Не знаю. Нам пора ехать.

– Мы поедem к графу.

– Нет.

– Вы же призрак. Вам яд нипочем. Мне тоже. Магия графа никогда не причинит вред роду Триллиум. Вы ведь сможете меня защитить? – посмотрела в упор на Оберона.

– Да. Но приказ короля был другой.

– А приказ королевы такой, – нахмурилась Грета и поскакала в лес.

“Фелан никогда не использовал этот дар, – думала она, прорываясь сквозь рыжую завесу. – Слишком многое отдается за такое колдовство. Почему сейчас? У него должна быть веская причина, чтобы ставить под удар себя. Его теперь любой дурак убить сможет. Защититься силы не хватит. Во что же ты ввязался?”

– Грета, стойте, – догнал ее Оберон. – Если творите глупости, то хотя бы не покидайте меня.

– Хорошо. Пожалуйста, посмотрите, где он. Вы можете, я знаю.

Оберон кивнул, и его глаза изменились. А затем совсем исчезли, став пламенем, показывая истинную суть рыцаря. Грета не ожидала такого и ахнула.

– Простите, – сказал Оберон, – мне стоило отвернуться.

– Нет, я, – замялась Грета, – я просто все еще не смирилась с тем, что вы...

– Я его вижу, – прервал ее Оберон. – Ваш маг уходит от погони. Вот кого искал Викар. Зачем ему маг? Не знаете?

– Нет.

– Погодите...

Грета ждала, а Оберон все молчал, что-то там внутри себя, огня, леса высматривая.

– Что происходит? – не удержалась Грета.

Глаза его вернулись в свое нормальное состояние, но рыцарь хмурился. Выражение, такое несвойственное западнику, заставило Грету нервничать еще больше.

– Сам решай, – прошептал мягко ветер в листве.

– Что это? – испугалась Грета.

– Зверь, – ответил Оберон, удивившись. – Не думал, что вы услышите. Обычно его слышу лишь я.

– И что вам нужно решить?

Оберон смотрел на нее внимательно, что-то прикидывая в голове.

– Грета, послушайте меня сейчас внимательно. И, пожалуйста, сделайте так, как я сказал. Несмотря на то, что вы королева. Я все делаю исключительно для вашей безопасности.

– Оберон, давайте без вот этого...

– Вы будете меня слушаться? Тогда я спасу вашего мага.

И еще кое-кого. Но мне нужно, чтобы вы мне не мешали. Так вы будете меня слушаться?

– Буду.

– Что бы ни случилось?

– Вы меня злите.

– Хорошо, – улыбнулся Оберон и поехал вперед. – Не отставайте. Ваш маг уже далеко. Я перехвачу монстров, которые его преследуют. Ваша задача не выходить из круга.

– Какого?

Оберон остановился и, резко сняв Грету с лошади, поставил у старого дерева, вокруг которого тут же вспыхнуло пламя.

– Моего круга, – сказал Оберон и отпустил лошадей. – Это чтобы их не пугать. А вы стойте здесь. В моем огне вы в безопасности. Я знаю, Грета, что вы сильная и смелая, но сейчас просто по стойте здесь. Понимаете?

– Понимаю, – кивнула Грета.

– Хорошо. А теперь отвернитесь.

– Что?

– Не хочу, чтобы вы видели меня... таким, – замялся Оберон. – Хочу, чтобы вы знали меня как человека.

– Что за глупости вы говорите, – нахмурилась Грета. – Мне совершенно не важно, как вы выглядите. Я люблю вас не за красивое тело.

– Любите? Меня? – опешил Оберон и посмотрел в глаза Греты с таким восторгом, что она смутилась. – Больше всего на свете я мечтаю вас коснуться. Но отвернитесь же! Они совсем близко.

Грета раздраженно повернулась к стволу и в тот же миг ее окатило жаром, как будто позади был не лес, а пекло. Стало страшно. Ничего не может быть опаснее открытого пламени, а сейчас горело все за спиной, трещали деревья, несло дымом и покрывалось копотью.

– Огненный медведь, – прошептала Грета, обернувшись.

Оберон не использовал магию, он был этой магией, уничтожающей все, чего коснется, все, что встанет на пути. А на пути у огромного медведя из пламени решили выступить небольшие ошетилившиеся чудовища, созданные из гончих. Постарался маркиз, больше никому. Такое колдовство быстрее намолить, чем каменного спрута, потому и много их. Никому с оравой не справиться. Числом и ловкостью задавят даже проворного мага, вроде Фелана.

– Но не Оберона, – сказала Грета, наслаждаясь развернувшейся перед ее глазами картиной. – И почему стеснялся показывать свое истинное обличие? Он совершенен.

Вдруг над ее головой что-то запищало. Грета посмотрела вверх и увидела белку. Та быстро спустилась по стволу, и только тогда Грета заметила горящие синим глаза.

– Магия! – отшатнулась от животного и стала озираться по сторонам. – Улмус!

Маркиз стоял неподалеку и ухмылялся. Оберон не заметил мага, пока был занят гончими, потому и подобрался маркиз так близко.

– Герцогиня, – поклонился тот. – Не ожидал вас здесь увидеть.

Грета попробовала поймать белку, но та ловко юркнула в листву.

– Какого черта, Улмус? Что вам нужно? Кого вы ищете?

– О, одного мальчишку. Вас это не касается.

– “Мальчишку?” – Грета посмотрела на мага с удивлением. – Фелан защищает какого-то мальчика. Зачем?”

– А вы, я смотрю, покорно ждете своего защитника, – подошел к самому дереву маркиз и поднял вверх руки. – Надо тогда его подальше отвести.

– Я вас не боюсь.

– В этом я и не сомневаюсь. Но быть замеченным медведем не хочу. Пусть порезвится подальше отсюда. Все равно я Фелана упустил.

– Фелана? Тот вроде не мальчишка, – прикинулась дурочкой Грета.

– Граф покровительствует отпрыску де Фиенн. Давно за ними охочусь. А теперь и родственничек заступился, – вздохнул маркиз. – Жаль... Викар будет недоволен.

Грета наблюдала за тем, как гончие постепенно теряются из вида, как огонь уходит вслед за Обероном. Покидает ее, решил выловить всех, чтобы не причинили вред его семье.

“Потому и нервничал, когда мага увидел. Потому Зверь и сказал, чтобы Оберон сам решил, спасать их или нет”.

– О чем думаешь, колдунья?

– Какого черта вы со мной болтаете? Дел других нет?

– Боюсь, что больше нет. Говорю же, Викар недоволен будет. Граф ушел, монстров моих сейчас испепелят. Вы вот только остались.

– В смысле?

– Думаю, что бы с вами такое сделать, чтобы хоть историей Викара развлечь. А? Что думаете?

Грета ничего не ответила. Она стояла в кругу огня, была примерно такой же силы, что маркиз. Все должно быть хорошо. Справится.

– А знаете, – он обошел круг, – выходите оттуда.

– С чего вдруг?

– Просто посмотрим, как Огненный медведь спасать будет прекрасную даму. Хорошая история. Можно будет балладу сочинить.

– Я не пойду.

– Пойдешь, – маркиз начал молиться.

Грета знала, что пытается он обратить существо в чудовище, но не было никого поблизости, к тому же через огонь Оберона никто не пройдет. Вдруг над ее головой треснули ветки. А потом сверху грохнулось лохматое зубастое чудо, еще недавно бывшее той самой синеглазой белкой.

– Ах ты, гад! – Грета отошла к краю круга и выбросила

на белку сеть.

– О! Магия, – удивился маркиз. – Как чудно. За эту новость Викар точно помилует.

– Придурок! – крикнула Грета, закручивая монстра сетью.

– Ага, – кивнул маркиз и, схватив колдующую Грету, рванул на себя. – Попалась!

Как только она повалилась на землю, огонь Оберона погас, а маркиз заржал, пытаясь удержать колдунью на земле.

– Пусти!

– Все, все, спокойнее, – смеялся маркиз, поднимаясь. – Беги, герцогиня. Смотри только, в лесу этом бродит много голодных монстров.

Грета оттолкнула его и побежала в сторону, где последний раз видела Оберона. Его нигде не было. Только обглоданные огнем ветки и дымящиеся собаки, лишённые магии.

– Удивительно, – шла Грета, рассматривая лес, – вроде и был пожар, а вроде и нет.

Она подняла голову, пытаясь рассмотреть, дошел ли огонь до птиц. Но никого не было. Разлетелись все. Тихо в лесу. Пахнет дымом и паленой шерстью.

– Оберон! – крикнула Грета. – Где ты?

Позади хрупнули ветки, Грета обернулась и встретила с голодными глазами измененной гончей. Позади магической псины весело улыбался маркиз.

– Ну, ты и тварь.

– Весело прогуляться, герцогиня, – поклонился маг и

ушел.

Напротив Греты скалился злобный монстр, с которым сетью так просто не справиться. На бегу и того сложнее.

“А бежать придется, – подумала Грета и рванула, бросив в чудовище россыпь мелких камней с песком. – Вначале ветер. Выбрать дерево покрепче и успеть забраться”.

Тварь уловка надолго не задержала, но хоть что-то. Грета домчалась до первого крепкого дуба и поползла вверх, хотя в платье это было крайне сложно сделать. Хорошо, что маркиз создал пакость из собаки, а не из кошки или птицы какой-нибудь. Монстр кружил вокруг дуба, бросался на него, рвал когтями, но добраться до ветки, где примостилась Грета, не мог.

– Отлично, – выдохнула Грета. – Теперь просто дождусь Оберона и все. Во дворец. Никаких больше турниров и прогулок по лесу.

Псина еще раз прыгнула на дерево, пытаясь ухватить Грету за платье, а потом вдруг прижалась к земле, заскулив.

– Что это? – наклонилась Грета, не понимая перемены в чудовище.

Ее дуб качнулся, а потом начал трещать, отчего псина дала деру с протяжным воем. Грета же вцепилась в ствол, не понимая, что происходит с ее укрытием.

– Надеюсь, эту гадину демоны утащат в свое логово! – услышала она в листве Верна и оцепенела.

– Что, колдунья, пришли за тобой, – смеялся уже знако-

мый ей голос Зверя.

Дерево в последний раз хрустнуло и рассыпалось, а Грета полетела вниз в неизвестно откуда взявшееся в этом месте болото. Плюхнулась. Поднялась, пытаясь вытянуть ноги, застрявшие в трясине, стала озираться.

“Где я? Не лес это. Другое место. Серое все кругом. Так не бывает в мире”.

– В мире живых, – прошептал знакомый голос за спиной.

Грета обернулась, но никого не было. Лишь серое марево и топкое болото.

Из этой самой топи вдруг начали подниматься зубы. Тогда колдунья сообразила, что стоит в центре чьей-то огромной пасти и сейчас, именно сейчас, эта пасть захлопнется.

– Я не хочу! – крикнула Грета.

– А что отдашь за спасение? – поинтересовался голос.

– Я...

– Грета! – ворвалось в хмарь слепящее пламя.

Грета зажмурилась и тотчас почувствовала, что лежит на земле. Приоткрыла глаза. Оберон. Обломки дуба и отчего-то лютый холод.

– Оберон, – еле выговорила Грета, стуча зубами. – Почему так холодно?

– Холодно, – кутал ее в свой плащ перепуганный рыцарь. – Там холодно. Нет там места теплу, Грета. Ничего, ничего, немного пробыла. Сейчас согреешься.

Но Грета не могла согреться. С каждой минутой жизнь

уходила из нее. Мысли стали бессвязными и пустыми. Она смотрела на летнее небо и думала, как забавно заледенеть в такую жару. Грета усмехнулась, а Оберон прижимающий все это время ее к себе, тихо сказал:

– Грета, вы умираете.

– Тоже мне новость, – простучала зубами колдунья.

– Я не позволю.

Она перевела взгляд с неба на рыцаря.

– Я вас люблю. Я вас согрею.

– Нет! – хотела оттолкнуть его Грета, хотя сил двигаться уже не было. – Вы ведь... Вас больше не будет.

– Зато будете вы, – улыбнулся Оберон своей особенной обезоруживающей улыбкой.

Наклонился к Грете и, прошептав в губы: “Я вернусь к тебе молодой рощей”, – поцеловал.

Глава 17

Когда Грета проснулась, все еще чувствовала жар поцелуя. Она провела по теплым губам, привыкая к мысли, что больше никогда его не увидит.

Ливень стучал по стеклу, и в королевской спальне было хмуро и холодно. Лишь тепло поцелуя все еще лучилось на губах, подчеркивая, как же одиноко ей, Грете, в этой спальне.

Проплакавшись, она позвала служанку, а в комнату влетела объятая трепетом Вива. Начала тараторить про пошатнувшееся здоровье королевы и как они все переживали.

Здоровье королевы в самом деле не радовало – раздражающий легкие кашель и гудящая головная. Но Грете это было совершенно неинтересно. Сейчас нужно было понять, что произошло, пока она валялась в кровати. Попросила подать ей воды, чтобы умыться, и спросила:

– Где Верн?

Вива молчала, явно не зная как начать разговор.

– Его Величество... Мы давно его не видели. В человеческом облике. Бродит по ночам злобной кошкой, шипит, скулит порой, аж зубы сводит от плача этого. Даже к вам не заходил. Только спрашивал пару раз. Страшно нам, Ваше Величество.

Вива поклонилась, сказала, что принесет ужин, и вышла

из спальни.

“Ну, раз оборотням страшно, то мне и подавно лучше ему на глаза не попадаться, – подумала Грета, умываясь. – А кто меня нашел, и что произошло в королевстве?”

Когда фрейлина вернулась, Грета огорошила ее вопросами.

Оказалось, что солдатам ее принес Агвид. Тот не с графом был, а охотился на маркиза. Дело это довольно бесполезное, потому что к магу такой силы не подойти незамеченным. Но пока маркиз болтал с Гретой, а потом наблюдал за ее спасением, оборотню выпал шанс его схватить. В подробности Вива не посвятила, но, зная Агвида, Грета решила, что маркиз не жилец.

“Вот и чудно. Поделом мерзавцу!”

– Где теперь этот оборотень?

– Да тут же. Во дворце, – ответила Вива, забирая чуть тронутый ужин. – Король... кхм... не в себе. Непонятно: то ли наградить наемника, то ли прогнать, вдруг шпионит. Хорошо, вы проснулись. Решите вопрос этот. Пока короля нет.

– А какие еще вопросы мне можно решить, пока короля нет? – с интересом посмотрела на нее Грета.

– Полагаю, это дело ваше, – опустила голову придворная дама. – Короля нет. Оберона нет. Больше никто во дворце прав указы давать не имеет. А вы королева. Хотите, управляйтесь.

– Тогда платье мне неси, – сухо сказала Грета. – И пусть

советники соберутся. А еще лучше военные. Кто там у Верна армией занимается? В общем, пусть все в зале меня ждут.

– Какое платье, ваше Величество? Мага?

– Нет, – задумалась Грета. – Магом я с оборотнями не договорюсь. Неси на свой вкус. Обряди меня так, как должна выглядеть королева оборотней. И про скорбь нашу не забудь. Пусть дворец оформляют соответствующим образом. Траурный пояс мне принеси. Так ведь оборотни ходят? С веточкой родового дерева. Какое дерево было у семьи Оберона?

– Бук, ваше величество.

– Ну вот, – Грета посмотрела в окно, Верна нигде не было видно. – А король на территории дворца или за городом бегаёт?

– Здесь. Дома, Ваше Величество. Таится в саду, лишь слышит кого, тут же уходит. Иногда на веранде своей любимой появляется. Ох, беда, – хмыкнула фрейлина. – Ведь не ест ничего. И так давно лигром бродит... – Вива посмотрела на Грету просяще. – Может, поговорите с ним? Хоть немного. Вдруг послушает. Хоть бы ночь в человеческом облике побыл. Совсем иначе одичает. Как мы без короля-то?

“Ага. Поговорю... Я жить хочу”.

– Вопросы первой важности решу, потом с королем разберемся. Не хорошо, что никто ни за что не отвечает. Беда больше явится, чем некормленный кот.

Расстроенная фрейлина покивала и быстро вышла, готовить королеве наряд, отправить слуг за ветками бука и тра-

урными лентами. А Грета стояла возле окна и напряженно смотрела в сад. Вот и осталась она у власти. Сломленный горем зверь по соседству, конечно, сомнительная компания, но сейчас о Верне ей думать не хотелось. Вива сказала, что болела Грета несколько дней. И все эти дни никто, выходит, ничем не управлял, никому никаких указов не давал.

“А у нас война с Викаром на носу. Или уже. Как же все не вовремя, – вздохнула Грета. – Надеюсь, по провинциям и на постах оборотни с головами сидят, и эта заминка сильно не навредила”.

Пока совет собирался в главном зале, решила залезть в рабочие бумаги Верна. Давно заметила, что хранит немного их в спальне. В столике рядом с окном. Подошла, открыла легко и вздохнула горько.

– Хитрюга ты, котик. Все зашифровано. И как понять, что здесь?

Порылась еще, надеясь найти хоть что-то. Успешно. Немного писем было на обычным языке. Хотя мало что интересного. Простые отчеты о налогах. Грета поджала губы, осознав, что в дела королевства ей так просто не забраться – помощь потребуется и время – и направилась на собрание.

Когда вошла, оборотни уже ожидали ее, не скрывая интереса, рассматривали. Однако, судя по лицам, против присутствия королевы не выступали.

– Его Величество скорбит, – оправдала свое появление Грета.

– Мы все скорбим, – ответил один из генералов.

Давным-давно Грета была представлена ему. Старый волк из старой семьи Лейв. Первое впечатление — вполне разумный. А с учетом того, что волк, наверняка бесконечно предан Его Величеству.

“Если получится с ним подружиться, остальные тоже мне доверять будут”, – решила Грета и села за стол.

Окинула взглядом карты, над которыми собравшиеся суетились, и поняла, что попала. Военным делом она никогда не увлекалась, а тут еще и оборотни. Маги так наступления не планировали. Магия ведь. Все по-другому устроено. А тут какие-то фигурки, стрелочки, странные записи, половина которых имеет неясные для Греты значения.

– Ваше Величество, – обратился к ней генерал Лейв. – У нас потери территорий на юге. Немного. Все в целом ожидаемо. У нас есть несколько вариантов дальнейших действий. Но последнее слово за королем, оттого и медлим.

– Понимаю, – хотя это было неправдой, и Грета немного покраснела. – Я попробую вернуть Его Величество. А пока, – она еще раз посмотрела на карты, – скажите, как себя чувствуют жители юга? Нет ли голода? Хватает ли лекарей?

Оборотни полезли в доклады, зашифрованные послания, и Грета сделала вывод, что понятия они не имеют, как дела у простых жителей. Наконец один из советников поклонился и протараторил, что подробности будут позже, а пока королева может не беспокоиться за своих подданных. Города, судя по

отчетах, держатся, а о больших пожарах не докладывали.

– Пожары-то тут при чем? – спросила Грета.

– Деревни, значит, никто не жег, – удивился ее вопросу советник.

– Ясно, – вздохнула Грета. – Тогда слушайте. Приказываю гонцов магам направить, пусть послания на юг наколдуют. Так быстрее всего получится. Пусть хоть с кем-нибудь там свяжутся. Магов на юге немного, но кто-нибудь у вельмож есть. Когда придет ответ, сделайте мне доклад. Рассчитайте, в каком состоянии поля и что с урожаем будет. Голода зимой еще не хватало. Также отправьте кого-нибудь в Главный храм. Не из оборотней только. Они у себя оборотня не потерпят. Пусть жрицы по всему королевству раненых принимают. Жрицы хорошо лечат. Могут и конечности срастить при надобности. Своим оборотням, особенно солдатам, знаю я грубость их, дайте распоряжение, чтобы в храмах имя Зверя не произносили и жриц слушались. Не нужны нам распри между магами и оборотнями. Я все понятно изложила?

– Да, Ваше Величество, – ответил генерал Лейв.

– Почему нет оборотней из городского совета?

– Так они не военные, – удивился еще один генерал. – Ратуша вопросами этими не занимается.

– Очень и очень зря, – нахмурилась Грета. – Раз сами не пришли, тоже отправьте кого-нибудь. Пусть сидят и думают, где беженцев будут размещать. Скоро они заявятся. До Флидабурга, может, и не дойдут, а вот по мирными провинци-

ям разбредутся. Пусть главные семьи составят план, как будут решать эту проблему. И пусть пересчитают наши запасы. Прикинут, сможем ли мы помогать зерном разграбленным деревнями. Если у нас избытков нет, пусть запросят помощь западных земель. Кстати, с западом что? Можно туда разорившихся оборотней отправить? Люди против не будут?

– Мы не знаем, Ваше Величество.

– Тогда это тоже надо узнать. Можно ли беженцев с юга отправить на запад.

– Хорошо, Ваше Величество.

Грета еще раз осмотрела документы на столе.

– Что за шифр? Оборотни раньше пользовались своими древними диалектами, немного их изменяли. Но это что-то иное. Что?

– Его Величество приспособил языки западных княжеств. Маги их не знают совсем, как и оборотни. На людей вообще мало кто внимания обращает. Потому король решил, что лучше всего на этой основе шифровать донесения. Тем более что языковая система подходит для подобного.

“Хитрец ты, Верн. Что же мне делать с этой войной? Перенести всю ответственность на генералов? Я даже не знаю, кто из них кто. Кому что доверить и от кого что ожидать. Черт. Как же не вовремя”.

– Ваше Величество.

Грета подняла глаза на генерала Лейва.

– Чем дольше мы сидим в этом зале, тем больше гибнет

оборотней, тем дальше продвигается Викар. Мы не требуем от вас принятия решений, но просим. Верните короля, если это в ваших силах.

“Вернуть короля... На смерть меня посылает и даже не смущается”.

– Спасибо, – Грета встала из-за стола. – Вы можете продолжить собрание. Однако я вынуждена вас покинуть.

Грета подошла к двери и напомнила:

– Как только выполните мои поручения, жду с подробным докладом.

Она вышла и тут же встретилась со встревоженной Вивой.

– Что случилось? – холодно спросила Грета.

– Оборотень. Который привез вас. Он уезжать собрался.

Говорит, не нужно ему ничего. Убедился, что вы очнулись, а теперь надо в путь.

– Ясно. Зови его, – закашлялась Грета и еле привела дыхание в норму. – Скажи, пять минут его дорога подождет.

– Куда звать, Ваше Величество?

– На веранду, – сказала Грета, подумав. – Говоришь, там король иногда появляется. Там я и посижу. Может, приманю кота одичалого.

Вива поклонилась и поспешила отлавливать Агвида, а Грета пошла на веранду, где еще ни разу не бывала, но слышала, что место это король облюбовал, как только во дворец въехал.

– И что же здесь такого особого? – спросила пустоту Гре-

та, садясь в одно из кресел и кутаясь в шерстяной плащ.

– Как самочувствие? – отвлек от разглядывания окружения ее Агвид.

– О. Даже не дуреха. А я расту.

– Я не самоубийца, чтобы королеву дурехой называть.

– Раньше тебя мой статус не смущал, – улыбнулась Грета.

– Раньше король был. А сейчас ты тут главная. Еще обидишься, – он подошел к перилам и вдохнул полной грудью. –

Нравится?

– Что именно?

– Власть. Королевой быть. По-настоящему.

– А с чего ты взял, что раньше была не по-настоящему?

– Эт да, – улыбнулся Агвид, а Грета подумала, что никогда прежде не видела его улыбающимся. – Мне ехать надо. Граф в городе. В безопасности, но все равно нельзя его надолго оставлять.

– Зачем ты защищаешь потомков де Фиенн?

– Откуда знаешь?

Грета не ответила, а Агвид пожал плечами.

– Сам не знаю. Кажется, что это справедливо. Считаю, что я защищаю надежду.

– Какая прелесть. Помощь нужна?

– Нет. Ты мне уже помогла. Ты и Оберон. А я оплатил тебе. Надеюсь, больше не встретимся.

– Ой, не любишь ты со мной встречаться.

– Не люблю. Интриги не люблю. Замки. Любезности. Я

оборотень вольный. Мне в лесу нравится.

– Хорошо, – улыбнулась Грета. – Отпускаю тебя в лес. Но, раз я королева, то повелеваю... Не смотри так, дай королевой себя почувствовать! Повелеваю тебе, Агвид вольный оборотень, учить и оберегать принца. Доверяю тебе потомка Оберона и надеюсь, расскажешь ему и про лес заветный, и про Огненного медведя, и все ваши сказки. Пусть он вырастет благородным истинным оборотнем.

– Слушаюсь, королева, – поклонился Агвид. – Такой приказ я выполню с большим удовольствием.

Он ушел, и только в образовавшейся тишине Грета ощутила знакомое напряжение. Обернулась. Верн лежал на ветке старого дуба и сверлил ее взглядом.

“Ну вот и приманила голодного зверя. Что дальше?”

Грета сделала вид, что его присутствие совсем не смущает. Потянулась к фруктам в вазе на столике и с аппетитом стала есть персик.

Шелест травы за спиной ознаменовал приближение лигра. Грета усмехнулась.

– Уйди с этого кресла, – приказал Верн.

– С чего?

– Оно для Оберона.

– Его нет.

– Да! – взвыл лигр и исчез в саду.

“Странно. Совсем его не боюсь. Доломал меня окончательно, уже никаким видом своим не испугает, – Грета под-

нялась с кресла. – Куда же ты сбежал? Королевство пылает, а король в кусты. Нет уж. Я из тебя несвоевременный траур вытрясу”.

– Верн! На тебя все надеются, а ты прячешься, словно обиженный ребенок.

– Ребенок?! – вспрыгнул на веранду вздыбленный лигр.

– Что смотришь? Думал, жалеть тебя буду? Так это не ко мне. У тебя целая свита жалостливая. Ходят по дворцу, вздыхают по углам. К ним иди! Пусть тешат твое плохое настроение.

– Плохое настроение?!

“А вот это я сейчас перегнула”, – подумала Грета и смягчилась.

– Верн, я знаю, что тебе плохо. Мне тоже плохо...

– Не смей! – крикнул он, вернувшись человека. – Это ты! Это все ты! Его нет из-за тебя! Ты убила мою семью! Опять. Грета сделала шаг назад.

– Я? – спросила она надменно. – Знаешь, от чего Оберон спас меня?

Верн смотрел все теми же дикими глазами, но Грета видела, что в человеческом виде он более контактен. Самое время его утешить.

“А плевать! – взбесилась Грета. – Я, значит, виновата? Ну, ты и сволочь, Верн!”

– Ты проклял меня! – бросила она ему. – Только искренние слова двери в мир демонов открывают. О, я слышала те-

бя. Спасибо, Зверь! Ты, Верн, был очень искренен. Утащили по твоему желанию меня демоны. Только из-за тебя все это случилось. Я убила твою семью? Правда? И родителей тоже? Так это ты трепался, что нет их дома? Я не выпытывала. Сам их указ нарушил. Предупреждали тебя, не водись с Триллиум. Но ты не слушал. Таскался ко мне и не скрывался даже. Кто виноват? Я?

Грета схватила со стола вазу с фруктами и запустила ее в Верна.

– Терпеть тебя не могу. Все жизнь мне сломал.

Не оборачиваясь, ушла с веранды. Знать не хотела, в каком состоянии оставила Верна. Пусть котом бешеным бродит, сколько пожелает, ее это не волнует. Главное – Викара отогнать в море.

“Как только это сделать? Довериться генералам, которых не знаю? Самой не справиться, понять тонкости ведения войны не успею. Времени совсем нет. Сейчас нужно действовать. Что же мне делать?”

Грета шла по коридорам дворца, пугая гневной поступью слуг. Солнце уже село, и королева походила на тучу черной магии. Никто не хотел попадаться ей на глаза, потому и освобождали коридоры, лишь завидев темную фигуру. Вдруг Грета остановилась.

– Выходи! – приказала она прячущейся за колонной служанке.

Та послушно вышла и поклонилась.

– Отправляйся к придворной даме Виве. Пусть прикажет собрать два больших мешка осиновых листьев и один с цветами пурпурной наперстянки. Она в кладовой магов. После этого пусть рассыпят соль с осиновыми листьями вокруг темницы благородных душ. Круг должен быть ровный, без промежутков. Я проверю. Найду неровность, заточу в той же темнице. Все ясно?

– Да, Ваше Величество, – еще ниже поклонилась служанка.

– Тогда беги к Виве. Чтобы через час, максимум два, все было готово.

Девушка умчалась, а Грета пошла дальше по коридору.

– Ну что, Зверь, – спросила полушепотом, – ты мне обещал.

Через час ее нашла Вива и, сказав, что все готово, повела к башне. Фрейлина была смущена столь странной просьбой. Понимала, конечно, что колдовство какое-то королева задумала, но какое — не ясно. Для оборотней магии молитвами только орудовали. Немного вспомогательные порошки использовали, атрибуты магические по мелочи. Но круги вокруг зданий – что-то новенькое.

– Простите, Ваше Величество, – не выдержала Вива, когда они остановились возле начерченного солью и листьями круга. – Но что вы сделаете?

– Спалю эту башню к чертовой матери, – решительно ответила Грета и встала на колени перед кругом. – А ты уходи.

И пусть все уйдут. Что бы ни произошло, оборотням сюда нельзя. Запомните это. Огонь может на любого ребенка зверя перекинуться. Пока башня не погаснет, никто подходить не должен. По крайней мере, если жить хочет.

– А сколько башня будет гореть? – испуганно спросила фрейлина.

– Не знаю, – призналась Грета. – Я никогда подобные ритуалы не проводила. Давно никто не проводил. И узники башни необычные. Сколько времени уйдет на их смерть, я не знаю.

– Узники башни, – от ужаса фрейлина прикрыла рот рукой. – Вы что же... Ваше Величество, неужели вы сможете? Неужели освободите их?

Грета смотрела на нее, не понимая, отчего Вива пришла в такое смятение. То ли шок, то ли восторг.

– Я не знаю. Сказала же, – холодно ответила Грета.

Но тон фрейлину не охладил. Она с неестественной радостью бросилась обнимать Грету, отчего та опешила. Затем Вива быстро скрылась, пролепетав непонятные благодарности от всех семей оборотней.

– Глупость какая. Будто я это для оборотней делаю, – сказала, оставшись одна, Грета. – Мне просто нужна помощь Зверя. Разрушу заклинание, он оставит меня править. А значит, Викар не победит. Это главное. Раз не умею воевать армией, буду побеждать колдовством.

Грета стояла на коленях и пыталась ощутить в себе силу

матери. Отделить ее от собственной, почувствовать. Получилось ведь в замке лорда, сейчас самое время повторить. Только не случайно. Осмысленно.

Она начала молиться богам, чтобы послали огонь ей магический. Расколдовать раз умертвия не получилось ни у кого, может, огонь очистит их, отпустит в мир мертвых. Мертвые должны быть мертвы, а не заточены в гниющее тело. Неправильно это. Даже для магов неправильно.

Сушеные цветы наперстянки задымились и вскоре вспыхнули, после чего по листьям осины потянулся неуверенный еще, но уже огонь. Грета закрыла глаза и постаралась сконцентрироваться на образе матери. Вдруг хоть так поможет ей покойная колдунья. Огонь распаялся и двигался в сторону башни. Еще чуть-чуть — и стал подниматься по старым камням. Грета слышала позади возгласы и пересуды взволнованных оборотней.

“Не послушались. Зря”, – подумала.

В следующее мгновение огонь поглотил всю башню. Пламя было такой силы, что любопытствующие бросились врассыпную. А Грета пригнулась к земле и молиться продолжила. Она чувствовала, как усиливается от слов ее магия, как тянет силу, словно зверь голодный. И чем жарче распаялся пожар, тем хуже она контролировала происходящее. А когда услышала вопли не внутри башни, а в мыслях своих – словно сама она стала башней горящей – поняла, что не в силах больше удерживать вызванную ритуалом стихию. Грета про-

изнесла еще несколько фраз и потеряла сознание.

Лихорадило Грету еще долго. Хотя она не очень понимала, сколько именно дней валялась в горячке. Как и не понимала, кто за ней ухаживал, где находилась. Вроде не королевская спальня. А где? Порой она просыпалась ночью, смотрела обессилено по сторонам, но при ее усталости окружение виделось лишь темными мутными пятнами, не более. Кто-то сидел рядом с кроватью, но разглядеть она не могла, а спрашивать не было ни сил, ни желания. Понимала только, что этот кто-то меняется. То тучная тень сидела возле кровати, то вытянутая. К слову, вытянутая вкусно пахла. С ней было уютно. Широкая тень тоже пахла замечательно, но едой. А от запаха еды Грету пока что воротило.

“Почему же мне так плохо?” – спрашивала себя она каждый раз, приходя в сознание, и тут же проваливалась в сон.

Но однажды в сон ее не потянуло. Колдунья лежала и смотрела в потолок, соображая, где находится. Пыталась пошевелить рукой или хотя бы кистью, но все попытки оказались безуспешны.

– Темно, – прошептала Грета, и тут же кто-то над ней навис.

Она присмотрелась и глазам своим не поверила.

– Нянюшка?

Старушка быстро подошла к окну и сдернула плотную ткань. Повернулась.

“Граф сказал, что свет вас может потревожить. Потому и закрыли все. Как вы себя чувствуете, леди?” – показала няня.

– Хорошо, – пробормотала Грета. – Помогите мне подняться. Я с трудом шевелюсь.

“Это вас граф ввел в оцепенение. Уж больно сильно метались. Боялся, что навредите себе”, – она провела руками над Гретой, снимая заклинание.

– Погоди. Какой граф? – вновь почувствовала тело Грета и приподнялась на кровати. – Боги, я дома!

Она посмотрела по сторонам и на мгновение подумала, что все еще бредит. Ее комната. Ее собственная комната, в которой она провела всю свою жизнь, пока Верн не отобрал титул герцогини.

“Не пугайтесь, Ваше Величество, – взяла ее за руку старушка. – Здесь и вправду ничего не изменилось. Я за этим следила”.

– Но как? Оберон говорил, что в нашем доме школа.

“Школа. А на этом этаже все по-старому. Верн разрешил мне остаться. И запретил что-либо переделывать. Не заходил, правда, сюда ни разу до последних событий. Не знаю, зачем сохранил вашу комнату”.

Няня подошла к столу и налила в чашку отвар для Греты.

“Выпейте, – протянула. – Вам надо. Вы... сил много потеряли”.

– Мне бы помыться. Чувствую себя отвратно. А какой граф? – спросила Грета, все еще осматривая окружение.

“Как какой? Фелан. Он же вас лечил, – старушка вышла на минуту и, вернувшись, продолжила: – Воду сейчас нагреют, леди”.

Грета кивнула, а сама думала:

“Значит, вот чья тень рядом со мной сидела”.

– Позвать Фелана можешь?

“Конечно, Ваше Величество, – и с ладони слетела бабочка из морока. – Только подождать придется. Далеко он. Заклятье на вас наложил, а потом уехал. Свои дела, говорит. Некогда с самоубийцей возиться”.

– Почему самоубийцей? – возмутилась Грета, вставая с кровати.

“Так, говорил, не жилец вы. На ритуал такой решились, – всплеснула руками няня. – Чем только думали?”

– О королевстве думала, – буркнула Грета и выпила лекарство. – Значит, ты тут со мной возилась. А мне привиделось...

“Ой, что вы! – перебила ее старушка. – Разве могла бы я столько сидеть. Вы ведь три недели полыхали. Ох, страшное зрелище, – она села на край кровати и серьезно посмотрела на Грету. – Я вам сейчас кое-что скажу, только вы... Будьте храброй, леди. Вы храбрая девочка. У вас получится такое принять”.

Грета испепелила взглядом старушку, но та все молчала.

– Говори же!

“Вы, леди, сгорели”.

– В каком смысле? – нахмурилась Грета. – Живая. Ожогов на себе не вижу.

“Не так вы сгорели, Ваше Величество. Магия ваша сгорела. Башня та полыхала все три недели, пока вы в горячке были. Из вас всю силу пожар вытянул. Нет ее больше. Вы теперь человек”.

Теперь Грета молчала, а нянюшка пыталась предугадать дальнейшие ее действия.

“Пойдемте купаться, леди. Вода хворь смоеет, да и думается в воде вам лучше. Уж я-то помню”.

Ничего не говоря, Грета направилась за няней. Вода действительно хорошо на нее действовала. Расслабляла. Мысли в порядок приводила. Удивительно, весть о том, что нет больше магии, Грету не слишком волновала. Должно быть, ко всему привыкаешь. Верн ее уже магии лишал, эту боль Грета успела пережить. Правда, теперь по-настоящему. Хотя, кто знает? Фелан говорил, что она вообще не выживет. Может, и магию не всю потеряла.

“Мне и крупички хватит, – думала Грета, надевая свежее нижнее платье. – Самой малости, чтобы чувствовать себя собой. А великое колдовство я уже сотворила. Долги магов отдала. Больше с меня взять нечего”.

Когда вернулась в спальню, нянюшка уже сменила простыни, и Грета с удовольствием забралась под одеяло. Пусть

усталой себя не чувствовала, делать ничего не хотелось. Лежала и вспоминала свои детские и юные годы в этой комнате. Разглядывала свои вещи. Прошел лишь кусочек жизни, а столько всего переменялось и в мире, и в ней, Грете.

“Верн примчится сейчас, – отвлекла от размышлений няня. – Попросил послание ему отправить, как только жар спадет. Думаю, с минуты на минуту появится. Вы не гоните его сразу. Переживает ведь”.

– А что он, – запнулась Грета, – лигром больше не бродит? Оклемался?

“Какой там лигр, если вы такое учудили? – взмахнула руками старушка. – Бедняга. Поседеет мальчишка раньше времени. Ох, свалилось на него все и сразу. На юге война. Друга потерял. Вы вот еще чуть не убились. Хорошо хоть, выкарабкались”.

– Что с башней? – вспомнила про свою затею Грета.

“С башней? – удивилась няня. – Вы же сожгли ее. Не помните?”

– Нет, я про узников спрашиваю. Обошел их огонь или нет? Ты не знаешь?

“Это я знаю, – растянулась в улыбке няня. – Это, пожалуйста, расскажу. Хоть что-то хорошее за последнее время. Сожгли вы всех. Не стоило оно, может, этого, но дело свое сделали. Истинная колдунья. Обратни уже который день славят королеву. Хоть и покойную”.

– Что?!

“Так не знает никто про вас. Верн забрал из пожара. Все думают, что погибли вы”.

В дверь осторожно постучали.

“А вот и король!” – воодушевилась нянюшка и открыла ему.

Когда Верн вошел, старушка юркнула в коридор и закрыла за собой двери, а оборотень встал рядом с кроватью. Выглядел он плохо. Осунувшийся, бледный, глаза воспаленные.

– Это точно я три недели болела? – не удержалась Грета.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил сухо.

– Потеряно.

Она совсем не понимала его взгляда, может, от того, что глаза из-за недосыпа или еще чего красные. А может, потому, что не видела никогда его таким выцветшим.

– Ты свободна, Грета. Я освобождаю тебя. От нашего брака. От себя. Можешь действовать по своему усмотрению. Жить, где сама пожелаешь. Заниматься тем, чем хочется. Я больше не буду тебя преследовать. Мешать. Следить тоже не буду. Обещаю, – Верн закрыл глаза и глубоко задышал, поставив руки на пояс. – Я... Я бы и сейчас не пришел. Прости, что потревожил. Просто...

– Верн, успокойся.

– Хорошо. Сейчас соберусь.

Он помолчал немного, потом вновь посмотрел на Грету.

– Мне нужно кое-что сделать, потому и побеспокоил тебя.

Скоро уйду.

Не успела Грета сообразить, как Верн оказался возле нее и расцепил медное ожерелье. Замер, уставившись на черную полосу шрама. Грета смотрела на него не отрываясь и ей до ужаса хотелось понять, какие мысли сейчас роятся в этой безумной голове. Наконец Верн отбросил в сторону кольцо и сел на кровать.

– Ты настолько сильно хотела ее вернуть?

– Я просто выживала, – ответила Грета и провела ладонью по шее.

Он поднялся и, посмотрев на дверь, повернулся к Грете.

– Я хотел сделать это раньше. Чтобы ты не видела меня и... Если выживешь, то начнешь новую жизнь. Счастливую новую жизнь. Но граф сказал: во время горячки пожиратель снимать опасно. К тому же... Возможно, хоть немного магии в тебе он удержит, – Верн все никак не мог определиться, куда деть руки, и Грете это, к ее стыду, веселило. – Прости, что довел тебя до этого. До всего этого.

Он поклонился и рванул к двери, остановился.

– Грета, – вернулся к кровати Верн, – я прошу тебя... Нет. Я умоляю тебя, Грета. Не уезжай из столицы. Я не буду тебе препятствовать, если это будет твоим решением, но, Грета, не уезжай. Лучше убей меня прямо здесь и сейчас. Я ведь не смогу тебя больше защищать. Я с ума сойду от мысли, что с тобой что-то случилось и я никак, совершенно никак, не могу помочь. Не могу узнать, все ли у тебя хорошо. Не обидел ли кто. Грета, я не хочу этого безумия ни себе, ни коро-

левству. Нельзя мне, Грета. Хочешь, я никогда не подойду к тебе? Хочешь? Буду объезжать эту площадь. Стану затворником, чтобы не встретиться с тобой случайно. Только прошу, останься в городе.

– Дурак ты, Верн.

– Что? – не понимал ее тон Верн.

– Отнеси меня на крышу, – сказала Грета спокойно.

Верн не двигался.

– Никакого подвоха. Просто отнеси меня на крышу. Поговорим.

Она набросила на себя плащ и подошла вплотную к оборотню.

– Ну? – выжидающе смотрела на оборотня. – Верн, что ты там думаешь? Таскаешь меня без разрешения столько, сколько я себя помню. А тут мнешься. Я же попросила. Сама не смогу туда залезть. И лестницу не знаю где найти.

– Хорошо, – ответил он и обернулся лигром. – Садись.

На крыше Грета осторожно соскочила с кошки и подошла башенке, где когда-то они сидели вдвоем.

– Я здесь не была с того дня, – сказала Грета.

– А я был. Много раз, – ответил Верн.

– Что делал?

– Вспоминал.

– Я тебя простила, Верн, – Грета забралась на парапет, где много лет назад сидела рядом со своим любимым котиком. –

Как ты верно сказал: мы мастерски делаем друг другу больно. Может, перестанем?

– Именно это и пытаюсь сделать. Я люблю тебя, Грета. Рядом с тобой голову теряю. Все порчу.

– Это точно. Захотел. Не получил. Сломал. Твоя стратегия, – улыбнулась она.

– Но теперь ты от этого свободна. Ломать больше не буду.

– А может, лучше починишь? – весело спросила Грета.

Он молчал, а она смотрела на пустую площадь и думала: точно ли готова к тому, что собирается сделать?

– Я согласна, Верн.

– На что? – не сообразил оборотень.

Она подошла к нему и сняла плащ. Видела, как произвольно дернулся оборотень, чтобы прикрыть ее от ветра, но остановился.

– Быть твоей женой, – ответила Грета, улыбаясь. – Сделай меня своей женой. По-настоящему.

Верн обмер, потому она взяла его руку и провела ладонью по своей щеке. Затем стянула нижнее платье и обняла Верна. Он не шевелился, только сердце колотилось так, что Грета занервничала и посмотрела на него беспокойно.

– Ты меня больше не ненавидишь? – голос его дрожал, но Верн продолжил. – Ты меня любишь?

– А что, если не люблю? – не удержалась Грета. – Откажешься?

– Опять издеваешься, – вернулся к обычному тону Верн.

– Не издеваюсь, – прикоснулась она губами к его щеке. – Люблю. Вот так странно люблю. Такой колючей любовью. Но ты и сам знаешь, у меня другой нет.

Глава 18

Утро Грета встретила в объятиях Верна. Однако едва приоткрыв глаза, столкнулась взглядом со взъерошенным напряженным оборотнем.

“Боги, что еще случилось?” – подумала Грета, но озвучить это не успела.

– Ты нормально себя чувствуешь? – спросил он строго.

– Ну... да, – растерялась Грета.

– Ты, – Верн отвел глаза, – не жалеешь?

– Нет.

Сгрел ее вместе с одеялом и притянул в себе, жадно целуя все, до чего мог дотянуться. Грета смеялась и позволяла ему все, что он хотел, тем более ей и самой новая сторона жизни нравилась, а времени у них было не много.

Еще ночью Верн сказал, что уезжает на юг. Победит и вернется к своей королеве, обязательно с каким-нибудь удивительным подарком. Хотя самым желанным подарком для Греты было его скорейшее возвращение.

– Обещай, что не будешь мне писать, – вдруг сказал Верн, когда собрался, а, заметив реакцию Греты, широко улыбнулся. – Нет, это не то, о чем ты подумала. Я опасюсь, что шпионы все-таки узнают о тебе. А Викар не упустит возможность манипулировать мной. Знаешь мой характер, боюсь, не успею проверить, от тебя письма или поддельные. Налю-

маю дров. Потому не хочу их получать. Просто пообещай мне, что будешь здесь, пока я не приеду. Няня, Фелан и еще пара проверенных людей позаботятся о тебе. Никто больше не знает, что ты жива. Пусть так и будет. Отдыхай. Тебе нужно набираться сил. Много болеете этим летом, моя королева.

– Хм. Ладно.

Он не удержался и забрался к ней, целуя все еще не одетую Грету.

– Не представляю, как проживу без тебя эти месяцы. А может, и не доживу...

– Верн! – оторвала его Грета от груди. – Не смей даже думать о смерти. На меня смотри! – приказала. – Вот так. Послушай. Ты – родился трехцветным, тебя ждет великая судьба. Помнишь? Все уши мне прожужжал. И это правда, Верн. Ты прекрасный король. Тебя выбрал дух лигра. Сам Зверь послал тебе на помощь Огненного медведя. Верн, ты всего добиваешься, никогда не отступаешь. Никакой пройдоха из моря тебя не победит. Не по зубам Викару мой король.

– Твой король? – улыбнулся он ласково.

– Мой король, – повторила Грета, целуя. – Мой муж. Мой Верн, – она остановилась и оттолкнула его. – Все. Уходи.

Он послушно поднялся и, стараясь на нее не смотреть, вышел из комнаты. Грета хотела его догнать, попросить, чтобы не уходил, только вот прекрасно понимала, что это его долг, его обязанность перед всем королевством.

– Оберон сказал, что он хороший полководец. Значит, все

будет хорошо. И Зверь мне обещал.

– Что я тебе обещал? – издевательски спросил Зверь за спиной шепотом, от которого хотелось бежать без оглядки.

– Ты обещал, что...

“А что? Что я буду править. Что маги будут на престоле. Что род Триллиум не исчезнет”, – мерзкая мысль уже сформировалась, осталось лишь оформить ее в слова.

– Насчет Верна ты ничего не обещал, – медленно сказала Грета.

– А сколько раз ты сказала, что он тебе не нужен? – хохотало пламя свечей. – Глупая колдунья. Верно говоришь, его ждет великая судьба. Только кто сказал, что жизнь его будет долгой?

– Нет! – бросилась к двери Грета.

Распахнула ее и столкнулась с трехцветным котом, ожидающим на пороге. Остановилась неизвестно с чего, а кот вдруг прыгнул и, поцарапав ей руку, куда-то умчался.

– Что за... – не успела договорить Грета, как в глазах потемнело.

Она сделала несколько шагов, пытаясь позвать хоть кого-нибудь на помощь, остановить Верна, но ноги ее не слушались, а разум проваливался во тьму.

Грета чувствовала, как ветер треплет ее волосы. Чувствовала аромат роз. Такой знакомый. Она открыла глаза и сразу узнала это место.

– Юг, – прошептала, поднимаясь. – Мне снится юг.

Она пошла по знакомой тропинке. Скоро, очень скоро из-за деревьев выглянет старая мельница. Но ее все не было. Грета занервничала. Хоть и понимала, что находится во сне, тревога заливала ее тело с каждым движением.

– Это просто сон. Ничего этого нет, – убеждала она себя и все никак не могла разглядеть мельницу.

Развернулась. Хотела увидеть замок. Просто убедиться, что не ошиблась и сон ее привел именно в место своих воспоминаний. Замок был на месте. Все так же нависал над морем, угрюмый и одинокий. Колдунья повернулась в сторону мельницы и только тогда увидела, ее. Полыхающую высокой башней. Проморгалась. Действительно, не мельница. Темница ее, Греты, горит.

– Терпеть не могу колдовские сны, – нахмурилась Грета. – Стой, гадай, что значит.

– Что значит? – прошептал Зверь над плечом и захихикал. – Пустые слова мелет, труд прогорает, вода прошлое смывает.

Грета обернулась, надеясь все-таки увидеть мучивший ее дух.

– Что тебе нужно от меня?

– Иди в замок.

Она послушалась. Чем быстрее справится с этим сном, тем быстрее в мир вернется и Верна предупредить успеет.

– Или нет? – спросила у пустоты Грета, потому что вдруг

оказалась в замке.

Она стояла на том самом балконе, с которого укатилась в море. Сейчас, правда, ее совсем не тянуло вниз, осторожно подошла к краю и заметила корабли.

– Они уже здесь, – бросила взгляд на берег, видела, как бурлит другое море – оборотней. – Чтоб тебя, Зверь! Что тебе от меня нужно? Это сон? А если нет, то кто побеждает в сражении?

– Верн побеждает, – спокойно ответил голос. – Его это судьба. Вернуть оборотням величие. Хотя и потерь много. Долго оправляться семьи будут после этой войны. А вот и Викар. Скоро умрет. Тебе отсюда не видно, но ведь мы не за этим здесь.

– А зачем?

– За пожеланием, – ответил голос. – Сейчас, сейчас. О. Видишь? Там среди волков волнение.

Грета смотрела и ничего в этой неразберихе не видела.

– Глупая колдунья, – усмехнулся голос, и что-то зазвенело в небе. – Викар мертв. Нам пора.

– Пора что?

– Отправить смерть, конечно же, – захохотал Зверь, и вместе с этим хохотом грохнуло что-то, и Грета на пол балкона повалилась от ужаса.

Тряслась и земля, и небо, а она никак не могла понять, что случилось, хоть сон, ощущения были самые настоящие.

– Смотри, колдунья! – сквозь смех приказал Зверь. – Твои

чаяния сбываются.

Грета поднялась. Грохот тот – это скала обрушилась. Та самая, на которой замок построен. Хотя строение древнее и не шелохнулось. Пыль и камни запрудили берег. Рвалось войско оборотней, с трудом соображая, что случилось. Хотя, нет. Грета присмотрелась. Оборотни бежали с ужасом. Кричали что-то, позабыв совсем о битве с морскими демонами. Грета нахмурилась, ступила на самый край балкона, и только тогда поняла, чем они так испуганы.

– Проклятая армия, – ахнула она, видя, как выползают из скалы спрятанные под замком умертвия. – Что же ты делаешь?! Их так мало. Они не отобьются.

– Правда? – удивился голос. – Какая-то часть, пожалуй, и не отобьется. Но не бойся, колдунья, как только мертвецы достигнут цели, обретут смерть. Не будет больше на побережье неуспокоенных. Это ли не радость?

– Какую цель? – хотя сама уже догадалась.

– А какую ты им задала? – смеялся голос. – Что же... Что же ты им приказала? Ах да, “убить кота”. Слышишь? Они ведь это и кричат: “Убьем кота за род Триллиум!” – заливался голос.

“Это просто сон. Это просто сон”, – повторяла про себя Грета.

– Как думаешь, колдунья, – заговорил он вкрадчиво, – от чего погибнет король? Рука ли мертвеца пронзит его? Или разорвется сердце от горя у благородного оборотня. О, я уже

слышу его крик, – Грета почувствовала горячее дыхание на своей шее, Зверь прошептал: – Ложь! Все ложь.

– Верн! – Грета вновь находилась в своей комнате. – Это просто сон, – выдохнула она и заметила на краю кровати мужчину. – Вы кто?

Он сидел к ней спиной, сутулый, неясно, сколько ему лет, но в том, что мужчина высок, Грета не сомневалась. Хотя, присмотревшись, она поразила себе. Как могла решить, что это человек?оборотень.

“Медведь. Хотя, нет. Кот. Волк? Ворон? Что за черт? Почему я не могу понять, как он выглядит?”

– Кто вы? – нерешительно повторила она, а существо напротив пожало плечами. – Что вы делаете?

Оно вновь не ответило, продолжало что-то скрести. По звуку Грета понимала, что существо вытаскивает из дерева какую-то мелочь. И движения плеч характерные для ремесленника. Только почему в комнате Греты?

– Это все еще сон, – догадалась она и посмотрела в окно. – Осень. Точно. Это продолжение сна.

– Нет, – вдруг ответило создание, отчего Грета вжалась в кровать. Голос этот она уже знала, и знала, кто посетил ее. – Ты не спишь.

– Не может этого быть, – приподнялась на кровати. – Листья. Они желтые. Я не могла столько спать. Меня бы разбудили.

– Почему нет? Ты сожгла свою магию. Все решили, что это последствия ритуала и оставили тебя в покое.

На Грету навалилось воспоминание сна. Верн с армией. Она чувствовала: ей не хватает воздуха, паника заполняет мысли.

– Когда? – хрипло спросила Грета. – Когда это случится?

– Сейчас, – ответил Зверь спокойно. – Это случается сейчас.

– Боги! Зачем?!

– Боги, – засмеялся Зверь и повернулся к ней мордой.

Именно мордой можно было назвать ту непонятную мешанину образов, которая мелькала и путала. Невозможность остановить мельтешение, понять, что видишь на самом деле, осознать – Грета ощущала себя потерянной и крошечной. Слабой. А Зверь вдруг обратился и разлегся на ее кровати тем самым толстым трехцветным котом.

– Маленькая колдунья всегда питала слабость к котикам, – захихикал он. – Так лучше?

Она кивнула.

– Ты спасешь его? Ты ведь можешь.

– Об этом мы с тобой не договаривались, – зевнул кот. – Зачем тебе Верн?

– Ты пришел ко мне. Сам. Я тебе нужна. Не знаю, зачем, ведь у меня ничего нет. Но нужна. Так давай сделку. Спаси Верна.

– Ух, какая, – кот прыгнул на стол и стал раздраженно

размахивать хвостом. – Быстро собралась. Не пасуешь перед великим Зверем, сразу к сделке. Ха!

– Что тебе нужно?

– Вначале скажи, зачем тебе этот кот. Я оставляю тебе престол. Сама выберешь себе мужа, проживешь долгую и счастливую жизнь. Свободной. Продолжишь род великих магов. Не этого ли ты хотела?

– Этого.

– Тогда зачем все портишь? – посмотрел ей в глаза Зверь. – Думаешь, он простит тебя, Грета? А если я скажу, что Верна смогу защитить, но его любовь к тебе умрет на том побережье? Захочешь ли ты вернуть его? Быть его тенью. Не иметь прав. Не быть любимой. Никогда.

– Верни, – сухо сказала Грета, понимая, что подписывает себе приговор.

– Ты знаешь, почему я послал к нему дух лигра? – неожиданно весело заговорил Зверь. – Все из-за тебя. Удивительно, как много в его жизни из-за тебя.

Грете было совсем не интересно, она никак не могла поверить, что только что собственными руками утопила все свои мечты.

– Я все наблюдал и наблюдал за мальчишкой и никак не мог решить, кто он. Вроде лев. Сильный, разумный. Хороший управитель для моих детей. Надо послать ему толковых учителей — и в будущем укрепит он закон во Флидабурге. Однако как только появлялась ты, глупыш Верн превра-

щался в фанатичного неуправляемого звереныша. И тогда я думал: тигр. Хороший воин. Пусть идет в рыцари. Сможет стать великим полководцем. Две великих судьбы, которые никак не являлись мне. Ускользали. И вдруг ты. Страшное горе, Грета, страшное. Верн родился в этом горе, и вместе с ним родилось мое представление, какой путь маленький принц должен пройти.

Зверь вновь прыгнул на кровать и, обратившись в существо, которое испугало Грету после пробуждения, продолжил вырезать что-то из дерева.

– Эх, маленькая колдунья, – размеренно говорил он так, словно каждое слово – стежок в его поделке. – Знала бы ты, как прекрасно вдруг прозреть и увидеть, что делать с магами. Много, очень много лет я никак не мог придумать, куда мне вас деть. И прогонять жалко, вроде как привык, и хулиганите вы, что отлупить вас хочется.

– Ты Верна спасешь или нет? – Грете чертовски надоели эти размышления, и она просто хотела знать, что Верн в безопасности.

Зверь остановился и усмехнулся.

– Умертвия обрели смерть, если ты про это. Хоть еще не заплатила. Но я тебе доверяю, колдунья, что положено мне отдашь. Никуда не денешься.

– Что ты хочешь? У меня ничего нет.

– У тебя есть магия, – ответил Зверь и продолжил работать над поделкой. – Отдай мне ее.

– Глупость какая, – растерялась Грета. – Я ее сожгла.

Зверь рассмеялся и довольно долго хохотал, чем все больше раздражал Грету.

– Ты сожгла не свою. Какая же ты маленькая и глупая. А вот свою, магию Триллиум, отдай мне. Спит она еще. Ты потому и не чувствуешь. Я раньше хотел забрать, но мальчишка Оберон вмешался. Вот умеешь же ты, колдунья, очаровывать моих королей. И откуда талант такой? Не понять мне.

Грета все пыталась прийти в себя от потока откровенностей Зверя, но тот ей не дал.

– Отдай мне магию! – приказал он страшным голосом. – Скажи искренне: вручаю тебе, Зверь, магию Триллиум, распорядись ей по своему усмотрению. Или передумала? Так до Верна я откуда угодно дотянусь. Откажешь мне, и не проживет кот и часа.

– Вручаю тебе, Зверь, магию Триллиум. Распорядись ей по своему усмотрению, – холодно проговорила Грета.

– Молодец, девочка, – растянулся в странной улыбке Зверь и вырвал из ее груди ярко-синий светящийся ком.

Грета не ожидала такого маневра, но было совсем не больно. Неприятно, страшно, но не больно. А как удивительно красиво переливалась в звериной лапе магия. Он смотрел на нее замороженно, а потом синий свет влился в лапу.

– Не бойся, колдунья, у тебя осталось крошка. Помнишь ведь, что живет в тебе сила оборотней. Не человек ты. Немного поворожить хватит.

– Спасибо, что утешил, – едко ответила Грета.

– Прощай, колдунья, – поднялся с кровати Зверь и протянул ей выточенную из ольхи птичку. – Это тебе. Сюрприз от меня. Маленькая герцогиня всегда любила сюрпризы.

– Уходи уже, – закусила губу Грета, чтобы не разреветься.

– Ухожу, – хихикнул Зверь и обратился толстым котом.

Он вальяжно прошелся до двери, и вдруг Грета его окликнула.

– Плут! Обманщик и плут! Ты обещал, что род магов Триллиум не исчезнет, а сам забрал мою силу.

Кот фыркнул и, взмахнув хвостом, спокойно ответил:

– Плут. Но не обманщик. Что касается твоей магии... Я просто найду для нее лучшее применение.

Грета ждала в тронном зале, когда услышала тяжелые шаги Верна. Пришла сюда, как только оповестили, что король вернулся в город. Боялась до дрожи в коленках, но вида не показывала. Уж лучше сразу все пережить, чем ждать, пока он сам ее найдет.

Дверь распахнулась, а вместе с ней глаза Греты. Грязь и кровь покрывали ее оборотня. Мчался в столицу, судя по всему, ни разу не остановившись, и судя по худому лицу, про еду и сон уже давно забыл.

– Ты беременна? – крикнул Верн с порога.

– Нет, – с трудом заставила себя ответить.

Он молчал. Смотрел в пол, не понимая, что в мыслях своих решая.

– Почему все самое страшное в моей жизни происходит тогда, когда я позволяю себе тебя любить?

– Все было не так...

– Ложь!

Заметила, как опустились плечи свирепого оборотня, а затем Верн отбросил меч в сторону и сдавленно, словно борясь с удушьем, сказал:

– Я обвиняю тебя в измене.

Вышел из зала, но не успела Грета справиться с внутренней истерикой, вернулся, ведя за собой какую-то девушку. Было видно, что той неловко, скорее даже пугал ее оборотень.

– Помнишь, я говорил тебе о подарке? – обратился вновь к Грете Верн. – А вот и он, – вывел девушку вперед. – Это дочь генерала Лейва. Очень хорошего генерала, очень верного. И, думается мне, очень верная дочь. Ты верна своему королю?

– Да, Ваше Величество, – поклонилась девушка, мечтая испариться из этого зала и больше никогда не видеть ни короля, ни королеву.

– Вот. Видишь, Грета? Она верная. Кроткая. Из хорошей семьи. Оборотень, – с каждым словом Верн закипал все больше. – Я женюсь на ней, Грета! А тебе, как и обещал, отрублю голову.

– Простите, Ваше Величество, – упала девушка на колени перед Гретой и разрыдалась.

– Встань! – рявкнул на нее Верн. – А теперь уходи, – добавил чуть более спокойно.

Девушка выбежала из зала, а Грета смотрела на Верна. Предупреждал Зверь, что умрет любовь к ней у оборотня.

“Может, и неплохо, что убьет. Лучше, чем изо дня в день видеть, как он смотрит на меня с ненавистью”.

– Когда? – тихо спросила.

Ничего не ответил Верн, медленно вышел из зала и закрыл двери. Грета еще долго ждала, когда явятся за ней солдаты, но никто так и не пришел. Где находится темница, она не знала. Куда теперь идти — неизвестно. Поднялась, решив, что будет ждать в особняке Триллиум. Во дворце ей, предательнице, делать больше нечего. А когда построят эшафот, то недалеко вести придется.

Однако и спустя несколько дней эшафот стоять не начали. Костер не заложили. Никто к ней не явился и совсем не интересовался, чем живет бывшая королева.

– Может, дает мне шанс сбежать? – спрашивала себя Грета, разглядывая из окна площадь.

Город жил обычной своей жизнью. Немного мрачной, ведь осень совсем уже закончилась, иногда пуская на улицы первый мокрый снег.

– Чего же он ждет?

В дверь постучали. Такой робкий стук необычен для ня-

нюшки, отчего Грета решила, что (наконец-то) за ней кто-то явился, и она перестанет жить в мерзком траурном ожидании.

– Войдите, – разрешила колдунья.

В комнату заглянула та самая девушка – невеста Верна – заплаканная и нервная.

– Простите, Ваше Величество, – поклонилась.

– Ни к чему это, – холодно сказала Грета и продолжила всматриваться в окно.

Ее раздражала эта девушка. Хотя права на это у Греты не было. Видно ведь, что девчонка сама в ужасе от того, что король ее выбрал.

“Действительно кроткая. Нежная. Не такая, как я, – старалась не смотреть на оборотня. – Зато позаботится о нем. Не то что я”.

– Ну и зачем заявила? – раздраженно спросила Грета.

– Простите, Ваше Величество, – почувствовала девушка гнев и еще сильнее занервничала. – Пришла молить вас о помощи.

– Помощи? – усмехнулась Грета. – Предлагаешь самой убиться?

– Молю, поговорите с королем, Ваше Величество.

Грета развернулась к ней и долго разглядывала.

– Он совсем плох. Никого не пускает, ни с кем не разговаривает, не ест. Мы не представляем, когда он вообще в последний раз ел. Он ведь... Мчался с юга без остановки.

Столько лошадей загнал, – девушка всхлипнула, но слезы сдержала. – А теперь лежит в своей спальне. Чахнет.

Грета не знала, что ответить. Ведь кому угодно ясно, что уж с кем, а с ней Верн разговаривать не будет. И что она ему скажет? Что все не так, как он понял? Разве можно в такое поверить?

“Нет у него больше веры. И любви нет. Никто я ему”.

– Ваше Величество, – вновь заговорила оборотень, – король без вас не выживет.

– Глупость какая.

– Все это знают.

– Ошибаются! – возмутилась Грета. – В его глазах тьма и безумие. Я почти чувствовала, как сжигает изнутри его ненависть. Он не простит меня. Теперь уже не простит. Не разорвалось сердце у оборотня. Окаменело.

– Вы не правы, – тихо ответила девушка и, поклонившись, вышла из комнаты.

К ночи Грета извелась совершенно. Бродила по комнате, не зная, куда себя деть. Обращалась к Зверю, но тот не откликнулся.

– Ладно, – вздохнула Грета. – Хватит уже оттягивать неизбежное. Пойду к нему, и пусть убивает. Давно уже пора.

Она подошла к столу и открыла ящик. На дне лежала красивая резная шкатулка, в которой хранился ее именной кинжал. Неплохая затея — умереть от фамильного оружия. Достойно герцогини из рода великих магов.

Попрощалась с нянюшкой, хоть та и не верила, набросила плащ и поехала во дворец. Никто ее не останавливал. Скорее обрадовалась стража, когда появилась Грета на пороге. Молча открывали перед ней двери оборотни. Без проблем добралась до королевской спальни.

Постучала. Тихо.

– Давно король выходил оттуда? – спросила у стражника.

– Не выходил.

– К себе пускает?

– Раньше не пускал. Теперь просто лежит и не на что не реагирует. Несколько оборотней к нему заходили, но ушли ни с чем.

“Надеюсь, напьется моей кровушки и успокоится”, – подумала Грета и вошла в спальню.

В нос ударил жуткий запах гниения. Вообще воздуха в спальне не хватало, темно, окна завешаны – все еще траурные венки и ленты, что приказала повесить Грета после ухода Оберона – и темный клубок смрада на кровати. Так и упал после приезда на нее оборотень. В грязи и крови, которые сейчас распространяли невыносимую вонь по всей комнате.

– Верн?

Не шелохнулся.

Подошла ближе, опустилась, чтобы рассмотреть получше. Отвратное король представлял зрелище.

– Зачем? – спросил он сипло.

– Тебе нужно пить, – сказала Грета, не в силах вытерпеть,

как расходятся трещинами его губы.

– Зачем?

– Чтобы жить.

– Не хочу.

– Верн, ты должен жить.

– Не называй мое имя. Только не ты.

Грета поднялась и подошла к столу. Положила на него кинжал и налила в кубок воды. Вернулась. Положила голову Верна себе на колени и стала поить. Сделав несколько глотков, выбил из ее рук кубок и с сипом крикнул:

– Уходи! Уходи и жди, когда придет за тобой палач.

– Зачем ждать? – разозлилась Грета. – Приговорил к смерти, так доведи дело до конца. Может, полегчает. Бросил свой народ. Знаешь, как за тебя беспокоятся? Кто королевство после войны восстанавливать будет? Самолюбивый сухарь!

Он отполз на другой край кровати и поджал под себя ноги.

– Почему не лигр? Почему ты не обратился? – спросила Грета.

– Не могу.

– Почему?

– Не знаю! Не могу!

Грета смотрела на скрученное грязное существо на королевской кровати и не могла придумать, как вытащить Верна из этой ямы самоуничтожения.

– Ты раздавила меня. Уничтожила. Голова моя жужжит ненавистью. Ненавижу тебя и люблю больше жизни. Не могу!

Отдать приказ не могу. Выговорить его не могу. Написать слова нужные не могу.

– Давай хоть в этом тебя выручу, – ответила Грета и подошла к столу.

Взяла кинжал, что тут же заметил оборотень.

– Верно, – неожиданно улыбнулся. – Давно мечтала овдоветь. Самое время мне выполнить очередное пожелание любимой.

Верн закрыл глаза и растянулся на кровати. Ждал. Молил Зверя: только бы не стать призраком. Один удар – все утихнет. Медленные шаги. Грета осторожно легла с краю.

“Зачем? Так неудобно”, – спросил себя оборотень и тут же почувствовал что-то горячее.

Страшная догадка оживила его бессильное тело. Он распахнул глаза и увидел Грету.

– Дура! – бросился пережимать ее исполосованные руки. – Какая же ты дура. Лекаря! Сейчас же!

– Верн, отстань, – пыталась оттолкнуть его Грета. – Почему ты все время мешаешь моим планам? Сам приговорил к смерти. У меня уже ничего от мага не осталось, дай хоть умереть как маг. Мне страшно. Не хочу! Не хочу, чтобы мне рубили голову. Гореть не хочу. Не могу больше ждать! Пусти!

– Не пущу. Моя ты, – перевязывал ее Верн. – Никуда от меня не денешься. Люблю я тебя, Грета. Чтобы ни творила, все равно люблю. Смертью от меня не отгородишься. Всегда рядом буду. Не люби! Можешь и прогнать. Но жить ты, Гре-

та, будешь.

– Верн.

– Что? – отвлекся от перевязывания оборотень.

– Я тоже тебя люблю. Не отпускай меня.

– Никогда не отпущу.

Эпилог

Прошло 15 лет.

Несколько легких дуновений — и пушистые завитки рыхлых облаков сбились в заячьи ушки. Еще немного ветра — из большого облака сформировалось тельце с лапками и пышным хвостом. Хвост взмахнул игриво, и детвора на главной площади пришла в восторг. А заяц поплыл по небу как ни в чем не бывало, гонимый летним ветром за город. Потом его потреплют птицы, но пока он здесь — во Флидабурге — может радовать своим видом горожан.

Горожане и вправду радовались: погода чудесная, столицу переполняли гости, к празднику подтянули самых разных музыкантов и даже кукольный театр, а со стороны дворца тянулись к площади забавные облачные зверюшки. Сбивались они рядом с главной башней. Когда-то жутким строением, а теперь пестрым маяком, бликующим на весь город витражами. Именно в этой башне — на одном из этажей оранжереи — сидела юная принцесса и, подглядывая в бабушкину книжку, нашептывала ветру.

— Адена! — позвала Грета, поднимаясь по лестнице. — Где ты? Нам пора на посвящение. Нельзя опаздывать.

Всегда невозмутимая и неспешная королева сегодня нервничала. После безмятежной зимы весна всегда щедро одари-

вала королевство событиями. Но сейчас начало года превзошло все ожидания. Вместо размеренных теплых дней столица переживала наплыв гостей со всех провинций и соседних стран. Новым оборотням и людям всегда были рады, но город еле вмещал желающих посетить (и поучаствовать в ней) традиционную весеннюю ярмарку. Еще осенью совет предвещал нечто подобное, но до последнего это казалось лишь смелой фантазией. Кто бы мог подумать, что прибытие торговцев с заморскими диковинками сумеет настолько распалить интерес к Флидабургу.

– Я не опоздаю, мам, – ответила принцесса. – Еще чуть-чуть потренируюсь и спущусь.

– Не спустишься, – вышла на нужный этаж Грета, – а спустимся. По традиции я должна тебя заплести. Так что отложи книгу. Завтра поколдуешь. Или вечером, если время на это останется. Ты рубашку ритуальную сшила?

– Конечно, – Адена положила книгу на скамейку в сторонке и стала подниматься в свою комнату по лестнице. – Я отдала ее Виве.

– Хорошо, она передаст рыцарю, – последовала за ней Грета. – Сейчас тебя соберем и выезжаем в молебную рощу.

– Почему так рано? Я думала, мы пообедаем во дворце.

– Нет. Надо приехать раньше гостей. Ты – хозяйка, Адена. Ты должна всех встречать, все проблемы решать, гостеприимство проявлять.

– Скучать, – добавила таким же тоном принцесса.

– Это как тебе будет угодно. Только виду не подавай. Ты будущая королева, так что привыкай к нудным церемониям.

Они вошли в комнату, и Грета посадила дочку перед зеркалом. Расчесывала ее белые волосы и все думала: как же Адена похожа на отца. И глаза такие же зеленые, и ямочки, да и характер весь в Верна. Только волосы от нее, Греты, достались. Необычно смотрелась принцесса среди оборотней, все спрашивали: лебедь ли? Нет, не лебедь.

– До сих пор не понимаю, почему я? Посвящение в рыцари всегда проводишь ты. Ты ведь королева, мне по возрасту не положено церемонию вести. Может, ну его?

– Мы это уже обсуждали, – спокойно ответила Грета. – Не простого сегодня рыцаря посвящать будем. Никто из оборотней не позволит, чтобы маг ритуал проводил. Оскорбление это. Ты тоже не слишком-то подходишь, но хотя бы Стейнмунн по рождению.

– Вы с папой так говорите, как будто нам одолжение сделали.

– Вообще-то так и есть, – улыбнулась отражению дочери Грета. – Не хмурься. Для тебя это глупая церемония, которая свалилась как снег на голову, а для королевства возможность укрепить наши шаткие и сложные отношения с островами. После сегодняшнего посвящения можно будет сказать, что мы окончательно в мире. А ты знаешь, сколько лет и сколько трудов на это положил твой отец. Сложно с этими оборотнями договариваться. Очень сложно. За последние годы они,

конечно, поменялись, законы стараются соблюдать, разбой прекратили, но, поверь мне, те еще варвары. Оскорбляются на раз. Не прочь побиться из-за какого-нибудь пустяка. Так что держи свое желание повеселиться при себе, веди себя так, как предписывает церемония. Никаких отступлений. Никаких выкрутасов. Понимаешь меня, Адена? Оскорбишь кого-нибудь из островитян и, вполне возможно, развяжешь новую войну.

– Я понимаю, – сухо ответила Адена и потянулась к бумагам на столе. – А почему папа тут написал, что рыцарь не преклонит колено? Это же не по правилам. Как это я буду его посвящать, если он стоит.

– Так и будешь, – вздохнула Грета и приступила к прическе. – Как написано, так и будешь. Такая семья перед нами кланяться не будет.

– Получается, и мечом его благословлять не надо. Ерунда какая-то, а не церемония, – вздохнула принцесса. – Mam, а можно мне волосы распустить? Не люблю я, когда все стянуто. Можно? А? Я отговорку придумала. Если кто спросит, то скажу, что это в честь юга. Южные семьи не все смогли присутствовать. Здорово придумано, правда?

– Ну, допустим, – с сомнением ответила Грета.

– Только две тонких косички заплети и сзади сцепи.

– Это еще зачем? Косы для магов.

– А я ведь маг. Наполовину, но маг. Пусть все об этом знают.

– Все и так об этом знают, и не самое лучшее время напоминать о своей смешанной крови на такой щекотливой церемонии.

– Ну мама... А если папа разрешит? – воодушевленно спросила Адена.

– Твой папа что угодно тебе разрешит, – ответила Грета. – В нашей семье я здравомыслие.

– Точно-точно, ты наше здравомыслие, – внезапно обнял ее Верн. – А что происходит? Вива внизу извелась, все фрейлины собрались, ни королевы, ни принцессы.

– Погоди-ка, – развернулась к нему Грета и прищурилась. – Ты сейчас вошел не через дверь. Верн! Ты уже не котенок прыгать по крышам.

– Кстати, что я должен разрешить? – решил проигнорировать ее Верн.

– Только две косички, – улыбнулась Адена. – Сущие пустяки.

– Хорошо. Пусть будут косички.

– Верн!

– Грета, не злись. Ну что может произойти из-за косичек? Не делай из оборотней непримиримых фанатиков, – он чмокнул жену и улыбнулся. – Поторопитесь только.

– Оборотни и есть фанатики, когда дело касается вопросов крови, – ответила Грета и стала быстро заплетать принцессу. – Я очень переживаю за сегодняшний день. И мне не нравится твое легкомыслие. И ее тоже. Начудите, как будем

выкручиваться?

– Кажется, моя жена забывает, что я здесь король и посвящение проходит в моем королевстве и по моим правилам, – серьезно сказал Верн. – Переживать должна не ты, а оборотни с островов, которые собираются показать нам свою искреннюю дружбу. А знаешь, Грета, дружба бывает только, когда все ведут себя так, как привыкли. Никто ни перед кем не заискивает и не показывает себя тем, кем не является. Если моя дочь хочет прийти с прической магов, почему нет? Ей всего четырнадцать, самое время быть игривой и нарушать правила.

– Обожаю тебя, пап.

– Я тебя тоже, птичка. Дай-ка я на тебя посмотрю.

Грета как раз закончила с волосами, и Адена подала руки отцу.

– Красавица! – он покружил ее по комнате. – Какая ты у меня красавица!

– Пап, а когда мы вернемся в город? – спросила Адена, когда остановились. – Я бы хотела успеть на ярмарку.

– Даже не думай об этом, – ответила Грета. – Весь сегодняшний день ты будешь развлекать гостей с островов. Споешь им, расскажешь что-нибудь. В общем, будешь настоящей и очень воспитанной принцессой.

– Какая скука.

– А хочешь, мы сейчас посетим ярмарку? – воодушевился Верн.

– Что? – опешила Грета.

– Что? Почему бы и нет? Вы с фрейлинами поедете к гостям, а мы прибудем к началу церемонии.

– Ты спятил?!

– Мы успеем, малыш, – он поцеловал Грету и подвел Адену к окну. – Мы ведь оборотни.

– Не смейте это делать! – возмутилась Грета, но ее не послушали.

Огромный лигр выпрыгнул из башни, а следом вылетела маленькая светло-зеленая иволга.

– Опять они меня мучают, Оберон, – вздохнула Грета и погладила листву молодого бука. – Церемония вот-вот начнется, а Верна и Адену где-то носит. Что с ними делать?

– Вы в самом деле верите, что это он? – отвлек ее Фелан.

– Я не верю, а знаю, – улыбнулась Грета старому магу. – Он мне обещал, и мне здесь всегда тепло. И хорошо, – она провела по стволу тонкого дерева. – К тому же, первый бук появился в этой роще в первую весну без Оберона. Сейчас он – главное дерево. И каждый год роща становится все больше. Видите, – Грета указала на столб с флагом Зверя, – там новые всходы. Думаю, когда первое дерево начнет плодоносить, роща подберется к стене города. Будет у нас самая большая молебная роща в королевстве. Можно сказать, не роща, а лес.

Мой любимый лес. Мой помощник и защитник.

Она подошла к графу и спросила:

– Скажите мне, какой он?

Фелан посмотрел на нее удивленно.

– Маленький де Фиенн, – пояснила Грета. – Хотя не такой уж маленький. Сколько ему? Семнадцать? Нам стоит опасаться его? Сигват, как король, довольно сложен в переговорах. Интересы своих оборотней отстаивает с таким рвением: несколько раз мы были на грани войны. Да и сейчас наши корабли порой страдают от своенравных островитян. А что принц? Вы учили его, вам должен быть известен его нрав.

– Я больше не служу вам, Ваше Величество. Говорить о моем воспитаннике не стану. Но могу вас заверить, что принц разумен и сдержан.

– Какой дух его выбрал?

– Тот, что благоволит их семье, – улыбнулся граф.

Грета выглянула из-за плеча графа и посмотрела на высокого юношу, что разгуливал рядом с главным деревом. Его Грете уже представили.

Тогда она в очередной раз поразились: как же де Фиенны все друг на друга похожи. Хотя принц Эйнар неожиданно выделялся светло-каштановыми волосами и темно-серыми глазами. “Это в мать”, – решила Грета, сверив внешность юного оборотня с королевой островов. На мать юноша тоже поглядывал, и с такой нежностью и азартом, что Грета впервые в тот момент увидела в нем не будущего противника,

а просто мальчишку, который наверняка ждет-не дожидается, когда можно будет сбежать от суровой свиты и насладиться весной, познакомиться с чужим королевством, попробовать что-нибудь новое и интересное.

“Должно быть, принц совсем не помнит Флидабург, – подумала Грета. – Его увезли отсюда, едва ему исполнилось четыре”.

– Пойдемте к гостям, Ваше Величество, – сказал Фелан. – Вы одна сейчас из королевской семьи. Вам нужно всех успокоить и показать, что Стейнмунны очень серьезно относятся к посвящению в рыцари принца островов.

– Верно, – кивнула Грета и направилась в сторону гостей.

Грета тянула торжественную речь как могла. И с каждым словесным пассажем видела: король Сигват хмурится все больше и больше.

“Ну, спасибо, муженек, – злилась Грета. – Что мне с этой тучей делать?”

Муки ее прервал ворвавшийся в рошу лигр. Верн обернулся рядом с Гретой и широко улыбнулся.

– Прошу прощения. Зато принцесса... – понял, что Адена не стоит возле главного дерева и запнулся. – Наше сокровище, уверен, появится эффектнее.

Грете захотелось провалиться сквозь землю.

– Было бы неплохо, чтобы она просто появилась, – ответил Сигват и добавил снисходительно. – Можно без помпезности. Мы и так успели осознать свою никудышность и неин-

тересность.

– Не принимайте на свой счет, – проигнорировал его тон Верн. – Ее опоздание – моя вина. Сперва не мог отказать своей красавице посмотреть кукольное представление. А затем отказать детям на площади. Знаете, у Адены прекрасный голос. Нет существа, которое бы не очаровалось ее пением.

– Это все замечательно. Баловать принцессу – похвально. Она юна и, уверен, заслужила такую любовь. Но лучше бы это делать без потери нашего времени, – заключил Сигват. – Кстати, я так и не могу взять в толк... Где она?

– Не переживай, отец, – присоединился Эйнар. – Нет ничего страшного в небольшой задержке. Тем более я не против насладиться рощей нашего семейного дерева. И тем более я не против, если принцесса раскрасила день простых горожан своим пением. Если, конечно, ее пение с этим справились, – лукаво улыбнулся он напоследок.

По свите южан прошла говорливая волна. Верн и сам бы оценил шутку, особенно с учетом того, как разрядила она обстановку, но сейчас подшутил задира над его дочерью.

– Не смей, – шепнула ему на ухо Грета.

Вполне возможно, что он бы ее не послушал, но поставить Эйнара на место Верн не успел.

Ветви деревьев резко расступились, и в принца влетела маленькая птичка, от которой тот непроизвольно отмахнулся.

Обернувшись, Адена плюхнулась в траву и чертыхнулась.

Не стоило ей колдовать в полете, пытаясь увеличить скорость ветром, потеряла контроль. А теперь голова кружится и нос болит, удивительно, как не сломал ей ничего оборотень.

– Ваше Высочество! – ахнула Вива и стала поднимать принцессу.

– Все в порядке, – ответила та, ощупывая нос. – Кажется, все в порядке.

Она подняла глаза и первым делом увидела обомлевших родителей, а потом растерянных гостей. Видя, какой шок вызвало ее появление, сама испугалась.

“Что сказать? Что сказать?” – металась в голове сотня нелепых фраз, а нужная никак не находилась.

И тут она заметила принца. Глаза его, как морской туман, смотрели встревоженным и при том любопытным мягким взглядом, отчего Адена смутилась и опустила голову.

“Скорее всего – он подумал, – это последствия падения”, – метнулся к ней оборотень.

– Позвольте... Простите... Как глупо вышло, – стал запинаясь Эйнар, столкнувшись с ледяным взглядом и оборотней фрейлины.

Тотчас понял, что в его помощи принцесса точно не нуждается.

– Ничего страшного, – ответила Адена, не него не глядя. – Я сама виновата. Врезалась в вас, как будто это мой первый полет. Извините. И за опоздание я тоже прошу прощения.

Осторожно подняла глаза. А он стоит, смотрит на нее, не шевелится и ничего не говорит. Только зарумянился немно-го.

“Странно это”, – подумала Адена.

– Раз все в сборе, – громыхнул в роще голос старейшины, хоть он и говорил негромко, – думаю, можно начать.

Все согласились, и старейшина начал долгий ритуальный монолог. Эйнар стоял напротив Адены и все ее рассматривал, а та рассматривала что-то в траве, явно не находя себе места под этим взглядом. Так же внимательно следила за принцессой Грета, оторопь которой наконец прошла, и королева выдохнула:

– Ну, вроде обошлось.

– Конечно, обошлось, – не разделял ее нервозности Верн. – Не понимаю, почему вдруг ты так серьезно относишься к простому посвящению в рыцари. Ясно, что это важно. Но ты всегда так собрана, а последние дни сама не своя. Я начинаю думать, что ты что-то от меня скрываешь.

Грета отвела глаза, и Верн посерьезнел.

– Так. Что это? Чего я не знаю?

– Верн, сейчас не время. Давай вечером.

– Нет. Не вечером. Я хочу знать, почему моя жена себя изводит уже несколько дней. Это все из-за них? – он бросил взгляд на оборотней с островов. – Что происходит, Грета?

– Ничего не происходит, Верн. Успокойся. Они тут совершенно ни при чем. И я тебе ничего не скажу, пока не закон-

чится церемония.

– Тогда я прямо сейчас ее закончу.

– Не вздумай! Совсем ум потерял? – испугалась Грета. – Ладно, хорошо. Сейчас скажу. Только пообещай, что не будешь срывать церемонию.

– Это я сам решу. Говори.

– Я жду ребенка, – припечатала она Верна. – Держи себя в руках. Пожалуйста. Знала же, после церемонии надо об этом говорить, – оценила растянувшегося в улыбке мужа. – Ну, все. Теперь у нас не король, а солнечный зайчик.

– Скажи спасибо, что не прыгаю сейчас по деревьям.

– Спасибо.

Грета попыталась сосредоточиться на дочери. Церемония как раз перешла к части с ее участием. Адена прочитала свои слова и стала подпоясывать рыцаря мечом.

– Значит, такая чувствительная из-за беременности, – отвлек Грету Верн.

– Вроде того.

– Что-то не так?

– Все так, – уклончиво ответила Грета и поняла, что не удовлетворило это оборотня. – Хорошо. Давай до конца, раз уж завели этот разговор, – видела, как Верн насторожился. – Когда лекарь осматривал меня, прослушал два сердца. Верн! Держи себя в руках.

– Я... Все. Я держу.

– Я переживаю, Верн. В моем возрасте вынашивать двух

детей...

– Это какой такой у тебя возраст? У меня самая юная королева во всем мире, – не удержался и начал целовать ее.

– Прекрати, – вырвалась Грета. – Смотри лучше на дочь. Или на принца. Это потом.

– Все, все. Я смотрю.

Когда перевел взгляд на Адену, понял, что ритуал почти закончился. Принцесса подвязывала рыцарю шпоры. Осталась последняя речь, и можно возвращаться во дворец. И вдруг он заметил, как смотрит на его дочь Эйнар.

– Ох, Зверь, – проговорил еле слышно Верн, а Грета тут же всполошилась.

– Что случилось?

– Нечего, – сжал он ее руку. – Просто узнаю этот взгляд. Разве ты не видишь?

Грета впервые обратила внимание на принца. До того ее волновало лишь правильное проведение ритуала. А теперь и она видела, как очарован оборотень юной принцессой, как ловит взглядом каждое ее движение, как раздумячился от ее близости и явно позабыл уже, где находится.

– Какой же Зверь плут. Даже в этом меня обманул. Сперва магию мою забрал, чтобы дочери подарить. Теперь это. Предсказанием, выходит, пыль мне в глаза пустил.

– Я не понимаю, о чем ты, – сказал Верн, но Грета не успела ответить.

Ритуал закончился, но Эйнар неожиданно прервал ста-

рейшину, что собирался возвестить об этом.

– Я бы хотел изменить план, – сказал принц. – Наши семьи договорились о сокращении церемонии, так как моя прекрасная дама недостаточно родовита... Простите, прошу, Ваше Высочество, за мою грубость, – смутился Эйнар. – Я лишь хочу сказать, что так не думаю. Я бы хотел, чтобы мое посвящение не было искажено из-за глупой предвзятости, – он протянул свой меч принцессе. – Согласны ли вы, моя леди, благословить меня?

– С радостью, мой милый принц, – довольно улыбнулась Адена.

Вива попросила немного подождать и сказала одной из фрейлин подать подушечку, а Верн тем временем спросил.

– Так о чем мы? О каком предсказании речь?

– Снимет дева проклятие с земли южной, морские демоны преклонятся перед королевой оборотней. Я-то думала: это я – та самая королева оборотней, – ответила Грета, наблюдая, как встает Эйнар на колени перед ее дочкой. – Но нет.

Адена перенесла меч с одного плеча принца на другое.

– Один страх у тебя останется – страх перед позором. Подобно крепости защищай нас от зла. Береги свое королевство. Будь справедлив и отважен. Встань с колен, избранный.

Адена вернула ему меч и задорно улыбнулась.

– А хочешь подарок? От меня.

– Разумеется.

Принцесса взмахнула руками и, быстро нашептывая, сма-

стерила из облаков пушистого и забавного мишку, а затем рассмеялась.

Эйнар смотрел в небо на творение, созданное для него и только для него, и поверить не мог, что оборотень на такое способен.

– Настоящее волшебство, – тихо сказал он.

– Ну, это еще не волшебство, – усмехнулась Адена. – Я и не такое могу.

Он перевел взгляд на принцессу и осторожно спросил:

– Ваше Высочество, а вы можете еще кое-что сделать?

– Что?

– Маленькую птичку. Вы ведь...

– Иволга.

– Иволга, – улыбнулся Эйнар. – Вы бы не могли добавить к моему медведю иволгу? Мне кажется, будет справедливо, если в небе будет знак и моего зверя, и вашего.

Адена еще раз улыбнулась и заколдовала рядом с мишкой птичку. Поплыли белые фигурки по небу, удивляя своим видом приглашенных на церемонию оборотней. Но принц и принцесса совсем их не замечали. Им казалось, что они одни. Стоят рядом друг с другом в роще, наслаждаясь солнечным весенним днем. Наблюдают, как такие же, как они, парят в небе, стремясь куда-то.

Так они и плыли вместе в течение всей жизни. Большой добродушный медведь и свободолюбивая певчая птичка. Объединяли своей любовью самых разных оборотней.

Заботились друг о друге и каждом в своем новом просторном королевстве.

В оформлении обложки использована фотография с <https://www.istockphoto.com> по стандартной лицензии.